ОБЗОРЪ

ПРЕЖНЕЙ СУДЬБЫ И НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ ЛИВОВЪ.

Академика **Ф. И. Видемана.**

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XVIII^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Базунова, въ С. П. Б	**Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
А. Глазунова, въ С. П. Б.	**Шмицдорфа**, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.	**Н. Киммеля**, въ Ригѣ.
А. А. Черкесова, въ С. П. Б	**Энфиджянца и Комп.**, въ Тифлисѣ.

Цѣна 55 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1870 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОБЗОРЪ
ПРЕЖНЕЙ СУДЬБЫ И НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ ЛИВОВЪ*.

I. Названія Ливовъ и мѣстности, ими заселенныя.

Мѣстности, которыя теперь заселены Ливами, занимаютъ весьма небольшое пространство; въ прежнее время онѣ были обширнѣе, что̀ отчасти видно изъ положительныхъ историческихъ данныхъ, отчасти можетъ быть выведено изъ разныхъ обстоятельствъ и указаній. Съ вопросомъ о прежнихъ мѣстахъ обитанія Ливовъ тѣсно связанъ вопросъ о томъ, какъ назывались Ливы, т. е. не столько о томъ, что̀ значитъ и откуда происходитъ теперешнее ихъ имя (впрочемъ и эти вопросы занимали нѣкоторыхъ изслѣдователей, подавъ поводъ къ различнымъ догадкамъ), сколько о томъ, какимъ именемъ въ прежнее время назывались нынѣшніе Ливы, и какія за тѣмъ мѣстности, по-видимому заселенныя другими народами, слѣдуетъ пріурочить къ Ливамъ.

Въ настоящее время Ливы представляютъ двѣ группы: одна изъ нихъ, весьма небольшая — лѣтомъ 1858 года она состояла всего изъ 5 душъ мужескаго и 3 душъ женскаго пола — живетъ

*) Извлечено изъ обширнаго историко-этнографическаго введенія къ грамматикѣ и образцамъ ливскаго языка, во 2-мъ томѣ Собранія сочиненій Шегрена, изд. въ 1861 году

въ Лифляндіи, въ имѣніи Ней-Салисъ, неподалеку отъ устья рѣки Салисъ; другая, нѣсколько бо̀льшая — по послѣдней ревизіи 1852 года 2,324 души обоего пола — на сѣверномъ прибрежьи Курляндіи. Здѣсь, конечно, рѣчь идетъ только о тѣхъ, которые говорятъ по-ливски или, по крайней мѣрѣ, знакомы съ этимъ языкомъ. Если мы станемъ принимать въ соображеніе одно лишь происхожденіе отъ древнихъ Ливовъ, то безъ сомнѣнія ихъ окажется гораздо больше. Но въ настоящее время потомковъ древнихъ Ливовъ, усвоившихъ себѣ языкъ сосѣднихъ Латышей, уже нельзя болѣе съ достовѣрностью отличать отъ самихъ Латышей, такъ что въ этомъ смыслѣ нельзя даже приблизительно опредѣлить число и степень распространенія Ливовъ. Нѣкоторыя другія извѣстія о мѣстностяхъ, гдѣ будто бы жили Ливы, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказались неправильными. Такъ напр. Гунель (Topographische Nachrichten, т. III, стр. 407) высказываетъ мнѣніе, что жители острова *Рунё* вѣроятно остатки древнихъ Ливовъ, и что они говорятъ на извѣстномъ только имъ однимъ рунёскомъ (можетъ быть настоящемъ ливскомъ) языкѣ, равно какъ по-эстски, по-латышски и по-шведски. Мнѣніе это высказано также во всеобщей исторіи Шлёцера и Гебгарди (т. 50, стр. 314) и въ исторіи Карамзина (т. I), но не подтвердилось новѣйшими розысканіями Русвурма (Eibofolke § 57; см. также напр. главу II, подъ 1785 годомъ). Во 2-мъ томѣ «Mittheilungen der rigischen Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen», въ статьѣ г. фонъ Браккеля, говорится о Ливахъ въ филіяльныхъ приходахъ Аагофѣ и Сельтингофѣ (приходовъ Шванебургскаго и Маріенбургскаго) и около Вендена. Это казалось довольно страннымъ, тѣмъ болѣе, что уже въ началѣ XIII столѣтія, а по разсказамъ лѣтописца Генриха даже еще ранѣе, мѣстности эти были населены Латышами, древняя же ливская граница начиналась лишь на нѣкоторомъ разстояніи къ западу оттуда. Изъ розысканій Шёгрена, имѣвшаго случай изслѣдовать языкъ этихъ мнимыхъ Ливовъ въ Аагофѣ и Сельтингофѣ, оказалось, что они говорятъ не столько на ливскомъ, сколько на эстскомъ языкѣ.

Правда, что одна изъ тамошнихъ деревень называется Lihwe, но коль скоро нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, то окончательное рѣшеніе вопроса должно быть основано на языкѣ, а какъ ни близко сродство обоихъ языковъ, все-же существуютъ опредѣленные признаки, по которымъ эти два языка должно отличать другъ отъ друга. Конечно, можно предположить, что отъ того времени, когда здѣсь, среди малодоступныхъ болотъ, не успѣли водвориться Нѣмцы, еще уцѣлѣли остатки древнихъ Ливовъ, сохранившіе у себя языкъ въ болѣе древней формѣ, ближе подходящей къ эстскому языку; но вѣдь это будетъ не что иное, какъ простая догадка, основанная на одномъ только имени Lihwe, которое однакожъ, въ случаѣ надобности, можно объяснить и на основаніи эстскаго языка (срав. главу II, подъ 1847 годомъ).

Около Вендена не осталось никакихъ слѣдовъ не только ливскаго, но и эстскаго языка, а сохранились только нѣкоторыя воспоминанія объ имени Ливовъ, какъ то: Ливская гора, Ливская дорога и въ особенности Ливскій погостъ (Lihwu pagasts), т. е. нѣсколько крестьянскихъ дворовъ (въ разныхъ имѣніяхъ), владѣльцы которыхъ имѣютъ право хоронить своихъ покойниковъ съ безплатнымъ звономъ въ такъ-называемый Ливскій колоколъ. Крестьянскіе дворы (семьи), пользующіеся этимъ правомъ, поименованы въ надписи, которая находится на колоколѣ; говорятъ впрочемъ, что въ 1818 году, при переливкѣ колокола, въ эту надпись включено еще 7 семей, неимѣвшихъ на то права. Такимъ образомъ къ ливскому погосту принадлежатъ 16 семей Фрейденбергскихъ, 6 вейсенштейнскихъ, 6 іогапненгофскихъ, 1 стрикенгофская, 7 семей принадлежащихъ къ венденскому замку, 1 калленгофская, 2 дуккернскія и выселка Лубинъ, который составляетъ часть главнаго имѣнія Руцки, принадлежащаго къ Аррашу. Дѣйствительно-ли и когда именно это были ливскія семейства, объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; въ настоящее время всѣ они Латыши. Наконецъ Крузе (Urgeschichte der Ehsten, стр. 96) сообщаетъ, съ чужихъ словъ, что на мызѣ Нурмисъ находится остатокъ Ливовъ, которые говорятъ между

собою по-ливски. Шёгренъ, которому не удалось собрать никакихъ свѣдѣній объ этихъ мнимыхъ Ливахъ, полагаетъ, что если внѣ черты древней ливской границы прежде дѣйствительно жили Ливы, то они, можетъ быть, переселены сюда какимъ-нибудь помѣщикомъ, у котораго въ тоже время были имѣнія и въ ливскомъ краѣ: при прежнемъ крѣпостномъ состояніи крестьянъ это не представляло никакихъ затрудненій, да неоднократно встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Графамъ же Дунтенамъ, владѣльцамъ Нурмиса, дѣйствительно, говорятъ, до 1795 года принадлежалъ и Ней-Салисъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ немногихъ Ливовъ въ Ней-Салисѣ, единственная мѣстность, въ которой теперь живутъ Ливы — сѣверное прибрежье Курляндіи. Отдѣленные широкою лѣсною и болотистою полосою земли отъ Латышей, населяющихъ внутреннія части края, Ливы занимаютъ узкую, песчаную полосу вдоль прибрежья на протяженіи 68 верстъ, отъ Домеснеса, сѣверной оконечности Курляндіи, къ западу, не доѣзжая верстъ десяти до Лизерорта, и на другой сторонѣ верстъ 12 по Рижскому заливу. На западномъ концѣ этой береговой полосы Ливы рѣзко отдѣляются отъ латышскаго населенія; на восточномъ же концѣ, т. е. у Рижскаго залива, кромѣ 14 ливскихъ деревень, лежащихъ на вышеупомянутой 68-ми верстной полосѣ, еще недавно жили Ливы вмѣстѣ съ Латышами въ двухъ деревняхъ Гинкенѣ и Шоценѣ, находящихся еще дальше на юго-востокъ. Чисто-ливскія деревни слѣдуютъ съ В. къ З. въ такомъ порядкѣ: Musta numm (Мельсилленъ), Mąg kṷla, Luoik kṷla и Kúolka при Рижскомъ заливѣ (послѣдняя лежитъ рядомъ съ сѣверною оконечностью); далѣе въ западной части курляндскаго полуострова: Waida, Sąnǫg (Саунаггенъ), Pītrǫg (Питраггенъ), Kúoštrǫg (Коштраггенъ), Irai (Клейнъ-Ирбенъ), Sīkrǫg (Сикраггенъ), Ud kṷla (Яунцемъ), Ira (Гросъ-Ирбенъ), Piza kṷla (Писсенъ), Luš kṷla или Luš *). Са-

*) Часть этихъ именъ встрѣчается уже въ грамотѣ 17 Октября 1387 года (см. Bunge, Urkunden-Buch, № 1248), гдѣ въ числѣ дондангенскихъ дере-

мый западный пунктъ, гдѣ живутъ Ливы, занимаетъ въ послѣдней изъ этихъ деревень семейство Dehling, а самый южный — семейство Pisineek по дорогѣ изъ Piza kula въ пасторатъ Ангермюнде. Между упомянутыми деревнями встрѣчаются мѣстами нѣкоторые отдѣльные крестьянскіе дворы; въ двухъ наименьшихъ деревняхъ, Mag kula и Luoik kula, находится только по два двора. Въ 1858 году, когда я былъ въ Ливскомъ краѣ, въ немъ было всего 136 занятыхъ крестьянскихъ дворовъ. Изъ нихъ 54 (самые западные) принадлежали къ мызѣ Поненъ, ангермюндскаго филіальнаго прихода Писсенъ, а остальныя къ мызѣ Дондангенъ, клейнъ-ирбенскаго и его филіальнаго, домесне сскаго прихода. Границею между этими двумя урочищами служитъ ирбенскій ручей, изливающійся съ добрую версту къ юго-западу отъ деревни Ud kula; такимъ образомъ изъ вышепоименованныхъ деревень три послѣднія принадлежатъ къ попенскому урочищу. Тутъ съ 1843 года (см. Bulletin histor.-philol. de l'Acad. des sciences, III, 17), вслѣдствіе очень незначительной смертности (ежегодно умираетъ немногимъ болѣе одного процента), число жителей очень увеличилось, а именно отъ 655 душъ, жившихъ въ 47 дворахъ, возросло до 790 душъ, занимающихъ 54 двора. Если въ донданген скомъ урочищѣ число жителей увеличилось въ такомъ-же размѣрѣ, то количество всего ливскаго населенія простиралось бы теперь свыше 2,400 душъ. Впрочемъ это довольно сомнительно, потому что мы не встрѣчаемъ тамъ того сравнительно соотвѣтствующаго увеличенія числа дворовъ, какое видимъ въ попенскомъ урочищѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія по этому предмету, такъ какъ въ Клейнъ-Ирбенѣ, во время моей бытности, не было пастора, и слѣдовательно мнѣ нельзя было разсмотрѣть приходскую книгу. Количество дворовъ показано мною со словъ сельскаго учителя Польмана; число же душъ въ каждомъ дворѣ онъ конечно не могъ сообщить мнѣ.

вень, между прочимъ, поименованы Домесне съ, Клейнъ-Ирва, Сигкерагке, Гипкевальме и Ирвемунде (нынѣ Гросъ-Ирбенъ) съ покосомъ Ангерн.

Названіе «Ливовъ» въ самомъ народѣ не употребительно. Хотя, по словамъ Шёгрена, салисскіе Ливы и называютъ себя Līb, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они дѣлаютъ это только потому, что уже вообще не говорятъ на родномъ своемъ языкѣ. Весьма понятно, что, говоря по-латышски, они называютъ Ливовъ тѣмъ-же самымъ именемъ, которымъ ихъ называютъ Латыши. Курляндскимъ Ливамъ это названіе также, правда, извѣстно, но, говоря по-ливски, они никогда его не придаютъ себѣ, а называютъ себя rāndalist (береговыми жителями), въ противоположность Латышамъ, населяющимъ внутреннія части края, которыхъ они называютъ просто mo (mą земля) или kala mied (рыбаками), на основаніи главнаго ихъ занятія. Эти названія усвоили себѣ и Латыши, въ особенности пограничные, называя ихъ sweineeki (рыбаками) или juhrmalneeki (прибрежными жителями), либо также Lihbeeschi.

Лифляндскіе Ливы, послѣдними представителями которыхъ является небольшое количество салисскаго населенія, встрѣчаются подъ этимъ именемъ уже у древнѣйшихъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, а еще ранѣе, въ послѣдней четверти XI столѣтія, у Нестора. Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній видно, что, по крайней мѣрѣ у чужеземцевъ, ливскій народъ всегда назывался однимъ и тѣмъ-же именемъ. Но слѣдуетъ-ли подъ именемъ Livones, встрѣчающихся въ баснословныхъ разсказахъ Саксона и Іоганна Магнуса, подразумѣвать тотъ-же самый народъ, который упоминается у лѣтописца Генриха Латышскаго, и должно ли вообще подъ нимъ разумѣть одинъ только этотъ народъ? Это, конечно, вопросъ другаго рода, на который отвѣчать гораздо труднѣе. Такъ и по окончательномъ покореніи Ливовъ и по водвореніи нѣмецкаго владычества имя Лифляндіи употреблялось въ другомъ смыслѣ. Тогда какъ у лѣтописца Генриха явно видна разница между Livonia и Letthia, впослѣдствіи Livonia означаетъ уже цѣлую область съ троякимъ населеніемъ (Ливами, Латышами и Эстами), и имя «Ливовъ» почти совершенно исчезаетъ до новѣйшаго времени, когда на этотъ неболь-

шой народъ опять обратили нѣкоторое вниманіе, а подъ именемъ «Лифляндца» разумѣли вообще жителя этой области, не принимая въ соображеніе его національности. Въ слѣдующей главѣ мы сообщимъ тѣ немногія извѣстія, въ которыхъ еще прямо упоминается о «Ливахъ»; вообще же употреблялось выраженіе «ненѣмцы» или «крестьяне», и не дѣлалось различія между Ливами, Латышами и Эстами. Уже въ грамотѣ 1232 года, въ которой папа Григорій назначаетъ епископа Семигальскаго, Бальдуина де Альна, легатомъ «in Livonia, Gothlandia, Vinlandia, Hestonia, Semigallia, Curlandia», Ливонія является въ этомъ болѣе общемъ смыслѣ. Въ Ріомованной лѣтописи (8928 ст.) говорится о краѣ, что «все это называется Лифляндіею», тогда какъ Арндтъ (II, стр. 294), на оборотъ, говоря о провинціи короля Сигизмунда Августа, называетъ ее Латышскою землею (Lettland). Вспомогательныя войска, которыя покоренные мѣстные жители доставляли Нѣмцамъ для ихъ походовъ, извѣстны древнимъ лѣтописцамъ по различнымъ національностямъ; Гіернъ же (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свѣдѣнія о древнихъ событіяхъ передаются имъ не со словъ прежнихъ лѣтописцевъ) говоритъ только о «крестьянахъ». Позднѣйшіе писатели, писавшіе на латинскомъ языкѣ, употребляютъ и старинное народное имя Livones въ болѣе обширномъ значеніи. Такъ напр. Діонисій Фабриціи (при Ходкевичѣ) самъ говоритъ, что Livonia получила свое названіе «a Libis», которые жили между западной Двиной и Салисомъ, и языкъ которыхъ «dialectus aesthonici idiomatis»; вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлитъ Ливонію на двѣ части: «Lothavia, quae finitima est Lithuaniae et Samogitiae...» и «Aesthonia, quae finitima est Finlandiae». Это подраздѣленіе, сдѣланное, какъ онъ самъ говоритъ, на основаніи двухъ главныхъ языковъ, дастъ намъ право думать, что «Libi», языкъ которыхъ онъ называетъ эстскимъ нарѣчіемъ, пріурочены имъ къ «Aesthonia». Между тѣмъ онъ далѣе говоритъ: «Lothavia vero in hos partitur districtus: Libiam, Lothaviam veram, Curlandiam, Semigalliam». Слѣдовательно у него Ливонія обнимаетъ всѣ три нынѣшнія остзейскія губерніи. За тѣмъ онъ распространяетъ

имя Livo и на Нѣмцевъ: Nicolaus Kursel, Livo genere,... Livones nobiles (или nobiles Livoniae),... nobiles Livones Germani. — Въ такомъ-же, болѣе обширномъ смыслѣ употребляетъ имя Livonia, уже полувѣкомъ ранѣе, Томасъ Горнеръ, который говоритъ: «Livonia... ab occidente et septentrione mari Sarmatico alluitur, a meridio Prussiam et Lituaniam habet».

По сходству языковъ, Ливовъ называетъ Эстами не одинъ Діонисій Фабрицій. Такъ напр. по словамъ Саломона Геннинга (въ концѣ XVI столѣтія), въ Курляндіи употреблялись четыре языка: «нѣмецкій, литовскій, шведскій и эстскій»; далѣе же онъ говоритъ только о двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и неѣмецкомъ. Полвѣка спустя П. Эйнгорнъ (Historia lettica) замѣчаетъ, что жители «на ангерскомъ прибрежьи въ Курляндіи говорятъ по эстски, хотя сами называютъ себя Ливами, а языкъ свой ливскимъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще положительнѣе: «во всѣ времена тутъ употреблялись только два (языка), эстскій и латышскій, что же касается до того языка, который нѣкоторые готовы принять за третій, т. е. на которомъ говорятъ на ангерскомъ прибрежьи, то это эстскій языкъ». Впрочемъ это отождествленіе Ливовъ съ Эстами основано у него не на одномъ языкѣ: за нимъ кроются еще древніе Тацитовы Aestii, потому что нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «соглашаюсь однако съ тѣми, которые полагаютъ, что Эсты суть настоящіе древніе Ливы, отъ которыхъ страна получила свое названіе. Они искони, какъ сообщаетъ Фил. Клуверусъ, населяли всю Лифляндію и Пруссію и уже Тацитомъ причислялись къ Нѣмецкой землѣ. Это видно и по тѣмъ, которые живутъ на ангерскомъ прибрежьи: они еще до сихъ поръ называются Ливами, а между тѣмъ это просто Эсты, какъ это явно доказываетъ эстскій языкъ, на которомъ они говорятъ».

Относительно происхожденія имени Ливовъ или Либовъ, Livoni, Livonii, Livones, Livii, Livenses, высказаны разныя предположенія и если бы вообще возможно было сообщить объ этомъ что-либо достовѣрное, то вѣроятно оно уже было бы открыто.

Древнѣйшее упоминаніе этого имени, несомнѣнно означающаго тотъ-же самый народъ, который и впослѣдствіи и теперь имъ называютъ, встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, у Нестора, а это, кажется, служитъ уже къ опроверженію предапія, что имя Ливовъ произошло отъ недоразумѣнія, т. е. что будто бы на вопросъ приставшихъ къ берегу Нѣмцевъ, какая это страна, Ливы отвѣчали līv mā (песчаная страна), понявъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что ихъ спрашивали о качествѣ почвы. Впрочемъ, не смотря на это, страна все-таки могла быть названа отъ слова līv, можетъ быть сосѣдними Эстами, на языкѣ которыхъ это слово значитъ «песокъ», или также «небольшую сѣть», тогда какъ въ ливскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ теперь, вовсе нѣтъ такого слова. Нѣкоторые, какъ напр. Меланхтонъ, имѣли въ виду Птолемеевыхъ Λειβῆναι, которыхъ Гермелинъ (De origine Livonorum) отождествляетъ съ Плиніевыми Hillevones, т. е. съ Livones по готскому произношенію съ придыхательнымъ L; другіе же, напр. Меній (Syntagma de origine Livonorum) и литовскія лѣтописи, сообщаютъ преданіе о томъ, что въ 70 году по Р. Х. къ берегамъ Пруссіи, Литвы и Ливоніи прибыла римская колонія подъ начальствомъ Палэмона и Либо, отъ котораго получили начало свое имя Ливовъ и Либавы и римскіе слѣды въ языкѣ, но при этомъ Ливы опять смѣшаны съ Латышами, такъ какъ въ языкѣ послѣднихъ дѣйствительно темы многихъ словъ сходны съ латинскими, конечно и безъ вліянія римскихъ колонистовъ. Иные, напр. Преторій, производятъ имя Ливовъ, какъ мореплавателей, отъ литовскаго слова lewas (корабль) или lewonis (корабельщикъ), что̀ напоминаетъ теперешнее туземное kala mied и sweineeki латышскихъ сосѣдей. По словамъ Ал. Гваньини, они по имени прусскаго королевича называются Litiali или Lituones. Важнѣе всѣхъ этихъ шаткихъ этимологическихъ производствъ вопросъ о томъ, назывались-ли Ливы также Курами, т. е. слѣдуетъ-ли подъ этимъ неоднократно упоминаемымъ народомъ въ западной части нынѣшней Курляндіи подразумѣвать Ливовъ или, какъ нѣкоторые увѣряли, Латышей. Съ этимъ вопросомъ связанъ вопросъ

о бо́льшемъ или меньшемъ распространеніи мѣста обитанія ливскаго народа.

Когда настоящіе, такъ-называемые Ливы окончательно были покорены и за тѣмъ нѣмецкое владычество стало распространяться далѣе по другую сторону Западной Двины, то мѣсто ихъ нѣкоторымъ образомъ заступили Куры. Мы видимъ тутъ туже самую борьбу для покоренія ихъ, тоже самое употребленіе покоренныхъ на войну съ независимыми въ то время сосѣдями — здѣсь съ Семигалами, а на правомъ берегу Двины съ Эстами — тѣже самыя неоднократныя, но тщетныя попытки освободиться отъ ига. Но современные свидѣтели не высказались положительно ни объ одной изъ обѣихъ національностей и вопросъ о томъ, принадлежали ли Куры, какъ часть Ливовъ, къ финскому племени или къ литво-латышскому, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи случайныхъ данныхъ. Разница въ именахъ сама по себѣ не вынуждаетъ насъ считать Куровъ и Ливовъ за разные народы. Съ другой же стороны изъ того, что страна Куровъ и область латышскихъ Семигалловъ впослѣдствіи носили общее названіе Курляндіи, еще не слѣдуетъ, что они принадлежатъ къ одинаковому племени, потому что позднѣйшее общее названіе Лифоніи на правомъ берегу Двины соединяетъ Ливовъ и Латышей также въ одинъ народъ. Это странное сходство событій и обстоятельствъ по правую и по лѣвую сторону Двины скорѣе дастъ намъ право предположить тоже самое отношеніе и въ національности обитателей, т. е. считать финское племя приморскимъ населеніемъ, а литовское — жителями внутренней части края, которые вмѣстѣ со своимъ языкомъ постепенно подвигались оттуда впередъ. Въ Лифляндіи никто не сомнѣвается въ этомъ, да и въ Курляндіи, полагаю я, при безпристрастномъ разсмотрѣніи вопроса, едва-ли придутъ къ иному заключенію.

Въ первый разъ Куры (Corі) являются въ житіи св. Ансгарія (въ IX-мъ столѣтіи) подданными Шведовъ; Генрихъ Латышскій упоминаетъ о нихъ только мимоходомъ (Curones), говоря, что ихъ покорилъ Мейнгардъ и что это были отважные

морскіе разбойники. Грабительскіе набѣги ихъ на Швецію и Данію въ союзѣ съ Эзельцами, съ которыми они вообще находятся въ сношеніяхъ — по словамъ Генриха (стр. 178), они покупаютъ у нихъ взятыхъ въ плѣнъ женщинъ —, и возбужденіе Ливовъ къ возстанію противъ Ригн (тамъ-же, стр. 66) позволяютъ предполагать родство съ лифляндскими прибрежными жителями. Рижмованная лѣтопись упоминаетъ о нихъ очень часто, почти до конца XIII столѣтія. За тѣмъ ихъ постигаетъ такая-же участь, какъ и Ливовъ: ихъ или какъ «ненѣмцевъ» соединяютъ большею частію съ другими покоренными *), или же вовсе не называютъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде упоминались Куры, позднѣе, хотя и не въ томъ-же самомъ размѣрѣ, мы находимъ Ливовъ, предполагаемое переселеніе которыхъ съ острова Эзеля или отъ салисскихъ Ливовъ ничѣмъ не доказано. П. Эйнгорнъ (1649), говоря, что принятые имъ за Эстовъ обитатели курляндскаго прибрежья считаютъ себя настоящими древними Ливами и древнѣйшими жителями этого края, сознается самъ, что относительно переселенія ихъ изъ Эстляндіи нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ можно, кажется, сказать съ достовѣрностью, что эти Ливы жили тамъ уже задолго до 1649 года. Дѣйствительно, нѣсколько болѣе древнее свидѣтельство намъ представляетъ М. Брандисъ, который въ концѣ XVI столѣтія провелъ нѣкоторое время въ Лифляндіи. Онъ говоритъ въ своей лѣтописи (Mon. Liv. ant. III, стр. 13) слѣдующее: въ Курляндскомъ княжествѣ... у крестьянъ особый языкъ, который нѣсколько похожъ на латышскій; вдоль прибрежья до прусской границы встрѣчается ливскій языкъ, а это заставляетъ думать, что Ливы жили и утвердились не только по сю, но и по ту сторону Двины, при морѣ». Слѣдовательно, находя, что уже чрезъ 300 лѣтъ **) послѣ того, какъ Куры въ

*) Напр. Салом. Геннингъ (1594), Стеф. Билавій (1566, см. P. Einhorn, Reformatio gentis Lett.).

**) Промежутокъ времени между Курами и Ливами значительно сокращается, если прибавить нѣсколько извѣстій о Курахъ, которыя намъ сообщаютъ иноземцы, напр. около 1480 года Юлій Помпоній Сабинъ въ своихъ ком-

послѣдній разъ поименованы особымъ народомъ, на томъ-же мѣстѣ упоминаются Ливы, и принимая въ соображеніе, что съ одной стороны исторія ничего, правда, не говоритъ о Курахъ, какъ въ Лифляндіи о Ливахъ (потому что съ прекращеніемъ войнъ о нихъ нельзя было сообщать ничего особеннаго), и что съ другой стороны Ливы все-таки вѣроятно уже долгое время жили тамъ, гдѣ ихъ указываетъ Брандисъ, нельзя не предположить, что оба названія, столь близкія другъ къ другу по времени, имѣютъ одинаковое значеніе, или что Ливы переселились туда въ теченіе этого промежутка времени. Но такъ какъ это переселеніе народа, который тогда былъ гораздо многочисленнѣе, должно было совпадать съ такими временами, когда въ краѣ уже установился должный порядокъ и отъ которыхъ до насъ дошло не мало другихъ извѣстій, то трудно понять, какимъ образомъ свѣдѣніе о столь необычайномъ событіи не дошло до насъ, не говоря уже до Павла Эйнгорна, жившаго двумя столѣтіями ближе насъ къ тому времени, когда Куры упоминаются въ послѣдній разъ. Идея объ эстскомъ переселеніи основана, кажется, на неправильномъ пониманіи извѣстія П. Эйнгорна, въ которомъ онъ обитателей курляндскаго прибрежья называетъ Эстами. Но этимъ, какъ я уже замѣтилъ, онъ едва-ли хотѣлъ сказать, что они Эсты-пере-

---

ментаріяхъ къ Виргилію, или въ началѣ XV столѣтія Гильберъ де Ланноа, разсказывающій въ своемъ Путевомъ описаніи (изд. Лелевеля, 1840 г.), что онъ по дорогѣ изъ Пруссіи въ Ригу въ 1413 году ѣхалъ «par plusieur villaiges des Zamegaelz, des Corres et des Lives». Собственно такъ называемые Ливы (какъ мы знаемъ и изъ Ріомованной лѣтописи) жили также на лѣвомъ берегу Двины, граница съ Курами и Семигаллами, а потому весьма понятно, что путешественникъ, ѣдущій изъ Мемеля въ Ригу, долженъ былъ проѣхать чрезъ деревни всѣхъ трехъ народовъ. Слѣдовательно, если мы станемъ держаться хотя только этого извѣстія о Курахъ, оставляя въ сторонѣ болѣе неопредѣленное свѣдѣніе 1480 года, то Куры и Ливы все-таки опять сблизятся болѣе чѣмъ на сто лѣтъ. Слова Гильбера де Ланноа «Iesquelz ont chacun ung langaige a par eulz» не должны затруднять насъ, потому что, если даже мы допустимъ, что наскоро путешествующій иноземецъ дѣйствительно могъ быть компетентнымъ судьей въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ языковъ упомянутыхъ трехъ народовъ, то во всякомъ случаѣ это не раздѣляетъ Куровъ отъ Ливовъ болѣе, чѣмъ отъ Латышей (Семигалловъ).

селенцы въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ это названіе, а разумѣлъ подъ ними потомковъ древнихъ Эстіевъ (Aestii), которые по Тациту жили «на правой сторонѣ свевскаго моря» и которыхъ самъ Тацитъ не зналъ куда дѣвать. Цейсъ полагаетъ, что подъ Эстіями должно разумѣть литовское племя, къ которому, по его мнѣнію, принадлежатъ также Куры и Семигаллы, и что финское племя, называемое теперь Эстами, получило это названіе только вслѣдствіе передвиженія имен. Ватсонъ принимаетъ Куровъ за Латышей, и это мнѣніе преобладаетъ особенно въ Курляндіи. Такъ напр. еще новѣйшій историкъ остзейскихъ губерній, О. фонъ Рутенбергъ (1858), говоритъ, что Куры произошли отъ смѣшенія древнихъ эстскихъ обитателей края съ Литовцами и Семигаллами, а Куры и Семигаллы, которые въ XIII столѣтіи являются въ исторіи двумя различными народами, по его мнѣнію уже въ то время говорили на одномъ латышскомъ языкѣ, какъ и теперь, съ небольшимъ отличіемъ въ нарѣчіяхъ. Почему онъ такъ думаетъ, имъ не объяснено, и я, признаюсь, не могу пріискать основанія, на которомъ можно бы было вывести подобное заключеніе о языкѣ Куровъ. Изъ этого языка до насъ дошли почти только одни названія мѣстностей того края, въ которомъ, говорятъ, Куры жили, а эти-то названія могутъ служить даже доказательствомъ противнаго, потому что въ нихъ можно еще довольно ясно указать разные элементы финскаго языка, т. е. языка, относящагося къ тому-же самому семейству, къ которому принадлежитъ и языкъ Ливовъ, живущихъ въ древней странѣ Куровъ. Шёгренъ, въ донесеніи о поѣздкѣ своей къ Ливамъ въ 1846 году, сообщилъ множество мѣстныхъ названій имѣній и деревень и, частію на основаніи самой формы именъ, частію по очевидному сходству ихъ съ финскими названіями мѣстностей, доказалъ, что это слѣды прежняго пребыванія тамъ народа финскаго племени. Древнѣйшія имена подобнаго рода встрѣчаются уже въ грамотахъ о покореніи Нѣмцами двухъ частей Курляндіи въ 1229 и 1230 годахъ. Одно уже обозначеніе мѣстностей посредствомъ слова «Kiligunden» чисто ливское, равно какъ и часть

самихъ именъ, въ родѣ Normis, Pügawas, Aliswanges, Matichule и многія имена, кончащіяся на Kule, нынѣ Kullen, Kuln (ливск. kula «деревня»), напр. Kinkuln, Pikkule и Pikkuln, Erkuln, Preekuln, крестьянскіе дворы Kunkeln и Kule; ливскіе же элементы оказываются въ именахъ Anjerwe (теперь Ангернъ) и Kanjerwe (нынѣшнее Кангерпское озеро), Nurmhusen, Liben, Lipsthusen, Libezeem, Libeneek, Pujalg (совершенно ливское имя); сходствомъ съ именами мѣстностей въ Эстляндіи или Финляндіи отзываются напр. Wallgale и Puro (Wallkull и Puro въ Эстляндіи), Tergeln или Targele (Tarkkila въ Финляндіи), Terwenden (Turwanto въ Финляндіи), Kimahlen, Willgahlen (Kimala, Willikkala неоднократно въ Финляндіи), Korrele (Korhola часто встрѣчается въ Финляндіи), Erwahlen, нѣкогда Arowelle въ грамотѣ 1229 г. (Arowal въ Эстляндіи) и т. п. Эти названія, которыхъ можно бы было насчитать еще нѣсколько, если бы мнѣ были извѣстны имена всѣхъ дворовъ и если бы вообще тутъ понадобилось представить извѣстное количество именъ, эти названія, говорю я, сами по себѣ, конечно, еще не могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ; но, въ связи съ тѣмъ, что нами сказано было выше, они все-таки имѣютъ значеніе и представляютъ нѣкоторыя, хотя и слабыя данныя, по которымъ мы въ состояніи прослѣдить Ливовъ отъ теперешнихъ мѣстъ ихъ пребыванія почти до самой границы между Курами и Пруссами. Другіе остатки языка сохранились во множествѣ въ языкѣ Латышей, равно какъ, можетъ быть, во многихъ сходныхъ между собою старинныхъ и суевѣрныхъ обычаяхъ ихъ. Остается еще прибавить, что въ древней странѣ Куровъ Латыши, которыхъ другіе называютъ также Tahmi или Tahmneeki, по сіе время, вѣроятно въ слѣдствіе происхожденія отъ ливскихъ Куровъ или вслѣдствіе смѣшенія съ ними, отличаются одеждою и обычаями, а въ языкѣ солецизмами, своеобразными словами и особымъ произношеніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они нарядомъ своимъ совершенно напомнили Шёгрену выборгскихъ крестьянъ. По словамъ Блума (Ein Bild aus den Ostseeprovinzen), г. фонъ-Іёвисъ и слуга его, быв-

шіе въ 1830 г. въ Кенигсбергѣ, были поражены тѣмъ, что уже по сю сторону Полангена крестьянскія одежды и постройки очень похожи на эстскія. «Глядя», говорятъ онъ, «на большія сплошныя деревни, которыя начинаются въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полангена при дорогѣ, невольно думаешь, что находишься посреди Эстовъ. Не остатокъ-ли это ливскихъ народовъ, которые, говорятъ, тутъ нѣкогда жили?»

Соображаясь со всѣмъ выше сказаннымъ и находя, что никто изъ тѣхъ, которые нынѣшнихъ Ливовъ принимаютъ не за потомковъ древнихъ обитателей этого края, Куровъ, а за переселенцевъ *), не представилъ удовлетворительныхъ доводовъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, я съ своей стороны не могу согласиться съ такимъ заключеніемъ, и увѣренъ, что Куры и Ливы не что иное, какъ различныя по мѣстности названія одного и того-же народа. Что они отличались между собою разными нарѣчіями, какъ и теперь еще курляндскіе и салисскіе Ливы или дерптскіе и ревельскіе Эсты, это весьма вѣроятно, но положительно не можетъ

*) Это мнѣніе высказано еще въ Scriptores rer. Livon II, стр 578 издателемъ Historia lettica, П Эйнгорномъ. Тамъ сказано въ примѣчаніи. «Чума «1710 года уничтожила, говорятъ, бо́льшую часть Ливовъ, а изъ церковной «книги видно, что около 1712 — 1720 ихъ числомъ почти было столько-же, «сколько теперь. Оба свѣдѣнія можно согласить, можетъ быть, тѣмъ, что пе«реселеніе эстскихъ или финскихъ колонистовъ послѣдовало непосредственно «за чумой.» — На это слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, что чума эта не только поразила однихъ Ливовъ, но съ одинаковою силою свирѣпствовала и въ остальной Курляндіи и въ самой Эстляндіи; во-вторыхъ, по словамъ Шёгрена, въ церковной книгѣ не говорится прямо, что вскорѣ послѣ чумы ливское населеніе было столь-же велико, какъ теперь, а собственно сказано только, что отношеніе крещеныхъ у прибрежной общины (Ливовъ) было почти такое-же, какъ теперь. Это скорѣе свидѣтельствуетъ противъ колонизаціи прибрежья, потому что колонизація прибрежной общины была бы поставлена въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ внутренняя община, которая должна была пополнять свой ущербъ лишь постепенно, слѣдовательно и отношеніе крещеныхъ должно было быть другое. Въ-третьихъ, я уже прежде говорилъ (Bullet. hist.-phil., т. XVI; Mélanges russes, III) и ниже, въ гл. IV, доказалъ, что языкъ Ливовъ до такой степени отличается отъ эстскаго, до какой это у самихъ Эстовъ никакъ не можетъ быть допущено послѣ лишь 150 лѣтняго переселенія и при постоянныхъ сношеніяхъ съ другими Эстами Но положимъ наконецъ, что эти сомнѣнія не противорѣчатъ предположенію о колонизаціи Эстами курскаго прибрежья — кое гдѣ,

быть доказано, потому что отъ языка настоящихъ Ливовъ сохранилась одна только небольшая фраза, а отъ языка Куровъ и того менѣе. Раздѣлятъ ли мои читатели это мнѣніе, не знаю, но едва ли кто, мнѣ кажется, не согласится со мною, что принимать за исходную точку наличныя и извѣстныя данныя (курляндскихъ Ливовъ), прослѣдить сообщенныя исторіею свидѣтельства и такимъ образомъ связать неизвѣстное (Куровъ) съ извѣстнымъ или по крайней мѣрѣ сблизить ихъ на сколько возможно, несравненно правильнѣе, чѣмъ опираться на неизвѣстное (Куровъ) и построеннымъ на догадкахъ путемъ добираться до извѣстнаго (Латышей). Въ подтвержденіе моего мнѣнія о Курахъ не стану приводить согласныя съ нимъ мнѣнія другихъ, какъ напр. Тунмана и Шлёцера, потому что факты должны быть все-таки убѣдительнѣе, чѣмъ основанные на нихъ взгляды.

Но не могу не остановиться на доводахъ, на которыхъ Ватсонъ, главный поборникъ латышской національности Куровъ, основываетъ свое мнѣніе: во-первыхъ справедливость требуетъ выслушать и противную сторону, а во-вторыхъ, онъ представилъ, кажется, лучшее, что можно было сказать по этому предмету, другіе же сторонники этого мнѣнія обыкновенно только ссылаются на него. Доводы, приводимые имъ *) въ пользу того, что Куры, о которыхъ говорятъ древнѣйшіе лѣтописцы этого края, были Латыши, подобно Семигалламъ, Виндамъ и Селамъ, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

можетъ быть, дѣйствительно и происходили переселенія — все-же этимъ не устраняются тѣ Ливы, о которыхъ говоритъ Павелъ Эйнгорнъ, или еще ранѣе Мориць Брандисъ. Они все-таки остаются тамъ, гдѣ за двѣсти или триста лѣтъ предъ тѣмъ упоминаются Куры, и если бы чума даже уничтожила ихъ до послѣдняго человѣка, то это нисколько не мѣшало бы намъ думать, что они были потомки тѣхъ древнихъ Куровъ, или что у лѣтописцевъ Куры и Ливы были только отдѣльными названіями одного и того-же народа, что для насъ въ этомъ случаѣ и важно. Впрочемъ теперешніе Ливы сами ничего не знаютъ объ этскомъ происхожденіи и признаютъ салисскихъ Ливовъ, съ которыми они по временамъ сходились, своими ближайшими родичами.

*) Въ статьѣ своей о древнемъ раздѣленіи Курляндіи (Jahresverhandl. der kurland. Ges. fur Lit. und Kunst, II, стр 281 и слѣд.).

1) Если Куры были Финны, то куда они дѣлись, и откуда пришли Латыши, которыхъ теперь зовутъ Курами?

2) Если Куры были Финны, то остатки первобытныхъ обитателей Курляндіи, существующіе еще доселѣ на донданген-ско-поненскомъ прибрежьи, называли бы себя не Lihbeeschus, а Kuhrus.

3) Остатки древнихъ Куровъ и понынѣ живутъ на курляндской низменности и вдоль гафа, который по нимъ названъ Куришъ-гафомъ. Народъ этотъ, по сію пору называющій себя Kuhrus*), говоритъ не на финскомъ, не на ливскомъ, а на чисто-латышскомъ языкѣ, въ чемъ я самъ удостовѣрился на мѣстѣ. Если Ливы на попенско-донданген-скомъ прибрежьи могли доселѣ сохранить вполнѣ свое финское нарѣчіе, то Курамъ, живущимъ на низменности совершенно отдѣльно отъ Латышей, это было бы еще несравненно легче.

4) На основаніи имѣющихся у меня грамотъ, въ латышествѣ Куровъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ нихъ встрѣчаются названія мѣстностей съ латышскими окончаніями semme, zeem, kaln и латышскія слова Schagote, Schaggaru-pirksten.

5) Вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ грамота 1388 года, въ которой, по случаю опредѣленія границы, сказано: «uf eine Syp, die hetet Agmene walke up Cursch». Выраженіе akmiņu walke чисто-латышское и значитъ «Steinsiep», а прибавка словъ «up Cursch» (по-курски) доказываетъ, что тогдашній курскій языкъ былъ не что иное, какъ латышскій.

6) Въ старинныхъ грамотахъ приведены имена нѣсколькихъ свидѣтелей изъ Куровъ епископскихъ и орденскихъ; всѣ они латышскія, а не финскія имена. Такимъ образомъ нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что древніе Куры были такіе-же Латыши, какими оказываются теперешніе Куры.

7) Куры жили по рѣкѣ Нѣману, которая въ древности на-

*) Правильнѣе Kurszei; такъ въ восточной Пруссіи другіе Литовцы называютъ жителей не только низменности, но и Мемельскаго края вообще.

зывалась Chronus и Chorus; это имя я дѣйствительно нашелъ на картѣ Литвы, составленной іезуитомъ Іог. Нѣпрецкимъ. Отсюда происходитъ имя Chori, подъ которымъ Куры часто являются. Они вытѣснили финскихъ Ливовъ, настоящихъ аборигеновъ Курляндіи.

На эти семь пунктовъ я позволю себѣ въ томъ-же порядкѣ сдѣлать нѣкоторыя возраженія.

На 1-й. Точно также мы могли бы утверждать, что Ливы, жившіе по другую сторону Двины, были Латыши, и спросить: коль Ливы были Финны, то куда они дѣлись и откуда явились Латыши, которыхъ впослѣдствіе называли Лифляндцами? — Вѣдь то, что мы теперь называемъ «Курами», навѣрное не что иное, какъ Курляндцы; едва ли возможно допустить, что и нынѣ еще существуетъ особый народъ Куровъ, отличный отъ Семигалловъ и Селовъ. Понятія о народныхъ именахъ и позднѣйшихъ болѣе общихъ областныхъ названіяхъ тутъ смѣшаны; тоже самое мы видимъ въ Лифляндіи: хотя она и получила свое названіе отъ Ливовъ, но, послѣ водворенія нѣмецкаго владычества, подъ именемъ Ливонцевъ (Livones) не разумѣлись настоящіе Ливы, въ противоположность Латышамъ, и Livonia не означала населенной ими страны, въ противоположность Letthia (какъ у Генриха). Латыши, которые теперь называются Курами, т. е. Курляндцами, вѣроятно пришли оттуда же, откуда пришли Латыши, называющіеся нынѣ Лифляндцами, т. е. изъ внутреннихъ частей края, а финскіе Куры вѣроятно остались тамъ же, гдѣ и финскіе Ливы, т. е., за исключеніемъ небольшаго количества, слились съ Латышами.

На 2-й. Фактъ въ такой-же степени невѣренъ, въ какой неправильно заключеніе: Ливы называютъ себя не Lihbeeschi, a rānda mied или kala mied; вообще всѣ финскіе народы не носятъ тѣхъ именъ, которыми они сами себя называютъ. Что Ливы не называютъ себя Kuhri, еще не доказываетъ, что при прибытіи Нѣмцевъ они не могли быть такъ названы иноземцами. Развѣ мы вправѣ сказать, что сельское населеніе около Феллина не потомки Саккальцевъ (Saccalanenses), упоминаемыхъ лѣтописцемъ Генрихомъ,

потому только, что оно теперь не называетъ себя этимъ именемъ, или что Лопари въ Норвегіи не могутъ быть Лопарями, потому что ихъ тамъ называютъ Финнами? — Называли ли Семигаллы въ древности сосѣдей своихъ, Ливовъ, «Курами» или также «Lihbeeschi», этого мы не знаемъ, равно какъ не знаемъ, называли ли въ то время Куры и Ливы самихъ себя Курами и Ливами. Я полагаю, что они узнали эти имена отъ иноземцевъ, точно также какъ Эсты узнали лишь отъ чужеземцевъ, что они Эсты, а не просто «maa mehed», какъ они сами называютъ себя.

На 3-й. Имѣя въ виду, что Ватсонъ ссылается на личныя наблюденія и развѣдки, я конечно не могу опровергать его, потому что самъ не былъ на курской низменности. Но считаю нужнымъ замѣтить, что присоединеніе курской низменности къ странѣ, населенной Курами, противорѣчитъ положительнымъ свидѣтельствамъ старинныхъ писателей. Гафъ и низменность получили свое названіе вѣроятно отъ положенія своего на границѣ страны Куровъ, въ отличіе отъ другихъ, но по Дусбургу край населенъ былъ Пруссами. Во-первыхъ, онъ говоритъ (III, 2), что рѣка Мемель, въ то время впадавшая въ Балтійское море близъ Мемельбурга, слѣдовательно гораздо сѣвернѣе, чѣмъ теперь (срав. также Voigt, Geschichte Preussens, III, стр. 67), отдѣляетъ Куронію (Curonia) отъ Пруссіи (Pruschia), а во-вторыхъ сообщаетъ еще, что (III, 211) для защиты противъ нападеній Литовцевъ построено было укрѣпленіе на самой низменности «in terra Sambiae supra litus maris». Затѣмъ едва ли правильно мнѣніе Ватсона, будто жители низменности совершенно изолированы. Уже въ древнее время, какъ разсказываетъ Дусбургъ, нашествія Литовцевъ направлялись чрезъ низменность, вѣроятно потому, что тутъ встрѣчались наименьшія естественныя препятствія. Вотъ почему тутъ и построено было искусственное укрѣпленіе при гохмейстерѣ Гартманѣ фонъ Гельдрунгенъ. Слѣдовательно, если бы Куры дѣйствительно и жили на низменности, то они все-таки не были бы въ такомъ изолированномъ положеніи, которое могло бы ихъ спасти отъ сліянія съ латышско-литовскимъ народомъ. Несравненно

болѣе надежный рубежъ представляетъ лѣсистая полоса, которая теперь отдѣляетъ Ливовъ отъ Латышей, подобно рубежу, отдѣлявшему въ древности Куровъ отъ Семигалловъ.

На 4-й. Такъ какъ Ватсонъ не приводитъ ни документовъ, о которыхъ онъ говоритъ, ни названій мѣстностей, оканчивающихся на semme, zeem и kaln, то я и не могу представить спеціальныхъ возраженій на это. Замѣчу только, что подобныя названія тогда лишь могутъ служить доказательствомъ, когда нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ мѣстностяхъ первоначально жили Куры: въ противномъ же случаѣ они показываютъ только, что латышскій языкъ успѣлъ выдвинуться впередъ, какъ мы это видимъ изъ многихъ латышскихъ названій мѣстностей въ первоначально ливской части Лифляндіи. Въ древнѣйшихъ грамотахъ, заключающихъ въ себѣ названія курскихъ мѣстностей, встрѣчаются правда нѣкоторыя имена, которыя говорятъ въ пользу сродства съ финскими языками, но нѣтъ именъ на semme, zeem и kaln; такою-же неопредѣленностію отзываются мнимо-латышскія слова Schagote и Schaggaru-pirksten.

На 5-й. Съ перваго взгляда этотъ пунктъ очень доказателенъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ теряетъ свое значеніе. Уже неоднократно было замѣчаемо, что во время нѣмецкаго владычества — а грамота болѣе ста лѣтъ позднѣе перваго покоренія Куровъ — слова ливскій и Лифляндія, равно какъ курскій и Курляндія, нельзя принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ принимали прежде: выраженія эти не означаютъ особаго народа или особаго языка, а имѣютъ только мѣстное значеніе. Видя, до какой степени одинаковы отношенія, невольно убѣждаешься, что въ Курляндіи должно быть тоже самое, что въ Лифляндіи, хотя тамъ нельзя доказать это такъ ясно, какъ здѣсь. Если бы мы стали обращать вниманіе на одно только названіе, не принимая въ соображеніе, гдѣ, когда и кѣмъ оно употреблялось, то мы могли бы представить противъ Ватсона обратное доказательство и сказать: такъ какъ Ливонія на югѣ простиралась до Пруссіи и Литвы (см. напр. Th. Hoг-

ner, 1562), то въ Курляндіи былъ и ливскій народъ и ливскій языкъ.

На 6-й. И въ этомъ случаѣ Ватсонъ не указываетъ подробнѣе ни грамотъ, ни мнимо-латышскихъ личныхъ именъ, а такъ какъ грамоты относятся ко временамъ орденскимъ и епископскимъ, то его доказательство имѣетъ такое-же значеніе, какъ и предъидущее.

На 7-й. По взгляду Ватсона, древнія названія мѣстностей въ Курляндіи дѣйствительно, какъ уже замѣтилъ и Тунманъ, говорятъ въ пользу того, что страна въ прежнее время была населена финскимъ народомъ, который однакоже уже до прибытія Нѣмцевъ былъ вытѣсненъ отсюда Латышами, за исключеніемъ сѣверной оконечности, гдѣ онъ находится еще и доселѣ, такъ что въ Курляндіи прежняя ливская полоса земли уже въ то время находилась въ томъ-же самомъ положеніи, какое мы теперь видимъ въ Лифляндіи. Но если Ливовъ считать настоящими аборигенами Курляндіи, а не позднѣйшими переселенцами, то дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ ихъ все-таки хотятъ отдѣлить отъ Куровъ. Положимъ, что нельзя вѣрить Іоганну Магнусу на слово, будто бы Куры жили при Балтійскомъ морѣ уже въ 1400 г. до Р. Х., все-же они по крайней мѣрѣ должны были находиться тамъ въ достовѣрныя историческія времена, послѣ и незадолго до прибытія Нѣмцевъ и утвержденія нѣмецкаго владычества въ Лифляндіи, когда столько говорилось о ихъ морскомъ разбойничествѣ и они съ большимъ флотомъ напали даже на Ригу. Затѣмъ, имѣя въ виду, что еще теперь Ливы населяютъ большую часть морскаго берега, притомъ какъ-разъ противъ Эзеля, съ жителями котораго Куры въ то время предпринимали сообща нѣсколько морскихъ экспедицій и вообще находились въ разныхъ сношеніяхъ, да принимая въ соображеніе, что по свидѣтельству Брандиса Ливы въ его время простирались до береговъ Пруссіи, мы приходимъ къ тому заключенію, что Куры, какъ отдѣльный отъ нихъ народъ, могли занимать только внутреннія части страны. Но какъ объяснить въ этомъ случаѣ обширныя пред-

пріятія ихъ на морѣ? По Орденской лѣтописи (§ 131), Куры какъ разъ значутся тамъ, гдѣ по Брандису находятся Ливы, на протяженіи 50 миль вдоль морскаго берега (ср. Reimchronik v. 351). Мнѣніе, что Ливы отдѣльный отъ Куровъ и вытѣсненный ими народъ, столь-же несостоятельно, какъ и мнѣніе о томъ, что они весьма поздніе переселенцы.

Предложенныя доселѣ объясненія имени Куровъ, Curi, Cori, Curonii, Curones, Curonenses, Curetes, Cureti, у Нестора Корсь*) столь-же шатки, какъ объясненія имени Ливовъ. Сводъ относящихся къ этому предмету мнѣній и догадокъ сообщаетъ Крузе (Urgeschichte, стр. 144 и слѣд.). Старинные писатели чаще всего объясняютъ это имя изъ латышскаго языка, задавшись мыслью, что Куры должны быть Латышами. Такъ напр. Кранцъ производитъ это имя отъ словъ kur semme (по латышски: гдѣ земля), которыми Куры будто бы разспрашивали о своемъ участкѣ. По Монтанусу, оно происходитъ отъ латышскаго слова juhra (море), которое читалось Chure (!), почему и Эзель назывался Churesaare, т. е. морской островъ. Эти латышскія этимологіи — Гермелинусъ припоминаетъ прусское слово Kauras (равнина) — не совсѣмъ соотвѣтствуютъ, впрочемъ, мнѣнію тѣхъ, у которыхъ, какъ напр. у Іоганна Магнуса, исторія Ливовъ и Куровъ начинается уже около 1400 года до Р. Х., или которые производятъ Куровъ отъ Куретовъ въ Каріи, либо отъ Гибеонитовъ, осужденныхъ на рабство Іисусомъ Навиномъ, либо отъ Грековъ, удалившихся со страха передъ Александромъ Македонскимъ.

Вопросъ о томъ, должно ли и Эзельцевъ считать Ливами, какъ, по словамъ Гупеля (Topographische Nachrichten), полагаютъ нѣкоторые на основаніи разницы между языкомъ Эзельцевъ и языкомъ другихъ Эстовъ, къ которымъ ихъ обыкновенно причисляютъ, вопросъ этотъ долженъ остаться нерѣшеннымъ, пока эзельское нарѣчіе не будетъ тщательно изслѣдовано. Въ историческомъ отношеніи въ пользу этого предположенія говорятъ, ка-

*) Составлено, можетъ быть, на основаніи болѣе древней литовской формы.

жется, только сообщаемыя лѣтописцами свѣдѣнія о близкихъ сношеніяхъ Куровъ съ Эзельцами и предпринятыхъ ими сообща морскихъ экспедиціяхъ. Но все-таки это слишкомъ недостаточно и объясняется во-первыхъ сходствомъ предпріимчиваго и разбойническаго характера тѣхъ и другихъ, поддерживаемаго благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, а во-вторыхъ и тѣмъ, что Эзельцы находились къ Курамъ ближе всѣхъ другихъ Эстовъ, слѣдовательно имѣли болѣе повода къ сближенію съ ними, чѣмъ прочіе Эсты и даже сами Ливы. Островъ ихъ, отстоящій отъ Курляндіи лишь на нѣсколько миль, составлялъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе ея, а близъ-лежащіе скандинавскіе берега и острова въ одинаковой степени привлекали туда къ грабительскимъ набѣгамъ и Эзельцевъ и Куровъ, тогда какъ Ливы, живущіе у Рижскаго залива и отрѣзанные Курами отъ открытаго Балтійскаго моря, въ сравненіи съ ними могутъ считаться внутренними обитателями края. Языкъ Эзельцевъ дѣйствительно во многомъ отличается отъ эстскаго; въ крошечномъ спискѣ словъ, который пасторъ Сванъ помѣстилъ въ «Beilagen zum neuveränderten Russland», заключается даже слово, сходное по звукамъ съ ливскимъ, а именно слово koost (ложка), по-эстски lusikas, luits, по-фински lusikka, а по-ливски koi, kai. Но одно слово представляетъ слишкомъ шаткое основаніе, не позволяющее выводить заключеніе о національности; подробныхъ же изслѣдованій объ эзельскомъ нарѣчіи у насъ пока еще нѣтъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Эзельцевъ, но со включеніемъ Куровъ, Ливы въ эпоху покоренія ихъ Нѣмцами жили у Балтійскаго моря отъ Куришгафа до рѣки Салисъ и съ материковой стороны граничили съ литовскимъ народомъ и близко-родственными Эстами. Около Куришгафа ближайшими ихъ сосѣдями были Пруссы; здѣсь, близъ самой границы, при сліяніи Мемеля и Данге, около 1253 года, магистръ Эбергардъ фонъ Сайнъ построилъ замокъ Мемельбургъ (Reimchronik, v. 4072 и слѣд.); далѣе жили Жмудь, впослѣдствіи Самогиты, въ ковенской и западной части виленской губерніи, Семигаллы и Селы до самой

Двины и вдоль ея, наконецъ по другую сторону этой рѣки Латыши или Летгола и Эсты. Настоящую пограничную черту нельзя, конечно, опредѣлить съ математическою точностью тамъ, гдѣ не было естественнаго рубежа. На сѣверѣ, по словамъ Крузе (Urgeschichte), основаннымъ на свидѣтельствѣ Фрибе, границею служила рѣка Пернава [3]) или, кажется правильнѣе, Салисъ. Затѣмъ граница шла въ южномъ направленіи, мимо Буртнекскаго озера, около котораго Эсты сталкивались съ Латышами, и далѣе въ нѣсколько восточномъ направленіи до Двины, не много ниже Кокенгузена, русской крѣпости, лежавшей по ту сторону ливской границы. Потомъ Двина, нѣсколько ниже Ашерадена, составляла границу между Ливами и Селами, а отчасти вѣроятно и Семигаллами; далѣе книзу Ливы жили по обѣимъ сторонамъ Двины и граница между ними и Семигаллами шла сперва до окрестностей Митавы, которую магистръ Конрадъ фонъ Мандернъ велѣлъ построить для защиты Ливовъ отъ Семигалловъ (Reimchronik, v. 7401 и слѣд.), а затѣмъ, можетъ быть, вдоль курской или семигальской рѣки Ла до устья ея, гдѣ вѣроятно лежалъ Portus Semgallorum, посѣщеніе котораго впослѣдствіи, по открытіи Portus Livonicus, было запрещено (Генрихъ, стр. 19). Такимъ образомъ, можетъ быть уже въ то время, связь между Курами и настоящими Ливами прерывалась на небольшомъ протяженіи. Еще неопредѣленнѣе была граница Куровъ. По одной грамотѣ, относящейся къ концу XIV столѣтія, Курляндія на югѣ простиралась до Мемеля, слѣдовательно заходила далеко въ нынѣшнюю Литву, но едва ли тамъ жили Куры, по крайней мѣрѣ при водвореніи нѣмецкаго владычества. Границею между Курами

[3]) Сколько мнѣ извѣстно, Фр. Меній, въ своемъ Syntagma de origine Livonum (Dorpat, 1682), первый выдвинулъ Ливовъ такъ далеко къ сѣверу. По его словамъ, Ливы, вытѣсненные вторженіемъ Дарія Гистасна вмѣстѣ съ другими варварами къ Балтійскому морю, первоначально жили на полосѣ, идущей отъ Пернавіи къ Руго до Бѣлоруссіи и чрезъ Руго или Двину вдоль берега до рѣкѣ Либи. Примѣру его послѣдовалъ и Неттельбладтъ (Anecdota Curl. 1736, стр. 135): «Livi vero proprie dicti tractum littoralem a Riga et Ostio Dunae versus Salin et Parnoviam incoluerunt».

и Семигаллами служилъ большой лѣсъ, который, по словамъ Ватсона, отчасти существуетъ еще и теперь и простирался къ востоку отъ Фрауэнбурга, отъ рѣки Ваддаксъ до Рижскаго залива, къ югу отъ Кангернскаго озера, принадлежащаго еще къ Курляндіи. О томъ, что нижнее теченіе Мемеля на небольшомъ протяженіи составляло границу между Курляндіею и Пруссіею, сообщаетъ не только Дусбургъ въ XIV столѣтіи, но и еще ранѣе Риомованная лѣтопись, по которой Мемельбургъ значится нѣсколько разъ крайнимъ пунктомъ Курляндіи (напр. v. 4172 и слѣд., 4461 и слѣд.).

Изъ повѣствованій лѣтописца Генриха оказывается, что страна настоящихъ Ливовъ состояла изъ слѣдующихъ четырехъ, поименно имъ перечисленныхъ, главныхъ частей:

1) Метсеполе, самая сѣверная провинція, при морѣ. На картѣ Крузе (Urgeschichte) положеніе ея очевидно показано невѣрно, между рѣками Пернавой и Салисомъ, а къ югу отъ нея Идумея до Двины. По Генриху (которому Крузе, какъ онъ говоритъ, слѣдовалъ при составленіи карты Лифляндіи) мы должны представить себѣ положеніе этихъ двухъ провинцій въ совершенно другомъ видѣ: иначе мы встрѣтимъ непреодолимыя затрудненія. На картѣ Ватсона (въ статьѣ о древнемъ раздѣленіи Курляндіи) Метсеполе начинается тотчасъ за Двиной, но этимъ, кажется, оно отодвинуто слишкомъ къ югу. О томъ, что Ливы дѣйствительно простирались до Пернавы, Генрихъ ничего не говоритъ; онъ даже вовсе не упоминаетъ объ этой рѣкѣ. Метсеполе была самая сѣверная провинція, потому что граничила съ maritima provincia Эстовъ, а именно ближе всего съ Сонтаганой (стр. 71). Едва ли впрочемъ она простиралась далеко за Салисъ (стр. 95), потому что въ теченіе одного зимняго похода христіанское войско проходитъ нѣсколько разъ мимо Салиса или отправляется чрезъ Салисъ по льду морскому въ Эстляндію (стр. 96); походъ же по льду отъ Салиса за Пернаву едва ли мыслимъ. На югѣ пров. Метсеполе граничила съ Торейдой (стр. 76) и можетъ быть съ принадлежавшимъ къ ней Ледегоре или Леттегоре (Lethegorwe, Loddi-

ger). Такимъ образомъ христіанское войско собирается въ Торейдѣ и при р. Ропѣ, чтобы преслѣдовать вторгнувшихся въ Метсеполе Эстовъ (стр. 71). Въ другомъ мѣстѣ, напр. въ путешествіи легата (стр. 172), Letthegore значится на пути изъ Торейды въ Метсеполе (о положеніи и бытѣ Леттегоры срав. также стр. 121 и 157). Мнѣ кажется, что Метсеполе лежало между Эстами на сѣверѣ и торейдскими Ливами на югѣ, между моремъ на западѣ и торейдскими Ливами и Идумеями на востокѣ.

2) Идумея. Въ одномъ мѣстѣ Генрихъ противопоставляетъ Идумеевъ Ливонцамъ (стр. 125), такъ что съ перваго раза можетъ казаться, будто бы подъ Идумеями онъ разумѣлъ особый народъ рядомъ съ Ливонцами, подобно Латышамъ (Letthi). Но подъ Ливонцами здѣсь очевидно должно разумѣть не весь народъ, а только часть его, которую онъ забылъ ближе опредѣлить, въ родѣ Livones de Adya (стр. 66) и т. п. Вѣроятно онъ разумѣлъ сосѣднихъ торейдскихъ Ливовъ, о которыхъ говоритъ незадолго передъ тѣмъ, на той-же страницѣ. Въ другомъ мѣстѣ прямо сказано, что въ Идумеи живутъ Ливы (стр. 47, гдѣ поименованы рядомъ четыре главныя части ливской земли; срав. также стр. 10, гдѣ также противопоставлены Торейда и Ливонія, хотя Торейда несомнѣнно была населена Ливами, слѣдовательно сама составляла часть Ливоніи). Мнѣніе, что Идумея и Метсеполе были латышскія земли (ср. Hupel, Nord. Misc. I. II) ни на чемъ не основано. Можетъ быть, между Ливами жили и Латыши (это по видимому подтверждается извѣстіемъ на стр. 44), какъ въ свою очередь между Латышами жили Венды, которые принадлежали, можетъ быть, къ финскому племени. Въ пользу такого предположенія говоритъ еще то обстоятельство, что Идумеи и Латыши неоднократно упоминаются рядомъ (напр. стр. 90, 93); кромѣ того, во время нѣмецкаго владычества, у Идумеевъ и Латышей былъ одинъ общій advocatus (стр. 93). Идумея лежала при рѣкѣ Ропѣ или Раупѣ (стр. 44), на востокѣ граничила съ землею Латышей, на сѣверѣ отдѣлялась отъ земли Эстовъ провинціею Метсеполе, на югѣ могла граничить только съ Торейдой, которая лежала на

рѣкѣ Аа (срав. стр. 81), на западѣ же не могла простираться до моря. Не говорю уже о томъ, что она не могла занимать все прибрежье между Салисомъ и Двиной, какъ показано у Крузе: въ такомъ случаѣ Метсеполе было бы отрѣзано отъ Торейды, тогда какъ мы видѣли, что оно соединялось съ нею. Кромѣ «parochia in Ledegore» и «ecclesia super Ropam», другія отдѣльныя мѣстности въ этихъ двухъ сѣверныхъ областяхъ не упоминаются. Судя по указанному нами положенію Идумеи, рѣка Ропа или Раупа, о которой неоднократно говоритъ Генрихъ, можетъ быть только нынѣшняя рѣка Ропъ (Roop), а не большая Іегель, какъ увѣряетъ Дитмаръ (Disq. de or. nom. Liv. стр. 36), текущая между Аа и Двиною. Притомъ показаніе Дитмара не согласуется съ положительными свидѣтельствами Генриха, напр. съ тѣмъ (стр. 75), что Эсты, разбивъ Ливовъ при Имерѣ (Седде), потомъ, пройдя цѣлую ночь, на другое утро пришли къ Ропѣ.

3) Торейда, на рѣкѣ Ла, которую по Арндту (II, стр. 59) Ливы также называли Торейдой; у Генриха она является подъ именемъ Гойвы (Goiwa, Goywa, Coiwa), какъ теперь у Латышей и Эстовъ. Причислялось ли устье этой рѣки къ Торейдѣ, или къ Метсеполю, какъ на картѣ Ватсона, или къ странѣ «Dunenses», этого не говорится. Торейду окружали земля двинскихъ Ливовъ, Латыши, Идумея и Метсеполе. Въ Торейдѣ, на правомъ берегу Ла, лежалъ замокъ Каупа (стр. 76), а насупротивъ его замокъ старшины Дабреля (стр. 40); кромѣ того, въ ней находилось, можетъ быть, мѣстечко Уреле (Орелленъ). Что касается до мѣстности, называемой замкомъ Каупа, то мы не знаемъ, тождественна ли она съ Куббеселе, гдѣ построена была церковь (стр. 43) и схороненъ Каупо (стр. 119); замокъ же Дабреля прямо поставленъ (стр. 88) вмѣсто Саттеселе (нынѣшній Сунцель?), о которомъ говорилось на стр. 86 и 87. «Castrum Thoreidensium» (стр. 87) вѣроятно тождественно съ «castrum magnum Cauponis» (стр. 76); но положительно это не высказано.

4) Провинція «juxta Dunam», на Двинѣ, сначала по обѣ стороны этой рѣки, а потомъ выше, на одномъ правомъ берегу, до

окрестностей Кокенгузена. Въ ней лежали слѣдующія мѣстности: Ykeskola, Lenewarde, Ascherade, гдѣ находились также укрѣпленные замки, построенные, кажется, лишь Нѣмцами, какъ въ Гольмѣ, но и тогда еще населенные также Ливами (стр. 32, 38); далѣе Memeculle между Lenewarde и Ykeskole (стр. 33), Sydegunde (нынѣ Сиггундъ), у леневардскихъ Ливовъ (стр. 43), Remine, можетъ быть нынѣшній Рёмерсгофъ, между Ашераде и Леневарде (стр. 44).

Кромѣ этихъ четырехъ главныхъ частей края, очень часто упоминаются еще меньшіе участки, называемые по рѣкамъ и мѣстечкамъ. Иногда эти участки называются провинціями съ старшиною (напр. стр. 93: Letthones.... venerunt in provinciam Lenewardensem.... et seniorem ipsius provinciae, Uldevene, captivum deduxerunt). Большею же частію они приводятся въ такомъ видѣ, что народъ ближе опредѣляется лишь посредствомъ указанія его мѣстопребыванія. Такъ напр. упоминаются Thoreidenses, Ydumaei, Dunenses, Livones Rigenses (стр. 38), Holmenses (стр. 39), либо illi in Holme (стр. 38), Ykeskolenses (стр. 4), Lenewardensis provincia (стр. 93), Ascheradenses (стр. 44), Satteselenses (стр. 87), Reminenses (стр. 44), Weinalenses (стр. 37), Livones de Adya (стр. 66). Кромѣ этихъ мѣстностей неоднократно приводятся и другія, частію безъ именъ, съ обозначеніемъ ихъ словами «castra Livonum» или «villae», частію же съ особыми названіями, но безъ подробнаго означенія ихъ мѣстоположенія. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежатъ Rodenpoys, между Торейдой и Икесколой (стр. 30), Rosula между латышской Трикатіей и Метсеполемъ, Vitisele, упоминаемое рядомъ съ Letthegore на пути изъ Куббеселе въ Метсеполе (стр. 173, теперешній Идзель?), Weinal, кроющееся въ имени Weinalenses (стр. 37), и Cagethe или Cogelse, деревня на р. Аа (стр. 260 изданія, помѣщеннаго въ Script. rer. livon. I). Оставлены нами безъ вниманія какъ тутъ, такъ и въ странѣ Куровъ, мѣстности, упоминаемыя въ позднѣйшихъ грамотахъ, и мѣстности, основанныя Нѣмцами, такъ какъ наша цѣль была описать страну въ томъ

видѣ, въ какомъ ее представляютъ писатели современные водворенію Нѣмцевъ, т. е. при первомъ появленіи достовѣрныхъ извѣстій о Ливахъ.

Самихъ Куровъ или курскихъ Ливовъ лѣтописецъ Генрихъ упоминаетъ нѣсколько разъ, говоря о нашествіяхъ ихъ на чужія земли или о вліяніи ихъ на судьбу водворявшагося на Двинѣ нѣмецкаго владычества; что же касается до страны Куровъ, то у него встрѣчается только краткая замѣтка (стр. 44), что часть ея была населена Вендами, которые съ рѣки Виндусъ были изгнаны Курами и поселились на «древней горѣ» (mons antiquus), гдѣ теперь построена Рига, но оттуда снова были вытѣснены Курами и, удалившись къ Латышамъ, поселились между ними. Какъ-то странно отзывается увѣреніе Ватсона (loc. l. стр. 285), что часть Курляндіи между рѣкой Виндавой и моремъ, равно какъ и участокъ на правомъ берегу низовья ея, «еще и теперь», какъ въ то время, населены Вендами. Принадлежали ли эти изгнанные Венды къ финскому племени или къ славянскому, какъ позволяетъ думать ихъ имя, либо къ латышскому, какъ полагаетъ Ватсонъ, этого теперь уже нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Въ пользу перваго предположенія служитъ то, что такимъ образомъ, можетъ быть, объясняются воспоминанія о Ливахъ, сохранившіяся въ теперешнемъ городѣ Венденѣ и въ окрестностяхъ его, гдѣ жили изгнанники; да и преслѣдованіе родственныхъ имъ Куровъ не противорѣчило бы прямо этому предположенію, потому что мы встрѣчаемъ столь-же ожесточенныя распри между Ливами и Эстами. Вражда между родичами все-таки осталась бы та же, если бы мы и согласились съ Ватсономъ, что оба народа были Латыши.

Ближайшія свѣдѣнія о странѣ Куровъ появляются лишь со времени начавшагося сперва (1229 и 1230 г.) добровольнаго, а потомъ уже насильственнаго подчиненія этого народа нѣмецкому владычеству. Выше мы уже замѣтили, что страна, дѣйствительно занятая въ то время Курами, никакъ не могла имѣть того объема, который позднѣйшія извѣстія даютъ Курляндіи. Южная часть этого

края большею частію была населена Жмудью или Литовцами (см. напр. Reimchronik, v. 5519 и слѣд.) и литовскимъ княземъ документально была уступлена Ордену. Граница между Курами и Пруссами также не обусловливалась языкомъ, а была чисто-политическая, основанная на сдѣлкѣ орденскихъ властей. Лѣтопись Петра фонъ Дусбурга, у котораго показана еще эта граница, доходитъ до 1326 года, но уже въ 1328 году Мемельбургъ перешелъ къ Пруссіи, какъ сообщаетъ безъименный продолжатель лѣтописи, и какъ это видно изъ грамоты Кенигсбергскаго архива 25 мая 1328 года (см. Bunge, U. B. № 733). Поэтому-то въ 1413 году Гильбергъ де Ланноа не только называетъ Мемель послѣднимъ прусскимъ городомъ на пути своемъ изъ Кенигсберга въ Либаву, но и говоритъ, что еще за Мемелемъ на 12 миль находилась ненаселенная мѣстность, принадлежавшая къ Самогитіи, такъ что Курляндія начиналась только по другую сторону рѣки, на которой лежала Либава. Впрочемъ и самъ Дусбургъ говоритъ, что страна Скаловитовъ, прусскаго племени, находилась по обѣимъ сторонамъ Мемеля (III, 177). О томъ, до какихъ мѣстъ распространялись селенія настоящихъ Куровъ, позволяютъ приблизительно судить однѣ только упоминаемыя въ разныхъ извѣстіяхъ мѣстности, ими населенныя, на столько, на сколько онѣ могутъ быть угаданы по теперешнимъ названіямъ мѣстностей. Изъ грамотъ Бальдуина де Альна 1229 и 1230 годовъ, видно что по первой изъявили готовность принять христіанство: «Lammechinus Rex et pagani de Curonia, de terris Esestua, scilicet Durpis et Saggara, et Kiligundis, quarum haec sunt nomina: Tdargolara, Osua, Langis, Venelis, Normis, Kiemala, Pügawas, Sarnitus, Riwa, Saceze, Edualia, Aliswanges, Ardus, Alostanotachus et de aliis Kiligundis, villis ex utraque parte Winda sitis», а во второй: «pagani de Curonia scilicet de Bandowe, de Wannenia, de citra Winda, de villis, quarum nomina haec sunt: Rende, Wasa, Galle, Matichule, Wanne, Pyrre, Ugenesse, Cadowe, Anzes, Talse, Arowelle, Pope et pluribus aliis». Въ современномъ договорѣ, заключенномъ съ Орденомъ относительно платежа дани,

встрѣчаются отчасти новыя, отчасти измѣненныя названія «Galewalle, Pidewale, Matekule, Wane, Pure, Ugesse, Candowe, Anses». Это древнѣйшія извѣстныя названія мѣстностей въ Курляндіи, помимо совершенно недостовѣрныхъ именъ, встрѣчающихся въ житіи св. Ансгарія, у Саксона и Адама Бременскаго. Къ нимъ можно еще присоединить мѣстности, которыя въ Рименованной лѣтописи прямо приписаны Курамъ или между Курами положительно основаны Нѣмцами, какъ то Goldingen (v. 2409), Ampoten (v. 2437), Sintelin (v. 5749) или Sinteles (v. 5931), Warrach (v. 5739) или Wardach (v. 5029), Asseboten (v. 5979), Lasen (v. 6825), Merkes (v. 6849) и Grubin (v. 6867). Karschowe (нынѣшній Георгенбургъ или Юрбургъ, около Россіенъ въ Литвѣ), Kretenen, въ трехъ миляхъ отъ Мемеля (Kretingen, тамъ-же), Ampille (можетъ быть Impelt на литовской границѣ) и Gresen (Грёзенъ тамъ-же, въ амботенскомъ погостѣ) мы оставляемъ въ сторонѣ, не зная, были ли тамошніе жители Куры или Жмудь, равно какъ многія имена, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ грамотахъ, какъ напр. уже въ грамотѣ 1253 года о раздѣленіи края, потому что съ водвореніемъ Нѣмцевъ имя Курляндіи (Curonia) употребляется въ томъ-же самомъ общемъ смыслѣ, какъ Лифляндія (Livonia), т. е. какъ область съ политическими границами, безъ соображенія съ національностію ея обитателей, вслѣдствіе чего и тутъ и тамъ предѣлъ ливскаго языка незамѣтно могъ отодвигаться все далѣе и далѣе.

Изъ вышепоименованныхъ мѣстностей Гольдингенъ, а по объясненію нѣкоторыхъ (см. Script. rer. liv. I, стр. 746) и Амботенъ, построенъ Нѣмцами; въ другихъ отчасти можно узнать существующія еще доселѣ названія, какъ то: Tdargolara (Тергельнъ), Osua (Гасау, по-латышски Uschawa), Langis (Ландсенъ), Venelis (по догадкѣ Крузе Wensau), Normis (Нурмгузенъ), Kiemala (Кималенъ), Pügawas (по Крузе Пуссенъ, а по изданію, помѣщенному въ Script. rer. liv., рѣка Аа, навываемая по-ливски pu̯va veiź, т. е. «священная вода»; но въ такомъ случаѣ, судя по связи съ другими мѣстностями, она отнесена слишкомъ

далеко на югъ), Sarnitus (Сарнатенъ), Riwa (рѣчка Риве), Saceze (Саккенгофъ), Edualia (Эдваленъ), Aliswanges (Альшвангенъ), Alostanotachus (рѣчка Аллокстe; можетъ быть, вслѣдствіе описки, соединено съ другимъ именемъ), Rende (Рѣнненъ), Wasa Galle, или въ другой грамотѣ сокращенно Galewalle (можетъ быть Вальдегаленъ или Вальгаленъ), Matichule или Matekule (Маткульнъ), Wanne или Wane (Ваненъ), Pyrre или Pure (Пурснъ), Ugenesse или Ugesse (Уггунцемъ, по-латышски Uggunes), Cadowe или Candowe (Кандау), Anzes или Anses (Анценъ), Talse (Тальсенъ), Arowelle (Эрваленъ), Pope (Попенъ), Pidewale (Пидваленъ). Кромѣ этихъ мѣстностей, названныхъ въ грамотахъ 1229 и 1230 годовъ «Kiligundae» и «villae», встрѣчаются еще, въ качествѣ бо̀льшихъ округовъ: Esestua (по мнѣнію Крузе Эсты), Durpis (Дурбенъ), Saggara (Саккенгаузенъ или Саккенгофъ), Bandowe и Wannenia. Всѣ эти мѣстности лежатъ въ сѣверной части Курляндіи, за исключеніемъ простирающихся нѣсколько далѣе къ югу Durpis и Pügawas (если мы хотимъ признать въ нихъ мѣстечко Дурбенъ и священную Аа). Въ мѣстностяхъ, которыя упоминаются въ Рименованной лѣтописи, нетрудно признать нынѣшніе Гольдингенъ, Амботенъ, Вартаенъ, Газенпотъ (по-латышски Aisputte) и Гробинъ. Sintelis, по новому изданію въ Monum. Liv. ant., тождественъ съ Sintere въ грамотѣ о раздѣлѣ 1253 года и съ нынѣшнимъ Дзинтерномъ; Lasen и Merkes уже нельзя опредѣлить ближе. Этими мѣстностями граница Куровъ отодвигается значительно дальше къ югу; Амботенъ и Гробинъ (за исключеніемъ не вполнѣ достовѣрной священной Аа) оказываются южнѣйшими, достовѣрно извѣстными селеніями Куровъ. Этимъ, конечно, мы еще не хотимъ сказать, что они не могли жить далѣе на югъ, но только положительно доказать это нельзя. Gresen (нынѣшній Грёзенъ, въ амботенскомъ погостѣ), на литовской границѣ, къ югу отъ Амботена, было, кажется, скорѣе жмудское селеніе и въ разсказѣ о взятіи его (Reimchronik, v. 7216 и слѣд.) не говорится, что въ немъ жили Куры, а сообщается, что Куры находились въ Орденскомъ войскѣ, потому что знали дорогу туда. При морѣ Куры

жили, можетъ быть, еще нѣсколько южнѣе, потому что у Гильбера де Ланноа страна Жмуди значится въ 12 «lieues» по сю сторону Мемеля, да и по словамъ Морица Брандиса Ливы занимали прибрежье до Прусской границы.

Округи, упомянутые по случаю курскихъ деревень, замковъ и «килегундъ», единственные большіе участки, о которыхъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія; Bandowe и впослѣдствіи является еще большимъ округомъ. Прочіе мы оставляемъ въ сторонѣ, во-первыхъ потому, что здѣсь рѣчь идетъ не о епископской и орденской Курляндіи, а во-вторыхъ и потому, что относящіяся до раздѣленія ея свѣдѣнія означены уже Ватсономъ въ вышеприведенной статьѣ и на приложенной къ ней картѣ.

II. Исторія Ливовъ.

Я не намѣренъ сообщать здѣсь первобытную исторію Ливовъ, съ перваго появленія этого народа: на это у меня нѣтъ новыхъ матеріаловъ и пришлось бы только приводить мнѣнія другихъ, съ добавленіемъ развѣ своего собственнаго мнѣнія, но отъ этого дѣло едва-ли подвинулось бы впередъ. Не должно тутъ также ожидать подробной исторіи Лифляндіи и Курляндіи: для нея требуется гораздо болѣе, чѣмъ однѣ судьбы того народа, о которомъ у насъ единственно и идетъ рѣчь. Желаю здѣсь только представить сводъ извѣстій о томъ, что̀ намъ сообщаютъ современные писатели о Ливахъ и Курахъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ эти народы участвуютъ въ исторіи своего края и какимъ образомъ они на долгое время совершенно исчезаютъ съ арены этой исторіи, такъ что теперь, когда наконецъ опять вспомнили о нихъ, приходится снова ихъ отыскивать и изслѣдовать; отчасти, какъ напр. въ Курляндіи, стали даже совершенно отвергать ихъ прежнее и нынѣшнее существованіе.

Отдѣльныя замѣтки и свѣдѣнія о Ливахъ или Курахъ встрѣчаются въ разныхъ старинныхъ сочиненіяхъ, въ первый разъ, можетъ быть (правда подъ частнымъ названіемъ), въ очень древ-

немъ англо-саксонскомъ стихотвореніи Scôpes vîdsidh, гдѣ при готскомъ царѣ Германрихѣ (Eormanrîce), рядомъ съ Истами (v. 87), являются также Идумингн, которыхъ, кажется, можно принять за одинъ народъ съ Идумеями лѣтописца Генриха; за тѣмъ, въ житіи св. Ансгарія (въ концѣ IX столѣтія), у Нестора, въ Славянской лѣтописи Арнольда Любекскаго, въ Chronicon Alberici, у Альберта Стаденскаго, Адама Бременскаго, Саксона и др. извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ изданной Груберомъ лѣтописи Генриха и въ «Scriptores rerum livonicarum». Отчасти они согласны съ извѣстіями туземныхъ лѣтописцевъ, сообщающихъ видѣнное и слышанное ими самими, и въ такомъ случаѣ безъ нихъ можно обойтись, отчасти же, и притомъ даже большею частію, своеобразны, но какъ произведенія чужеземцевъ и не современниковъ, безъ указанія надежныхъ источниковъ, имѣютъ лишь второстепенное и сомнительное значеніе. Хотя извѣстія современниковъ и не имѣютъ неотъемлемаго права на истину, потому что въ нихъ возможны ошибки вслѣдствіе недоразумѣнія или умышленнаго подлога, но все-таки, относительно, они представляютъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, которыя мы можемъ имѣть о минувшихъ временахъ и дѣлахъ; возможность ошибокъ, происходящихъ отъ недоразумѣнія или обмана, возрастаетъ, конечно, по мѣрѣ продолжительности преданія. Отсюда не трудно понять степень вѣроятія довольно подробной древней исторіи Ливовъ и Куровъ, которую Іоганнъ Магнусъ начинаетъ съ 1400 года до Р. Х. Слѣдовательно и ее мы можемъ оставить въ сторонѣ, ограничиваясь ссылкою на Гіерна, который включилъ ее въ свою лѣтопись. Первымъ яснымъ свѣтомъ озаряется исторія Ливовъ лишь съ появленія Нѣмцевъ въ Лифляндіи, въ половинѣ XII столѣтія и съ водворенія ихъ господства въ этомъ краѣ. Начинаемъ нашъ сводъ съ извлеченій изъ лѣтописи Генриха, обозначая годовыя числа (которыя для предлежащаго предмета въ это первое время, конечно, не имѣютъ особеннаго значенія), сообразно съ предложенными Ганзеномъ исправленіями Груберовыхъ показаній.

(1159) Появленіе Нѣмцевъ на Двинѣ. Позднѣйшіе писатели, какъ напр. Ніенштедтъ, сообщаютъ при этомъ случаѣ подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Нѣмцевъ съ Ливами. Генрихъ начинаетъ свою лѣтопись съ прибытія Мейнгарта и только вкратцѣ говоритъ, что незадолго предъ тѣмъ Нѣмцы находились въ дружескихъ отношеніяхъ къ Ливамъ и часто на корабляхъ своихъ пріѣзжали въ Двину.

(1180) Во 2-мъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей (Ипатіевская лѣтопись) упоминается о Ливахъ подъ 6688 годомъ: «И придоша Полотьскіи князи въ срѣтеніе, помогающе Святославу, Василковича: Брячьславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть и Либь и Литва».

(1186) Время прибытія Мейнгарта не вполнѣ достовѣрно; вѣроятно это было въ 1186 году (по Генриху), или, можетъ быть, нѣсколько раньше (см. монографію Пабста о Мейнгартѣ). Онъ застаетъ Ливовъ платящими дань князю Полоцкому (Plosceke) Владиміру, съ его позволенія строитъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ и начинаетъ крещеніе съ Ливовъ Ylo и Viezo (стр. 3).

За тѣмъ; зимою, Литовцы опустошаютъ край и уводятъ съ собою множество плѣнныхъ. Мейнгартъ даетъ Ливамъ обѣщаніе, что если они согласятся принять крещеніе, то, для защиты ихъ, онъ построитъ замокъ, и съ этою цѣлію на слѣдующее лѣто вызываетъ рабочихъ изъ Готландіи. Часть народа принимаетъ крещеніе, остальные обѣщаютъ креститься по окончаніи постройки. Но по постройкѣ замка они отказываются отъ исполненія своего обѣщанія и даже крещенные снова отпадаютъ отъ христіанства (стр. 4).

Подобнымъ-же образомъ Мейнгарта обманываютъ и жители Гольма. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, принимаютъ крещеніе, какъ то: Viliendi, Uldenago, Wade, Waldeko, Gerweder и Viezo. Еще до окончанія второй постройки, Мейнгартъ возведенъ въ санъ епископа (стр. 5).

По окончаніи Гольмскаго замка никто болѣе не хочетъ принимать крещенія, а крещенные смываютъ свое крещеніе въ

Двинѣ. Мейнгартъ находитъ помощника въ братѣ Теодорихѣ, котораго торейдскіе Ливы, въ видахъ лучшаго урожая, хотятъ принести въ жертву (стр. 6).

Раненный Ливъ, изъ Торейды, принимаетъ крещеніе отъ Теодориха, послѣ того какъ сей послѣдній излечилъ его какими-то травами, которыхъ цѣлебное дѣйствіе онъ самъ не зналъ; тоже самое было и съ другимъ больнымъ, не смотря на то, что женщины старались отклонить его отъ этого (стр. 8).

Мейнгартъ, утомленный дѣломъ, хочетъ возвратиться, но Ливы, опасаясь, что вмѣсто его явится войско, удерживаютъ его притворными слезами и обѣщаніями, а потомъ, по отъѣздѣ купцовъ, съ которыми Мейнгартъ хотѣлъ уѣхать, издѣваются надъ нимъ. Тогда онъ рѣшается ѣхать сперва въ Эстляндію, а оттуда съ зимовавшими тамъ купцами въ Готландію, но, узнавъ о нападеніяхъ, которыя Ливы ему готовятъ на пути, остается на мѣстѣ. Хитростію ему удается отправить Теодориха къ папѣ, который рѣшается на крестовый походъ противъ Ливовъ (стр. 9).

Мейнгартъ воюетъ уже и съ Курами (Гіернъ, стр. 91, говоритъ «съ курскими Ливами»), при помощи Шведовъ и Нѣмцевъ.

Незадолго до смерти своей онъ собираетъ у себя ливскихъ старшинъ (Livoniae et Toreidae . . . . seniores), которые изъявляютъ готовность принять его преемника (стр. 10).

(1197) Преемникъ его Бертольдъ является безъ войска и собравшіеся «meliores» въ Икесколѣ сначала принимаютъ его дружелюбно. Но вскорѣ послѣ того Ливы хотятъ убить его при освященіи Гольмскаго кладбища. За тѣмъ онъ возвращается въ Готландію и папа дѣлаетъ новое воззваніе о крестовомъ походѣ (стр. 11).

Бертольдъ съ войскомъ приходитъ къ Гольму и предлагаетъ жителямъ принять и сохранять св. вѣру. Но они отказываются отъ этого и, за недостаткомъ кораблей (такъ какъ замокъ лежитъ на островѣ), Бертольдъ принужденъ удалиться. Ливы, собравшись, преслѣдуютъ его за «montem Rigae». Начинаются переговоры и, желая выиграть время, Ливы заключаютъ перемиріе. Но такъ какъ въ теченіе этого перемирія нѣсколькихъ Нѣмцевъ уби-

ваютъ при фуражировкѣ, то Бертольдъ объявляетъ миръ нарушеннымъ. Дѣло доходитъ до битвы и Ливы обращаются въ бѣгство; Бертольда, котораго конь заноситъ въ ряды бѣгущихъ, Имантъ сзади поражаетъ копьемъ, а другіе разрываютъ на куски (стр. 12, 13). Устрашенные опустошеніемъ своей земли, Ливы просятъ о мирѣ и соглашаются платить дань. Въ Гольмѣ 50 человѣкъ принимаютъ крещеніе, въ Икесколѣ на другой день крестятся до ста человѣкъ (стр. 13). Но по уходѣ нѣмецкаго войска, они опять смываютъ крещеніе, и посылаютъ ушедшимъ вслѣдъ вырѣзанную имп па деревѣ голову, принявъ ее за христіанскаго бога, отъ котораго они опасаются несчастія (стр. 14).

Чрезъ мѣсяцъ священники принуждены бѣжать изъ обоихъ замковъ; не довольствуясь этимъ, Ливы рѣшаются умертвить всѣхъ священниковъ, которые еще окажутся у нихъ послѣ Святой недѣли. Вслѣдствіе этого, послѣдніе всѣ уходятъ опять въ Саксонію, остающіеся же купцы спасаются подарками, которые они подносятъ старшинамъ (стр. 14).

(1200) Епископъ Альбертъ отправляется въ Гольмъ и Икесколу. На пути между обоими Ливы нападаютъ на него и заключаютъ миръ только съ тѣмъ, чтобы выиграть время для сбора войска. Когда корабли, вытребованные епископомъ изъ Дюнамюнде, отправляются въ Гольмъ, то Ливы, нарушивъ миръ, нападаютъ па оба корабля, овладѣваютъ однимъ изъ нихъ, и осаждаютъ епископа въ Гольмѣ. Но такъ какъ въ это время Нѣмцы сожигаютъ ихъ поля, то Ливы снова заключаютъ миръ и провожаютъ Нѣмцевъ «ad locum Rigae«, гдѣ Azo и еще нѣсколько человѣкъ принимаютъ отъ нихъ крещеніе. Альбертъ беретъ заложниковъ у Ако, Каупо и др. старшинъ, и возвращается въ Германію, настоявъ на томъ, чтобы Ливы ему указали мѣсто для постройки города (стр. 18).

(1201) По возвращеніи епископа Куры, привыкшіе съ Эстами дѣлать набѣги на Швецію и Данію (стр. 24), также просятъ его о мирѣ (стр. 20).

(1203) Ливъ Каупо ѣдетъ съ Теодорихомъ въ Римъ, гдѣ

принятъ папою очень дружелюбно и получаетъ отъ него подарки (стр. 25).

Князь Полоцкій нападаетъ на Икесколу и Ливы принуждены откупиться деньгами; но при Гольмѣ, который между тѣмъ успѣли занять Нѣмцы, терпитъ пораженіе (стр. 26).

(1204) Пока Альбертъ находится въ Германіи, до 300 Ливовъ изъ Ашераде и Леневардена, сообща съ Литовцами, нападаютъ на стада Рижанъ. Въ то время, какъ происходитъ сраженіе у «старой горы», нѣкоторые Ливы на корабляхъ пытаются ворваться въ городъ, но ихъ отбиваютъ (стр. 27).

(1205) Икескола отдана Конраду фонъ Мейндорпу и при появленіи его Ливы на лодкахъ своихъ удаляются въ Леневарденъ, забывъ о своемъ прежнемъ крещеніи. Нѣмцы преслѣдуютъ ихъ и, видя, что леневарденскіе Ливы соединились съ икескольскими, сожигаютъ городъ Леневарденъ, а за тѣмъ и Ашераде, жители котораго также удаляются. Ливы принуждены дать заложниковъ и, обѣщавъ придти въ Ригу, чтобы принять крещеніе, исполняютъ это обѣщаніе (стр. 32, 33).

На обратномъ пути Нѣмцы у Мемекулля подвергаются нападенію леневарденскихъ и икескольскихъ Ливовъ, но безъ большаго урона доходятъ до Икесколы, овладѣваютъ ею и снабжаютъ ее провіантомъ съ ливскихъ полей (стр. 33).

Вскорѣ послѣ этого, Ливы нападаютъ на людей, посланныхъ изъ Икесколы для уборки жатвы, и убиваютъ семнадцать человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ въ страшныхъ мученіяхъ приносятъ въ жертву богамъ. Наконецъ, убѣжденные непоколебимостію Нѣмцевъ, всѣ двинскіе Ливы представляютъ заложниковъ и обѣщаютъ принять крещеніе, за что имъ предоставляется право снова владѣть своими деревнями и полями (стр. 33).

(1206) Ливскіе посланцы отправляются къ Полоцкому князю Владиміру, чтобы побудить его къ войнѣ противъ Нѣмцевъ. Русское посольство также отправляется въ Ригу, для переговоровъ съ епископомъ, но пользуется этимъ случаемъ, чтобы привлечь на свою сторону Ливовъ и Латышей. Латыши, хотя и язычники,

отвергаютъ предложенія, а Ливы до такой степени озлоблены, что замучиваютъ до смерти двухъ изъ своихъ родичей, Лаянуса и Кираниса изъ Икесколы, просившихъ позволенія отправиться къ другимъ Ливамъ для того, чтобы уговорить ихъ заключить миръ. За тѣмъ вся толпа, соединившись съ торейдскими и вейнальскими Ливами и нѣсколькими Литовцами, отправляется въ Гольмъ, гдѣ убиваетъ священника Іоганна (изъ Вирланда). Нѣкоторые Ливы, оставшіеся вѣрными Нѣмцамъ, увѣдомляютъ епископа о случившемся. Нѣмцы на корабляхъ являются къ Гольму, разбиваютъ непріятеля и умерщвляютъ старшину ихъ Акко, который былъ зачинщикомъ всего дѣла. Голову его отсылаютъ къ епископу вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, замокъ Гольмъ берутъ приступомъ, зачинщиковъ наказываютъ, а остальныхъ отпускаютъ (стр. 35—37).

Нѣмцы при помощи Семигалловъ предпринимаютъ походъ противъ торейдскихъ Ливовъ. Одну половину войска Каупо самъ ведетъ къ собственному замку, который защищаютъ его родственники; другая половина идетъ на замокъ Дабреля. Замокъ Каупо взятъ и сожженъ. На другой сторонѣ рѣки Аа, Дабрель защищаетъ свой замокъ такъ храбро, что Нѣмцы принуждены удалиться (стр. 39).

Пользуясь отъѣздомъ епископа Альберта въ Германію, нѣкоторые Ливы просятъ Полоцкаго князя оказать имъ помощь противъ Нѣмцевъ. Онъ дѣйствительно, по Двинѣ, является къ Икесколѣ, но встрѣчаетъ отпоръ со стороны рыцаря Конрада, и отправляется въ Гольмъ, предлагая Латышамъ и торейдскимъ Ливамъ соединиться съ нимъ. Но устрашенный извѣстіями ливскихъ лазутчиковъ, онъ не рѣшается идти до Риги и безъ успѣха отправляется назадъ (стр. 40).

По уходѣ князя, Ливы изъ Торейды и съ Двины просятъ о мирѣ; взявъ заложниковъ, рижскій пробстъ посылаетъ имъ священниковъ. Изъ нихъ Алобрандъ отправляется въ Торейду и строитъ въ Куббеселѣ церковь, Александръ — въ Метсеполе,

Даніилъ къ леневарденскимъ Ливамъ, гдѣ въ деревнѣ Сидегундѣ креститъ всѣхъ жителей, такъ какъ видѣніе одного Лива о предстоящемъ вторженіи Литовцевъ не сбывается; онъ креститъ также Реминенцевъ и Ашераденцевъ, и за тѣмъ идетъ въ Торейду, гдѣ его дружески принимаютъ въ замкѣ Дабреля. Обративъ тамошнихъ жителей въ христіанство, онъ отправляется къ Вендамъ и по принятіи ими крещенія, возвращается въ Ригу (стр. 43).

Тотъ-же самый Александръ идетъ за тѣмъ въ Идумею, креститъ нѣсколькихъ Идумейцевъ и Латышей и строитъ церковь на Ропѣ. Торейдскіе Ливы просятъ своего священника Алобранда управлять и мірскими дѣлами ихъ на основаніи «jura Imperatorum Christianorum». Онъ исполняетъ эту просьбу къ полному ихъ удовольствію; впослѣдствіи это учрежденіе (адвокатовъ) переходитъ въ руки мірянъ и теряетъ свое значеніе (стр. 44).

(1207) Возвратясь на слѣдующій годъ изъ Германіи, епископъ Альбертъ посылаетъ священниковъ во всѣ четыре части ливскаго края, въ Торейду, Метсеполе, Идумею и «juxta Dunam», и вездѣ сооружаетъ церкви (стр. 47).

Основанному имъ ордену онъ отдаетъ треть покоренныхъ земель, съ тѣмъ, чтобы четвертая часть получаемой съ нихъ десятины поступала къ нему; самъ беретъ удѣлъ Каупо («Thoreidensem tractum») и Метсеполе. Первый мірской адвокатъ въ Торейдѣ, Готфридъ, уже злоупотребляетъ своею властію и оказывается несостоятельнымъ (стр. 48).

На канунѣ Рождества, Литовцы неожиданно вторгаются въ Торейду, убиваютъ много народа и уводятъ многихъ въ плѣнъ; священникъ же въ Куббеселѣ, не замѣченный ими, спасается какимъ-то чудомъ. Христіане, Нѣмцы, Латыши и Ливы преслѣдуютъ уходящаго непріятеля, переходятъ у Ашераде черезъ Двину и отнимаютъ у него захваченную добычу. Замокъ Селовъ осажденъ, при содѣйствіи Ливовъ и Латышей; Селы вынуждены принять крещеніе и заключить миръ (стр. 48—50).

Священникъ Алобрандъ посланъ къ Унганніямъ (Эстамъ), чтобы потребовать у нихъ товары, которые они, по совѣту Ли-

вовъ, отняли у Нѣмцевъ незадолго до построенія Риги, при проѣздѣ чрезъ Псковъ (Plessekowe). Такъ какъ Унганніи не соглашаются на это, то онъ отправляется къ Латышамъ на Имерѣ (Sedde), которые, будучи постоянно притѣсняемы Ливами и надѣясь на защиту Нѣмцевъ, охотно принимаютъ крещеніе, бросивъ предварительно жребій о томъ, перейти ли имъ въ греческую или католическую вѣру (стр. 51).

Ливскіе старшины соединяются съ Нѣмцами, чтобы отомстить русскому князю въ Кукенойсѣ за измѣну. Но князь, не выжидая ихъ нападенія, зажигаетъ городъ и отправляется съ своею дружиною въ Россію; живущіе тамъ Селы и Литовцы удаляются въ лѣса (стр. 53).

(1208) По просьбѣ Латышей и чтобы отомстить Унганніямъ за собственную, потерпѣнную отъ нихъ обиду, Рижане приходятъ въ Торейду, собираютъ тамъ большое войско изъ всей Лифляндіи и Латышской земли и дѣлаютъ грабительскій набѣгъ на Унганнію, при которомъ сожигаютъ замокъ Одемпе («caput ursae»); потомъ Латыши отправляются еще въ Саккалу (также въ Эстляндіи). За тѣмъ ливскій адвокатъ, Германъ, собираетъ ливскихъ и латышскихъ старшинъ и при помощи ихъ заключаетъ миръ съ Эстами (стр. 57, 58).

(1209) Епископъ Альбертъ созываетъ издавна-крещенныхъ Ливовъ и Латышей къ походу въ Кукенойсъ, возстановляетъ этотъ городъ и отдаетъ двѣ трети его Рудольфу Іерихонскому, а двѣ трети Ордену (стр. 60).

Онъ-же съ большимъ войскомъ, въ которомъ также находятся Ливы и Латыши, предпринимаетъ походъ противъ Литовцевъ и въ Герсике. Они овладѣваютъ послѣднимъ и захватываютъ тамъ большую добычу. Король уступаетъ свои владѣнія церкви, но тотчасъ-же получаетъ ихъ обратно въ видѣ лена (стр. 62).

По окончаніи мира съ Унганніями, Бертольдъ Венденскій возобновляетъ съ ними войну при содѣйствіи Латышей. Торейдскіе Ливы, которые тайно все еще держатъ сторону Эстовъ, совѣ-

туютъ епископу вступить въ переговоры о новомъ мирѣ. Миръ дѣйствительно заключенъ; въ немъ участвуютъ Ливы и Латыши на лѣвомъ берегу Аа; прочіе Латыши, подъ начальствомъ Руссина и Бертольда Венденскаго, не пристаютъ къ нему и готовятся къ продолженію войны (стр. 64).

(1210) Въ Зундѣ (вѣроятно между Курляндіею и Эзелемъ; у Олеарія, I, гл. 3, Domnes-Sund) Куры на своихъ грабительскихъ корабляхъ нападаютъ на нѣмецкихъ пилигримовъ и убиваютъ нѣсколько человѣкъ (стр. 65).

Чтобы отомстить за это нападеніе, Фризы, заставъ въ Готландіи грабящихъ Куровъ, убиваютъ почти всѣхъ и захватываютъ 4 корабля ихъ (стр. 66).

По отъѣздѣ епископа въ Германію, Ливы посылаютъ къ Курамъ, а послѣдніе къ Эстамъ, Литовцамъ, Семигалламъ и Русскимъ, для совѣщаній о томъ, какъ имъ раззорить Ригу. Литовцы сначала безуспѣшно нападаютъ на Кукенойсъ, а Ливы съ Адіи идутъ въ Курляндію, возбуждаютъ весь край противъ Риги и собираютъ большое и сильное войско. Куры въѣзжаютъ въ Двину и у Риги выходятъ на берегъ. Рижане сожигаютъ свое предмѣстіе; часть Ливовъ не измѣняетъ имъ. Бой длится цѣлый день, за исключеніемъ обѣденнаго времени на корабляхъ. Появленіе вспомогательнаго отряда изъ Гольма заставляетъ Куровъ снять осаду. Нѣсколькихъ Куровъ убиваютъ на островахъ; кромѣ того у нихъ отнимаютъ нѣсколько кораблей. Торейдскіе Ливы, равно какъ Семигаллы, собравъ также большое войско, выжидаютъ, чѣмъ кончится нападеніе Куровъ, но на слѣдующую ночь Каупо съ своими приверженцами и не нарушившими вѣрности Ливами является на выручку города; на слѣдующее утро приходитъ и Конрадъ изъ Икесколы съ «верхними Ливами». Вслѣдствіе этого Куры, по прошествіи трехъ дней, въ день св. Маргариты, принуждены отступить и возмутившіеся Ливы опять изъявляютъ покорность (стр. 66—68).

Не смотря на заключенный съ Эстами миръ, Ливы вмѣстѣ съ

Латышами все-таки помогаютъ Бертольду Венденскому вторгнуться въ Унганнію и взять замокъ Одемпе (стр. 68).

Въ отомщеніе за это, Эсты нападаютъ на Венденъ и осаждаютъ его въ теченіи трехъ дней. На выручку города является Каупо, съ большимъ войскомъ изъ Ливовъ и Латышей, и располагается по близости отъ отступающихъ Эстовъ у Беверинскаго (Буртнекскаго) озера. Узнавъ отъ разосланныхъ лазутчиковъ, что по ту сторону Имеры (Седде) Эсты быстро отступаютъ, войско, вопреки совѣту Каупо и Нѣмцевъ, не выжидаетъ подкрѣпленія изъ Риги, и отправляется въ погоню за ними, но встрѣчаетъ со стороны Эстовъ отпоръ. Сынъ Каупо, Бертольдъ, и зять его, Ванне, остаются на полѣ битвы, Ливы обращаются въ бѣгство, оставляя Нѣмцевъ на произволъ судьбы. Послѣдніе отступаютъ къ рѣкѣ Аа, при чемъ многіе изъ нихъ убиты, а около сотни взято въ плѣнъ и замучено (стр. 69).

Около Рождества всѣхъ жителей ливскаго края и всѣхъ замковъ на Двинѣ и Аа приглашаютъ къ походу противъ Эстовъ; къ нимъ присоединяются и Псковичи. Войско отправляется въ Метсеполе, беретъ съ ненадежныхъ Ливовъ заложниковъ и за тѣмъ идетъ въ Сонтагану, первую эстскую провинцію, которую опустошаетъ и грабитъ (стр. 70).

Въ слѣдующее поволуніе Ливы, Латыши и Рижане сходятся опять при Астіярвѣ (Буртнекскомъ озерѣ) и обращаютъ въ бѣгство войско Унганніевъ и Саккальцевъ. Но, получивъ извѣстіе, что Эсты изъ Сонтаганы хотятъ напасть на ихъ землю, Ливы возвращаются домой, для защиты своихъ родичей. На другой день Эсты дѣйствительно вторгаются въ Метсеполе и опустошаютъ край, пользуясь тѣмъ, что Ливы удалились въ свои крѣпости. При появленіи Нѣмцевъ и Латышей, пришедшихъ Ливамъ на помощь, Эсты удаляются. На третій мѣсяцъ послѣ того, Рижане созываютъ Ливовъ и Латышей къ осадѣ крѣпости Вилѣнде (Феллинъ) въ Саккалѣ (стр. 71).

(1211) Начинается осада; Ливовъ и Латышей посылаютъ грабить окрестныя мѣста. Пять дней продолжается упорная

борьба; Эсты пытаются сжечь лѣсъ, которымъ осаждающіе наполняютъ рвы, но Ливы и Латыши тушатъ пожаръ льдомъ и снѣгомъ. Наконецъ Эсты покоряются и принимаютъ къ себѣ священниковъ (стр. 72, 73).

Къ Святой недѣли купцы привозятъ извѣстіе, что Эсты снова намѣрены разорить Ригу до возвращенія епископа, и Каупо съ Бертольдомъ Венденскимъ дѣлаетъ диверсію на Саккалу; вслѣдствіе этого, по возвращеніи ихъ, Эсты съ этой стороны возобновляютъ свои нападенія. Въ тоже время Эсты изъ Роталіи и прибрежныхъ областей безпрестанно вторгаются въ Метсеполе и Летегорве (Лоддигеръ), а Эзельцы поднимаются вверхъ по рѣкѣ Аа въ Торейду, совершенно опустошаютъ Куббеселе и грабятъ окрестности. Рижане, призванные на помощь, опасаются измѣны и остаются на мѣстѣ, выжидая прибытія епископа съ новыми пилигримами (стр. 74).

Эсты предпринимаютъ походъ къ Имерѣ и Ропѣ, сожигаютъ тамъ церковь и опустошаютъ окрестности. По уходѣ ихъ чрезъ три дня, Каупо преслѣдуетъ ихъ, сожигаетъ ихъ замки Овеле и Пурке и захватываетъ богатую добычу (стр. 75).

Между тѣмъ Эсты изъ Эзеля и прибрежныхъ мѣстностей дѣлаютъ новое нападеніе. Пѣхота и конница отправляются въ Метсеполе, а корабли плывутъ вверхъ по р. Аа и соединяются съ сухопутными войсками у большаго замка Каупо, въ которомъ въ то время жили Ливы, опасаясь своихъ языческихъ сосѣдей. Провинція ограблена, церкви и деревни сожжены, овцы и телята принесены въ жертву богамъ. Являющіеся на выручку Нѣмцы отражаютъ непріятеля и захватываютъ до 2000 лошадей и около 300 разбойничьихъ судовъ, не считая малыхъ (стр. 76).

Ливы съ Двины, изъ Торейды и изъ всѣхъ частей ливскаго края, сойдясь, просятъ объ уменьшеніи податей и обѣщаютъ съ своей стороны вѣрность. Епископъ соглашается, чтобы они до тѣхъ поръ, пока будутъ оставаться христіанами, вмѣсто десятины платили 18 дюймовую мѣру съ каждой лошади (equo, или unco Haken?) (стр. 79).

По просьбѣ Латышей, Нѣмцы съ Каупо и всѣми Ливами идутъ къ нимъ на помощь противъ Саккальцевъ, собираются въ Метсеполе, оттуда отправлются въ Саккалу, на третій день переправляются черезъ Палу въ Мурумгунде (Нормегунде?) и грабятъ и опустошаютъ край до Гервы (Jerwen) (стр. 80).

Вскорѣ послѣ того открывается сильная чума, сначала въ Торейдѣ, гдѣ тѣла убитыхъ язычниковъ остаются несхороненными, потомъ въ Метсеполѣ и Идумеѣ до Латышей, Вендовъ и Эстовъ. Не смотря на это, зимою у Беверина опять собирается большое войско изъ 4000 Нѣмцевъ и такого-же числа Ливовъ и Латышей, чтобы вторгнуться въ окрестности Дерпта. Легковооруженные съ Ливами и Латышами отправляются еще дальше въ Вагію и, опустошивъ эту провинцію, собираются у крѣпостцы Сомелинде. На четвертый день они идутъ въ Іервенъ, сходятся въ Каретепѣ и черезъ три дня, пройдя Моху и Нормегунде, которыя они также опустошаютъ, по льду озера Ворцегерве (Wirzjärw) возвращаются опять въ Лифляндію. Послѣ этого похода Ливы, Латыши и Эсты, утомленные войною, заключаютъ наконецъ миръ, безъ участія Рижанъ; чума и голодъ прекращаются (стр. 81—83).

Въ томъ-же 1211 году упоминаетъ о Ливахъ Гервасій Тильбурійскій въ своихъ «Otia imperialia» (II, 7), гдѣ у него сказано: sed et inter Poloniam et Livoniam sunt pagani, qui Jarmenses dicuntur. Ex hinc versus septentrionem est Livonia, gens paganorum probissima.

(1212) Возвращаясь весною въ Лифляндію, епископъ Альбертъ все-таки опять застаетъ въ Койвемундѣ (при устьѣ рѣки Аа) эстское войско изъ прибрежныхъ округовъ, которое при прибытіи его удаляется. При содѣйствіи Ливовъ и Латышей, въ Торейдѣ съ уполномоченными отъ Эстовъ заключается миръ на три года (стр. 84).

Нѣкоторые вѣроломные Ливы пытаются изгнать орденскихъ рыцарей изъ Зигевальда (Зегевольда), въ надеждѣ потомъ легче освободиться отъ всѣхъ Нѣмцевъ (стр. 85).

Епископъ и ливскіе и латышскіе старшины сходятся съ княземъ Полоцкимъ и Герпикскимъ. Послѣ разныхъ затрудненій наконецъ заключается договоръ, по которому вся Лифляндія уступлена епископу безъ платежа дани (стр. 85).

Вслѣдствіе жалобы нѣкоторыхъ антинскихъ Латышей, принадлежащихъ ко владѣніямъ епископа, на орденскихъ рыцарей въ Венденѣ изъ-за полей и бортей, созывается «placitum» съ Ливами и Латышами. Такъ какъ они не могутъ согласиться между собою, то Латыши и Ливы составляютъ между собою заговоръ. Каупо хочетъ уладить дѣло и проситъ епископа объ уменьшеніи податей, но другіе помышляютъ объ изгнаніи Нѣмцевъ. Нѣмцы возвращаются, Ливы изъ Саттеселя (Сунцеля) собираются къ своей крѣпостцѣ, ведутъ переговоры съ леневарденскими, гольмскими, торейдскими и всѣми другими Ливами, равно какъ съ Латышами, и всѣ укрѣпляютъ свои замки. Данилъ, «procurator advocatiae» въ Леневарденѣ, захватываетъ старшинъ и зажигаетъ замокъ, а Рижане раззоряютъ у Гольмцевъ замокъ, построенный для нихъ Мейнгартомъ, сожигаютъ укрѣпленіе торейдскихъ Ливовъ, и такимъ образомъ заговоръ не удается. Одни только саттесельскіе Ливы рѣшаются начать войну съ орденскими рыцарями въ Зигевальдѣ. Епископъ отправляется въ Торейду, чтобы уладить миръ. Во время переговоровъ вооруженные Ливы располагаются на противоположномъ берегу Ла. Послѣ тщетныхъ попытокъ примиренія, епископъ пускается въ обратный путь, но посланный вслѣдъ за нимъ гонецъ побуждаетъ его снова отправить къ нимъ Филиппа Ратцебурга съ пробстомъ Іоганномъ и собственнаго брата Теодориха съ Каупо и другими. Пока они ведутъ переговоры съ Ливами, распускается ложное извѣстіе, что орденскіе рыцари грабятъ край. Нѣмецкихъ посредниковъ влекутъ въ замокъ и заключаютъ въ темницу; одного только епископа спасаетъ Латышъ Генрихъ. Когда умы успокоились, плѣнныхъ возвращаютъ по требованію епископа, но на выдачу заложниковъ Ливы не соглашаются и борьба съ орденскими рыцарями продолжается (стр. 86—88).

Тогда Альбертъ собираетъ войско изъ Нѣмцевъ и вѣрныхъ Ливовъ, отправляется въ Торейду и осаждаетъ замокъ Дабреля, гдѣ находятся возмутившіеся Ливы съ предводителемъ своимъ Везпке, въ томъ числѣ и епископскіе Ливы съ другой стороны Аа. Послѣ продолжительной защиты, во время которой Нѣмцамъ въ насмѣшку кидаютъ также принесенныхъ въ жертву собакъ и козловъ, начинаются переговоры. Нѣкоторые водворяютъ въ замкѣ знамя епископа, другіе же опять срываютъ его, и борьба продолжается съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде. Наконецъ мятежники принуждены сдаться и просить о пощадѣ. Епископъ беретъ старшинъ съ собою въ Ригу и приказываетъ остальнымъ послѣдовать за нимъ, чтобы снова крестить ихъ. Въ видѣ пени они должны уплатить 100 озерпиговъ или 50 марокъ серебра и возвратить ордену захваченныхъ коней и оружіе. Ливы стараются затянуть дѣло и прибѣгаютъ къ разнымъ увертками. Священникъ Алобрандъ совѣтуетъ имъ дѣйствовать откровенно и согласиться на платежъ десятины. Наконецъ всѣ старшины собираются въ Ригѣ и епископъ довольствуется десятиною; епископскимъ же Ливамъ, равно какъ невозмутившимся Идумеямъ и Латышамъ предоставляется вмѣсто десятины вносить прежнюю установленную для нихъ мѣру (см. выше); всѣ, принимавшіе какимъ-либо образомъ участіе въ возстаніи, должны были своимъ «advocatis» заплатить денежную пеню (стр. 88—91).

(1213) Желая отомстить за обиду, нанесенную Кукенойскими рыцарями и Латышами, Литовцы нападаютъ на леневарденскихъ Ливовъ, убиваютъ многихъ изъ нихъ, грабятъ край и уводятъ въ плѣнъ ихъ старшину Ульдевене. Но магистръ Вольквинъ преслѣдуетъ и поражаетъ Литовцевъ; предводитель ихъ убитъ и за голову его потомъ выкупаютъ плѣннаго Ульдевене (стр. 93).

(1214) Епископъ Филиппъ Рацебургскій основываетъ въ Торейдѣ городъ Фреденландъ (стр. 94).

Епископъ Альбертъ въ Гойвемундѣ снова собираетъ большое войско изъ Ливовъ и Латышей для похода противъ Эстовъ. Нѣкоторые Ливы хотятъ идти на Курляндію, но войско, состоящее

изъ 3000 Нѣмцевъ и такого-же числа Ливовъ и Латышей, все-таки переправляется чрезъ Салетсу (Салисъ) въ Сонтагану, мирно доходитъ до Роталіи (Рѐтель), гдѣ умерщвляетъ множество жителей. Ливы и Латыши убиваютъ даже женщинъ и дѣтей, которыхъ обыкновенно щадятъ. На четвертый день они соединяются и весело возвращаются съ своей добычей домой. Во время поста предпринимается съ Ливами и Латышами другой походъ чрезъ Саккалу до зàмка Леаля. Они зажигаютъ его со всѣхъ сторонъ и этимъ заставляютъ Эстовъ выходить и принимать крещеніе. Между тѣмъ христіане врываются въ зàмокъ и грабятъ его. Лембита и другихъ старшинъ берутъ въ плѣнъ и впослѣдствіи возвращаютъ въ обмѣнъ на заложниковъ (стр. 95).

Эзельцы вторгаются въ Адію и уводятъ нѣсколькихъ Ливовъ, разсказывающихъ потомъ о мученіяхъ, которымъ подвергали священника Фридриха и спутниковъ его (стр. 97).

(1215) Общая борьба Эстовъ противъ Ливовъ и Латышей. Эзельцы плывутъ въ Двину, Роталіи должны напасть на торейдскихъ Ливовъ, а Саккальцы и Унганніи пока обязаны тревожить Латышей. Нападеніе Эзельцевъ отражаютъ, Роталіи же вторгаются, жгутъ и грабятъ Метсеполе. Ливы сначала удаляются опять въ свои укрѣпленные зàмки, но потомъ соединяются противъ непріятеля, который, узнавъ о неудачѣ Эзельцевъ, отступаетъ (стр. 98—100).

Вслѣдствіе этой войны, Саккальцы и Унганніи изъявляютъ готовность креститься, Роталіи же не соглашаются и потому Ливамъ и Латышамъ объявляется новый походъ противъ нихъ. Ограбивъ край, христіане собираются передъ крѣпостцою Сонтаганой; послѣ девятидневной борьбы Эсты сдаются и принимаютъ крещеніе. Взявъ заложниковъ, войско удаляется и, отдохнувъ нѣсколько дней, переходитъ по льду на островъ Эзель, гдѣ также производитъ грабежи. Вскорѣ послѣ того Эзельцы мстятъ за это походомъ вверхъ по Салису, до окрестностей Буртнекскаго озера (стр. 107).

(1216) Епископъ Альбертъ, возвратясь, съ Ливами и Латы-

шами отправляется въ Саккалу, беретъ тамъ проводниковъ и идетъ въ Гарріенъ до Лоне, опустошая и грабя край до деревень Ревельцевъ (стр. 109).

(1217) Послѣ Крещенія предпринимается такой-же походъ въ Іервенъ, гдѣ христіане шесть дней жгутъ и грабятъ окрестности Каретена; за тѣмъ они отправляются въ Вирландъ. Іервенцы изъявляютъ готовность креститься и войско, взявъ заложниковъ, удаляется. Вскорѣ послѣ того, возмутившіеся Эсты съ Русскими осаждаютъ Нѣмцевъ въ Одемпѣ. Магистръ Вольквинъ, съ Ливами и Латышами, идетъ къ нимъ на помощь, но они все-таки должны сдаться и получаютъ позволеніе удалиться безпрепятственно (стр. 111).

Эсты снова соединяются и призываютъ на помощь Русскихъ. Противъ 6000-наго войска на Палѣ выступаютъ Нѣмцы съ Ливами на лѣвомъ, Латышами на правомъ крылѣ. Эстамъ наносятъ пораженіе; предводитель ихъ Лембитъ убитъ Латышами, но и между Ливами Каупо остается на полѣ битвы, пронзенный копьемъ. Тѣло его сожигаютъ, а кости хоронятъ въ Куббеселѣ. Эсты покоряются (стр. 117—119).

Затѣвается другой походъ противъ Эзеля, но, за вскрытіемъ льда, войско идетъ на прибрежныхъ Эстовъ, разбиваетъ ихъ при Салисѣ и, преслѣдуя ихъ, производитъ на пути грабежи и убійства. Тогда Роталіи, Ревельцы и Гарріенцы просятъ о мирѣ, изъявляя готовность креститься и дать заложниковъ (стр. 120).

Эзельцы же въ свою очередь нападаютъ на Метсеполе и Ледегоре. Замѣтя приближеніе ихъ, священникъ Готфридъ садится на коня и ищетъ помощи. Являются Ливы, подъ начальствомъ Везике, съ нѣкоторыми епископскими воинами изъ Фределанда, обращаютъ Эзельцевъ въ бѣгство, убиваютъ изъ нихъ до ста человѣкъ, преслѣдуютъ остальныхъ за рѣку Салисъ и захватываютъ около 400 коней (стр. 121, 122).

(1218) Послѣ Успенія, Ливамъ и Латышамъ назначается новый походъ противъ Гарріенцевъ и Ревельцевъ. Дойдя до Виліенда (Феллина) и пославъ за проповѣдниками, они узнаютъ отъ

нѣсколькихъ, схваченныхъ въ деревняхъ, Эзельцевъ и Русскихъ, что по всей Эстляндіи набирается войско противъ Лифляндіи и что изъ Унганніи приближается русское войско. Тогда Лифляндцы возвращаются и близь Эмбаха натыкаются на Русскихъ. Нѣмцы сражаются на коняхъ, а Ливы и Латыши пѣшими. Они разбиваютъ Русскихъ и преслѣдуютъ ихъ, но такъ какъ утомленная пѣхота отстаетъ, то Русскіе останавливаются за небольшою рѣкою. Нѣмцы приготовляются къ бою и поджидаютъ своихъ союзниковъ, но послѣдніе, увидя множество непріятелей, отступаютъ. Остается не болѣе 100 Нѣмцевъ, которые цѣлый день удерживаютъ натискъ непріятеля и наконецъ, почти безъ урона, отступаютъ. Русскіе, въ числѣ 16000 хорошо вооруженныхъ человѣкъ, выступаютъ впередъ, грабятъ и жгутъ деревни Латышей на Имерѣ, потомъ собираются около Ureле, оттуда на третій день идутъ къ Раупѣ и сожигаютъ всѣ церкви Ливовъ и Идумеевъ. Другое русское войско въ тоже время сражается съ орденскими рыцарями въ Венденѣ *) и потомъ соединяется съ первымъ. Рижане отправляются противъ нихъ въ Торейду и созываютъ къ себѣ мужское населеніе изъ сосѣднихъ провинцій. При деревнѣ Иммѣ авангардъ ихъ натыкается на Русскихъ и оттѣсняетъ ихъ назадъ до рѣки Раупы. За тѣмъ непріятель идетъ къ Вендену и, послѣ тщетной осады его, уходитъ назадъ. Часть Латышей предпринимаетъ походъ въ Россію (стр. 123—126).

(1219) Такъ какъ при этомъ послѣднемъ вторженіи Русскихъ участвовали и нѣкоторые Эсты, то Рижане снова собираютъ противъ нихъ Ливовъ и Латышей. Въ началѣ поста они собираются при Салетсѣ и по льду идутъ въ Сонтагану, берутъ тамъ проводниковъ и при сильной стужѣ отправляются дальше, къ провинціи

*) Объ этомъ походѣ упоминаетъ также Новгородская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. лѣтоп. т. III) подъ неправильнымъ 6727-мъ годомъ (послѣ 15 авг. 1218 г.): «томъ же лѣтѣ иде князь Всеволодъ и Новгородьци къ Пер«туеву, и устрѣтоша сторожи Нѣмци, Литва, Либь, и бишася; и пособи Богъ «Новгородьцемъ, идоша подъ городъ и стояша 2 недѣли, не взяша города и «придоша здорови» (срав. Боннеля: Russ.-livländ. Chronographie, I Abth., Commentar, стр. 61—64).

Ревельцевъ. Ливы, подъ начальствомъ Везеке, составляютъ опять лѣвое, а Латыши — правое крыло войска. Послѣ трехдневнаго грабежа они возвращаются (стр. 126, 127).

Семигаллы, въ соединеніи съ Литовцами, нападаютъ на гольмскихъ Ливовъ, а послѣдніе въ свою очередь вторгаются въ Семигаллію (стр. 132).

Орденскіе рыцари въ Венденѣ, со всѣми Ливами и Латышами, съ Рижанами и частію Эстовъ, чрезъ Саккалу и Іервенъ, вторгаются въ Вирландъ, гдѣ жгутъ и грабятъ. Нѣмцы располагаются въ Тувине, Ливы и Латыши въ Аниспе, Саккальцы въ провинціи Ревельцевъ, Іервенцы въ своей собственной области, Унганніи въ Пудурнѣ. Когда уже убито нѣсколько тысячъ человѣкъ, являются старшины и просятъ о мирѣ. Они изъявляютъ готовность принять крещеніе, даютъ заложниковъ, а старшины изъ пяти провинцій приходятъ съ подарками въ Ригу и передаютъ себя и весь свой край въ распоряженіе церкви (стр. 133, 134).

Послѣ Срѣтенія, устроивается съ Ливами и Латышами походъ противъ отпавшихъ отъ христіанства Семигалловъ въ Мезотенѣ. Четыре тысячи Нѣмцевъ и столько-же Ливовъ да Латышей у Гольма переходятъ черезъ Двину, при р. Муссѣ приводятъ войско свое въ боевой порядокъ, занимаютъ и грабятъ близлежащую деревню и осаждаютъ замокъ. Осажденные вступаютъ въ переговоры, но, вслѣдствіе требованія безусловной сдачи, продолжаютъ борьбу. На выручку является войско, подъ начальствомъ Вестгарда. Хотя дѣло и не доходитъ до битвы, но такъ какъ изъ тѣхъ, которые уже сдались, многіе неразумно убиты, то остальные рѣшаются еще разъ возобновить борьбу. Наконецъ они принуждены сдаться, обѣщаютъ не отпадать отъ христіанства и получаютъ дозволеніе возвратиться въ деревни. Замокъ ограбленъ и сожженъ (стр. 135).

Послѣ двухнедѣльнаго отдыха, войско отправляется въ Саккалу и призываетъ на помощь Саккальцевъ, Унганніевъ и Іервенцевъ. Все войско дѣлится на три отряда: лѣвое крыло составляютъ Ливы, центръ Нѣмцы и Латыши, правое крыло Эсты. При-

бывъ въ Нурмегунде, они замѣчаютъ со стороны Іервена много огня и дыму: оказывается, что туда вторглись Эзельцы, желая наказать Іервенцевъ за ихъ привязанность къ христіанамъ. При Каретенѣ средній отрядъ встрѣчается съ ними, убиваетъ многихъ изъ нихъ и захватываетъ большую добычу; остаются ни при чемъ лишь отсутствующіе Ливы и Латыши, которые въ свою очередь грабятъ гарріенскія деревни. На слѣдующій день соединяется все войско. Варбольцы покоряются и даютъ заложниковъ. Всѣ возвращаются съ богатою добычею, въ особенности Ливы, которые успѣли отыскать до 1000 Эстовъ, укрывшихся въ подземныхъ пещерахъ, и дымомъ задушили ихъ на мѣстѣ (стр. 136—141).

(1220) Епископъ Альбертъ уступаетъ датскому королю Эстляндію и Лифляндію, съ тѣмъ однакоже, если на это согласятся всѣ Рижане съ Ливами и Латышами (стр. 148).

(1221) По возвращеніи епископа и пилигримовъ, Рижане узнаютъ объ этой уступкѣ. Всѣ они протестуютъ противъ нея, равно какъ Ливы и Латыши, такъ что рыцарь Готшалькъ, прибывшій туда для того, чтобы принять начальство надъ городомъ, принужденъ удалиться. При Торейдѣ недовольные соединяются между собою, но орденская братья захватываетъ нѣсколько лифскихъ старшинъ, заключаетъ ихъ въ темницу и такимъ образомъ разстраиваетъ замыслы прочихъ.

Послѣ жатвы, Русскіе, подъ предводительствомъ великаго князя Новгородскаго, вторгаются въ край, заходятъ чрезъ Аа до Торейды и, ограбивъ ее, сожигаютъ села, церкви и сжатый хлѣбъ на поляхъ; за ними слѣдуютъ Литовцы и окончательно уничтожаютъ все, что̀ успѣло уцѣлѣть отъ первыхъ. Храброе сопротивленіе Ливовъ заставляетъ непріятелей отступить въ Унганнію чрезъ Икевальде и Имеру. Зимою Рижане, сообща съ Ливами, Латышами, Саккальцами и Унганніями, въ свою очередь вторгаются въ Россію.

(1222) Датскій король предпринимаетъ походъ на островъ Эзель; въ то̀же время туда является епископъ Альбертъ съ ор-

денскимъ магистромъ, съ его братьею и нѣсколькими Ливами. Когда король начинаетъ говорить о дарственной уступкѣ, то всѣ возражаютъ согласно даннымъ имъ инструкціямъ. За тѣмъ король возвращаетъ епископу Лифляндію, предоставляя въ Саккалѣ ему «jura spiritualia», а ордену «jura regalia», съ тѣмъ, чтобы они поклялись ему въ вѣчной вѣрности; строитъ на Эзелѣ замокъ и уходитъ во-свояси; но вскорѣ послѣ того Эзельцы овладѣваютъ замкомъ при помощи метательнаго снаряда, съ которымъ они познакомились въ Варболѣ (стр. 152).

Эзельцы подаютъ поводъ къ общему возстанію Эстовъ. Они снова отвергаютъ христіанство и соединяются съ Русскими, которые занимаютъ Дерптъ и Феллинъ. Орденъ ищетъ помощи въ Ригѣ и добивается ея за обѣщаніе возвратить епископу его часть въ Эстляндіи. Большое войско изъ Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей идетъ на Феллинъ, опустошаетъ и грабитъ край, равно какъ Нурмегунде. Возвратясь въ Лифляндію, они раздѣляютъ добычу и убиваютъ плѣнныхъ (стр. 153).

(1223) Саккальцы и Унганніи нападаютъ на Латышей при Имерѣ, вторгаются также въ Метсеполе и Торейду, сожигаютъ села и церкви и собираются въ Леттегоре. Узнавъ объ этомъ, Рижане являются на помощь Ливамъ и, не найдя Эстовъ у Леттегоре, частью возвращаются, частью идутъ далѣе; къ нимъ присоединяются еще рыцари изъ Зегевольда и Вендена, равно какъ многіе Ливы и Латыши. При Имерѣ они застаютъ непріятеля за приготовленіями къ переправѣ и разбиваютъ его (стр. 157).

Епископъ Бернгардъ Семигальскій собираетъ при рѣкѣ Аа другое большое войско изъ Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей, которое идетъ на Феллинъ и овладѣваетъ имъ послѣ отчаяннаго боя. Эстамъ даютъ амнистію, а Русскихъ вѣшаютъ. Замокъ на рѣкѣ Палѣ сдается имъ безъ сопротивленія (стр. 157).

Послѣ Рождества, новое войско изъ Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей собирается при Астигерве, идетъ въ Гарріенъ, на помощь Датчанамъ, и осаждаетъ Лоне. Осажденные наконецъ сдаются и замокъ сожигается. Такимъ-же образомъ сдаются и три малень-

кихъ замка. Эсты изъ Іервена и Вирланда также сдаются и возобновляютъ миръ (стр. 161).

(1224) Ливы и Латыши съ орденскими рыцарями безуспѣшно нападаютъ на землю Унганніевъ (стр. 163).

Такъ какъ Русскіе не хотятъ отказаться отъ Дерпта, то рижскій епископъ созываетъ къ о. Астигерве большое войско, при которомъ находятся также собранные отовсюду Ливы и Латыши. Въ годовщину взятія Феллина (Успеніе Богородицы), оно приходитъ къ Дерпту и, когда русскій великій князь, не смотря па вторичное предложеніе, не отступаетъ, приступомъ беретъ замокъ. Всѣхъ находящихся въ замкѣ убиваютъ, за исключеніемъ одного Русскаго, котораго посылаютъ гонцемъ въ Новгородъ и Суздаль. Замокъ сожигаютъ и войско удаляется (стр. 166—168).

(1225) По взятіи Дерпта со всѣхъ сторонъ являются въ Ригу посланцы съ подарками, прося мира и союза, — отъ Русскихъ, береговыхъ Эстовъ, Эзельцевъ, Семигалловъ, Куровъ и Литовцевъ. Эсты, Ливы и Латыши снова строютъ свои села и церкви (стр. 170).

Папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій при объѣздѣ края отправляется сперва въ Торейду, служитъ тамъ обѣдню въ Куббеселе, а потомъ въ Витиселе и Леттегоре. За тѣмъ онъ ѣдетъ въ Метсеполе, Идумею, Летляндію и Эстляндію. Нѣмцы, Ливы и Латыши приходятъ къ нему за рѣшеніемъ по разнымъ дѣламъ. Наконецъ онъ посѣщаетъ Ливовъ на Двинѣ въ Гольмѣ, Икесколе, Леневарденѣ и Ашераденѣ (стр. 172—175).

(1226) Возвратясь, онъ опять побуждаетъ пилигримовъ изъ Германіи къ крестовому походу противъ непринявшихъ еще крещенія Эстовъ. Ихъ съ радостію принимаютъ не только Рижане, но и обращенные въ христіанство Ливы, Латыши и Эсты (стр. 178).

Послѣ дня св. Фабіана и Севастьяна, при Эмбахѣ собирается большое войско изъ 20,000 Нѣмцевъ, Ливовъ, Латышей и Эстовъ, которое по льду идетъ въ Эзель. Нѣмцы послѣ долгихъ усилій овладѣваютъ замкомъ Моне, а Ливы и Латыши окружаютъ его

со всѣхъ сторонъ, чтобы никому не дать возможности уйти оттуда. Замокъ грабятъ и сожигаютъ и за тѣмъ войско отправляется къ другому замку, Вальдіи. Пока Нѣмцы дѣлаютъ необходимыя для осады приготовленія, Ливы, Латыши и Эсты грабятъ окрестности. Осажденные приходятъ въ отчаяніе, вступаютъ въ переговоры, даютъ заложниковъ и просятъ о крещеніи. Тоже самое дѣлаютъ всѣ города и килегунды чрезъ отправленныхъ ими посланцевъ (стр. 179—182).

На этомъ прекращаются извѣстія Генриха; продолженіемъ ихъ служатъ свѣдѣнія, содержащіяся въ Риѳмованной хроникѣ, приписываемой обыкновенно Дитлебу фонъ Альнпеке, и въ нѣкоторой степени свѣдѣнія позднѣйшаго лѣтописца Брандиса, такъ какъ, по его словамъ, онъ пользовался еще другимъ источникомъ. По части древнѣйшаго періода, авторъ Риѳмованной хроники, жившій послѣ Генриха, сообщаетъ мало новаго, но тѣмъ важнѣе сочиненіе его для слѣдующаго за тѣмъ времени до конца XIII столѣтія. Хотя нѣкоторые (срав. Script. rer. livon. I, стр. 520) и заподозрѣваютъ достовѣрность этой хроники и унижаютъ значеніе ея, но несомнѣнно то, что лучшей мѣстной исторіи того времени мы не имѣемъ по той простой причинѣ, что другой вообще и нѣтъ. Главное содержаніе Риѳмованной хроники составляютъ, правда, битвы на лѣвомъ берегу Двины, такъ что мѣсто Ливовъ въ ней заступаютъ теперь главнымъ образомъ Куры, но все-же довольно часто упоминается еще и самое имя Ливовъ. О томъ, что Ливы жили къ югу отъ Двины до Митавы, ясно говоритъ лишь Риѳмованная хроника, тогда какъ, по извѣстіямъ Генриха, самую Двину можно бы было считать южнымъ предѣломъ ихъ распространенія. Что касается до вспомогательнаго войска Нѣмцевъ, состоявшаго изъ туземцевъ, то въ Риѳмованной хроникѣ оно уже называется тѣмъ самымъ именемъ, которымъ его называли позднѣйшіе лѣтописцы, т. е. «поселянами» (Landvolk, Bauern), безъ означенія національностей. Другимъ источникомъ (позднѣе Генриха), изъ котораго мы узнаемъ еще кое-что о существованіи и бытѣ Ливовъ, оказывается множество раз-

ныхъ документовъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ для повѣрки свѣдѣній, сообщаемыхъ Риѳмованной хроникой (срав. поясненія къ Риѳмованной хроникѣ въ 1-мъ томѣ *Script. rer. livon.* стр. 728 и слѣд.). Важнѣйшія изъ нихъ составляютъ приложеніе къ изданіямъ лѣтописи Генриха; свѣдѣнія, приводимыя нами изъ этихъ документовъ, обозначены тѣми-же цифрами, подъ которыми они тамъ значутся; прочіе же документы заимствованы изъ «Urkundenbuch» Бунге.

За тѣмъ возвращаемся къ своду дальнѣйшихъ извѣстій, относящихся къ Ливамъ:

(1227, 1228) Куры и Семигаллы сожигаютъ монастырь Дюнамюнде, по Брандису въ 1227, а по малой лѣтописи монастыря (см. Bunge, Archiv IV, стр. 271), въ 1228 году. Въ связи съ этимъ событіемъ, о которомъ въ Риѳмов. хроникѣ не говорится, находится, кажется, упоминаемый ею (v. 1697) походъ магистра Вольквина въ Семигаллію, вызвавшій слѣдующее за тѣмъ событіе.

(1228) По отъѣздѣ пилигримовъ, семигальскій князь Вестеръ или Вестерсъ (у Генриха Westhardus) чрезъ Ашераденъ вторгается въ Лифляндію. Фогтъ Марквардъ фонъ Бурбахъ съ Ливами и Латышами преслѣдуетъ возвращающихся и разбиваетъ ихъ. За тѣмъ магистръ самъ, также съ Ливами и Эстами, вторгается въ Литву (Reimchronik, v. 1725 и слѣд.).

Подъ тѣмъ-же годомъ 1-я Новгородская лѣтопись (Полное собраніе русск. лѣтоп. т. III, годъ 6736) также упоминаетъ о Ливахъ: «Тъгда же князь Ярославъ пълкы своя домовь посла. Пльсковици же тъгда бяху подъбѣгли (подвели) Нѣмци и Чюдь, Лотыголу и Либь, и отпустиша я опять.

(1229, 1230) Легатъ Бальдуинъ Альнскій заключаетъ договоръ съ Курами. Князь ихъ Ламмехинъ (Lammechinus) и часть языческихъ Куровъ «de terris Esestua» подчиняются нѣмецкому владычеству, даютъ заложниковъ и принимаютъ крещеніе. То были Куры изъ Дурписа и Саггары и изъ килигундъ Tdargolora (Thargolara?) Osna, Langis, Venelis, Normis, Kiemala, Pügawas, Sarnitus,

Riwa, Saceze, Edualia, Aliswanges, Ardus, Alostanotachus и другихъ килигундъ и селеній по обѣ стороны Виндавы (Doc. XLVI, a и Bunge, U. B. № 103).

Примѣру ихъ слѣдуетъ другая часть Куровъ изъ Бандове, Ванненіи, по сю сторону Виндавы, изъ селеній Rende, Wasa, Galle (Walegalle?), Matichule, Wanne, Pyrre, Ugenesse, Cadowe, (Candowe?), Anzes, Talse, Arowelle, Pope и нѣсколькихъ другихъ деревень (Doc. XLVI, b и Bunge, U. B. № 104).

Въ тоже самое время орденъ заключаетъ съ Курами договоръ относительно подлежащаго съ нихъ взноса «dimidium navale talentum siliginis» съ каждаго гака (сохи) и такой-же подати съ каждой боропы, или половины взноса съ каждаго работающаго на одномъ конѣ; договоръ этотъ заключенъ съ селеніями Rende, Galewalle (Walegalle?) Pidewalle, Maticule, Wane, Pure, Ugesse, Candowe, Anses (Doc. XLVII и Bunge, U. B. № 105).

(1231) Епископъ Николай уступаетъ Рижанамъ третью часть Эзеля, Курляндіи и Семигалліи въ качествѣ лена (Doc. XLIX и Bunge, U. B. № 109).

(1232) Папа Григорій назначаетъ семигалльскаго епископа, Бальдуина Альпскаго, своимъ легатомъ въ «Livonia, Gothlandia, Virlandia, Hestonia, Semigallia, Curlandia». Имя Ливоніи употреблено здѣсь очевидно уже въ томъ общемъ смыслѣ, въ которомъ заключается и Латышскій край (см. Doc. LVII, 1246 года, LVIII и LIX, 1247 года, LX, 1255 года и др.; Reimchronik V. 7519); Курляндія же (см. также Doc. LII, 1236 года, и предыдущую грамоту) означаетъ по всей вѣроятности только страну Куровъ, частію потому, что противопоставлена Семигаллін, а частію и потому, что въ то время къ ней еще не были присоединены части Самогитіи (Doc. XLVIII; Bunge, U. B, № 115).

Тотъ-же папа, по просьбѣ Куровъ, утверждаетъ договоръ, заключенный ими съ Бальдуиномъ Альнскимъ (Bunge, U. B. № 124).

(1234?) Куры нарушаютъ договоръ, заключенный ими незадолго передъ тѣмъ, и убиваютъ епископа Энгельберта, назначен-

наго имъ около 1234 года легатомъ Вильгельмомъ Моденскимъ (Ind. № 145; срав. Hennig, Geschichte der Stadt Goldingen, стр. 173, и Arndt, II, стр. 46).

(1236) Магистръ Вольквинъ съ большимъ войскомъ изъ Нѣмцевъ, Эстовъ, Латышей и Ливовъ предпринимаетъ походъ въ Литву. На возвратномъ пути Литовцы и Семигаллы при Соулѣ (вѣроятно Rahden, по-лат. Saule) наносятъ ему пораженіе и убиваютъ его самого (Reimchronik v. 1859 и слѣд.).

(1242) Магистръ Дитрихъ фонъ Грюнингенъ, съ сильнымъ войскомъ изъ Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей выступаетъ противъ отпавшихъ отъ христіанства Куровъ и опустошаетъ ихъ край, пока они снова изъявляютъ готовность покориться и даютъ заложниковъ. Онъ строитъ въ землѣ ихъ замокъ Гольдингенъ, а можетъ быть и Амботенъ, потому что не совсѣмъ ясное извѣстіе еще правильнѣе, можетъ быть, слѣдуетъ понимать такъ, что онъ завоевалъ существовавшій уже прежде замокъ Амботенъ. Куры принимаютъ крещеніе (Reimchronik v. 2348 и слѣд.). Вскорѣ послѣ того, они участвуютъ въ защитѣ Амботена противъ Литовцевъ (Reimchr. v. 2450 и слѣд., срав. Arndt, II, стр. 48).

(1245) Легатъ Вильгельмъ постановляетъ, чтобы ордену принадлежали двѣ трети Курляндіи вмѣсто условленной прежде одной трети, такъ какъ ему пришлось снова завоевать край, когда язычники убили своего епископа Энгельберта (Bunge, U. B. № 181).

И послѣ этого Куры еще помогаютъ Нѣмцамъ въ войнѣ съ Литовцами (v. 2608 и слѣд.).

Ливы и Латыши съ Нѣмцами идутъ въ Литву и грабятъ землю Ленгевина, который въ свою очередь, будучи выкупленъ за 500 эзеринговъ, выступаетъ противъ Вендена, гдѣ командоръ претерпѣваетъ пораженіе и остается на полѣ битвы. Время не опредѣлено (Reimchr. v. 2973 и слѣд.).

(1248?) Магистръ Андрей фонъ Стиренъ или Стирландъ съ Нѣмцами и «поселянами» (Landvolk) предпринимаетъ удачный походъ противъ Семигалловъ (Reimchr. v. 3407 и слѣд.).

(1251) Папа Иннокентій отдаетъ ордену двѣ трети «Куроніи или Курляндіи», за исключеніемъ Дондангена и Таргете, остающихся за рижскимъ капитуломъ, и одну треть Семигалліи (Doc. LV, гдѣ неправильно выставленъ 1245 годъ; срав. Script. rer. livon. I, стр. 403). Безъ сомнѣнія, Куронія имѣетъ тутъ опредѣленное значеніе «страны Куровъ», какъ и въ нѣсколько раньшей, упомянутой Арндтомъ, грамотѣ императора Фридриха II въ орденскомъ архивѣ въ Кенигсбергѣ, относительно предоставленія Семигалліи и Литвы Нѣмецкому ордену.

(1253) Эбергардъ фонъ Сайнъ строитъ замокъ Мемель на южной границѣ Курляндіи, подъ именемъ которой здѣсь, и съ этихъ поръ едва-ли гдѣ-нибудь, просто означалась одна только страна Куровъ (Reimchr. v. 3625 и слѣд.).

Грамоты епископа Генриха Курляндскаго отъ 4 и 5 апрѣля 1253 года о раздѣленіи края между епископомъ ($^1/_3$) и орденомъ ($^2/_3$). По первой изъ этихъ грамотъ Дурбенское озеро остается въ общемъ владѣніи того и другаго, равно какъ и тѣхъ Куровъ, которые до сего времени имѣли право на него. Кромѣ того, никто изъ Куровъ не лишается своего достоянія, полей, рыбныхъ ловель, бортей и несвященныхъ лѣсовъ (Bunge, U. B. № 248, 249 и съ утвержденія Иннокентія IV, въ 1254 году, тамъ-же № 276).

(1256) Жмудь, подъ начальствомъ Алемана, дѣлаетъ набѣгъ на Курляндію, а магистръ Анне фонъ Зангерсгаузенъ, въ наказаніе за это, предпринимаетъ противъ нихъ походъ, въ которомъ участвуютъ также Эсты, Ливы и Латыши (Reimchr. v. 4125 и слѣд.).

(1257) Бурхардъ фонъ Горнгузенъ, сообща съ Курами, воюетъ съ Жмудью и заключаетъ съ ними миръ на два года (Reimchr. v. 4489 и слѣд.).

(1259) Неудачное сраженіе ордена съ Жмудью у Шадена, въ которомъ Куры дружески помогаютъ ему конницей и пѣхотой (Reimchr. v. 4629 и слѣд.).

(1259, 1260) Магистръ съ большимъ войскомъ, въ которомъ

находятся также Эсты, Ливы, Латыши и Куры, выступаетъ противъ Семигалловъ, которые по совѣту Шабе возстали и прогнали изъ своей земли орденскихъ фогтовъ. Они нападаютъ на замокъ Терветенъ, но не могутъ овладѣть имъ и, отправясь дальше, строятъ Добенъ, который занимаютъ и съ успѣхомъ защищаютъ противъ нападенія Жмуди (Reimchr. v. 5239 и слѣд.).

(1260) Литовцы (Жмудь) вторгаются въ Курляндію; противъ нихъ выступаетъ магистръ Бурхардъ съ двумя войсками, въ которыхъ поименованы также Эсты и Куры. Происходитъ сраженіе при Дурбенѣ, гдѣ орденское войско претерпѣваетъ сильное пораженіе и самъ магистръ остается на полѣ битвы. Причиною такого несчастнаго исхода дѣла была измѣна Куровъ, которые, желая избавиться отъ чужеземнаго ига, уже прежде рѣшились оставить орденское войско на произволъ судьбы и теперь, во время боя, уходятъ съ Эстами съ поля сраженія. Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ (см. Dusburg, III, 81) говорится еще, что они были озлоблены за то, что просьба ихъ объ освобожденіи женъ и дѣтей ихъ, взятыхъ въ прежнее время въ плѣнъ, не была удовлетворена (Reimch. v. 5583 и слѣд.).

Однимъ изъ послѣдствій Дурбенскаго пораженія было явное отпаденіе Куровъ, которые стали приглашать къ себѣ на помощь Литовцевъ. Послѣдніе не замедлили явиться и заняли курскій замокъ Спнтелисъ. Посредствомъ хитрости, употребленной Куромъ Утиліе, Курамъ удалось заманить къ себѣ въ замокъ Вардахъ восемь орденскихъ членовъ изъ Гольдингена; семь изъ нихъ замучены до смерти (Reimchr. v. 5735 и слѣд.).

Въ томъ-же году вице-магистръ Юріесъ, при содѣйствіи «поселянъ» выступаетъ противъ отпавшихъ. Синтелисъ, храбро защищаемый литовскимъ населеніемъ, принужденъ сдаться; всѣ Куры старше 11 лѣтъ убиты и брошены въ огонь, а жены и дѣти взяты въ плѣнъ. Оттуда орденское войско идетъ въ Ассеботенъ, гарнизонъ котораго сдается; взявъ заложниками дѣтей знатнѣйшихъ лицъ, оно возвращается (Reimchr. v. 5849 и слѣд.).

(1261) По другую сторону Двины неудачное сраженіе орде-

на при Ленневарденѣ также влечетъ за собою отпаденіе Эзельцевъ. Но послѣ упорной битвы при Кармелѣ, ихъ одолѣваютъ при помощи Ревельцевъ и Эстовъ, Ливовъ и Латышей (Reimchronic, v. 6099 и слѣд.). Въ томъ-же году упоминается о Ливахъ во вставкѣ одного словянскаго перевода византійскаго писателя Μαλαλᾶς, при разсказѣ о погребеніи Пруссовъ, Ятвиговъ, Ливовъ и Ями.

(1263) Литовцы и Жмудь замышляютъ изгнать орденскихъ рыцарей изъ Курляндіи и съ этою цѣлью соединяются съ Курами. Магистръ Вернеръ фонъ-Брейтгаузенъ высылаетъ войско на помощь. Курскіе замки Лазенъ, Меркесъ и Гробинъ взяты одинъ за другимъ и сожжены. Не смотря на то, что Литовцы, пользуясь отсутствіемъ орденскаго войска, вторгаются въ Лифляндію и Эстляндію, орденъ продолжаетъ въ Курляндіи войну съ Жмудью, беретъ замокъ Кретененъ и заставляетъ Ампилленскій гарнизонъ удалиться въ Жмудскую землю (Reimchr. v. 6780 и слѣд., 6963 и слѣд.).

(1264) Преемникъ Вернера, Конрадъ фонъ-Мандернъ, продолжаетъ вести войну. Неизмѣнившіе Куры остаются на его сторонѣ и служатъ ему проводниками къ замку Грезену, который взятъ въ расплохъ, ограбленъ и сожженъ (Reimchr. v. 7209 и слѣд.).

(1265) Для защиты противъ Семигалловъ, тотъ-же магистръ передъ Семигалльской землей (v. 7401 и 11870), слѣдовательно еще въ странѣ Ливовъ, строитъ замокъ Митаву (Reimchr. v. 7391 и слѣд.).

(1267) Орденскій магистръ Отто фонъ Луттербергъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ повинности Куровъ въ орденскихъ земляхъ: 1) съ каждаго гака должно платить по 2 лофа ржи, или по лофу пшеницы и лофу ячменя; 2) подать эту слѣдуетъ платить съ каждой лошади, начиная съ четвертаго ея года; 3) должно отправлять 4 дня барщины, 2 лѣтомъ и 2 зимою; 4) они вправѣ получать всякое наслѣдство «въ четвертомъ колѣнѣ»; 5) мѣстность, на которой поселится Куръ, должна оставаться въ его

вѣчномъ наслѣдственномъ владѣніи, если только у нея уже нѣтъ наслѣдника; 6) Куры должны подчиняться литовскому праву; 7) отпавшіе должны работать цѣлый мѣсяцъ при постройкѣ замковъ (Bunge, U. B. № 405).

(1269) Магистръ Отто (у позднѣйшихъ фонъ Роденштейнъ) собираетъ большое войско изъ Нѣмцевъ, Латышей, Ливовъ и Эстовъ для похода въ Россію. Онъ доходитъ до Пскова, но осаждаетъ его безъ успѣха. Новгородцы, явившіеся на выручку осажденныхъ, и дурная погода заставляютъ его возвратиться сухимъ путемъ и на корабляхъ (Reimchr. v. 7677 и слѣд.).

(1270, 1271) Магистръ Вальтеръ фонъ Нортекъ завоевываетъ семигалльскіе замки Терветенъ, Мезотенъ и Раттенъ. Въ войскѣ его также находятся «поселяне» (Reimchr. v. 8004 и слѣд.).

(1278) Куры помогаютъ магистру Эрнсту (у позднѣйшихъ писателей фонъ Рассбургъ) въ походѣ противъ Литовцевъ, въ которомъ его самого убиваютъ (Reimchr. v. 8337 и слѣд.).

(1279) Гольдингенскій фогтъ, Іоганнъ фонъ Охтенгузенъ, съ Курами и четырмя орденскими рыцарями, нападаетъ на Семигалловъ въ Добельнѣ. Онъ раненъ и удаляется во-свояси. Начальникъ Терветена, Намейзе, преслѣдуетъ его, но терпитъ пораженіе при Баботенѣ. Вскорѣ предпринимается второй походъ; Куры нападаютъ на Добельнскій гакельверкъ, грабятъ его и возвращаются съ богатой добычей (Reimchr. v. 8965 и слѣд).

(1281) Конрадъ фонъ Фейхтвангенъ покоряетъ терветенскихъ Семигалловъ; при этомъ въ войскѣ его также находятся «поселяне» (Reimchr. v. 9508 и слѣд.).

Во время управленія магистра Вильгельма, слѣдовательно не ранѣе 1282 года (настоящій годъ неизвѣстенъ), Литовцы вторгаются въ окрестности Ашерадена. Командоръ ищетъ помощи у епископскаго фогта въ Кокенгузенѣ, который собираетъ горожанъ и «поселянъ» (безъ семнѣнія и Ливовъ) и поражаетъ отступающихъ Литовцевъ (Reimchr. v. 9801 и слѣд.).

(1282) Въ грамотѣ настоятеля Дюнамюндскаго постановлено,

что, если у Кура находятся борти на его землѣ или на землѣ орденскаго магистра, то онъ (Куръ) вправѣ преслѣдовать пчелъ по общему мѣстному праву (Bunge, U. B. № 477).

(1287) Во время поста, Семигаллы собираются напасть на Ригу. Узнавъ объ этомъ, ландмаршалъ выступаетъ противъ нихъ съ войскомъ, состоящимъ изъ Нѣмцевъ, Латышей и Ливовъ. Не найдя Семигалловъ, онъ возвращается и помѣщаетъ иноземцевъ въ конюшняхъ, лежащихъ предъ городомъ. Ночью на нихъ нападаютъ Семигаллы. Сперва убѣгаютъ Ливы, а потомъ и прочіе поселяне. Непріятель овладѣваетъ конюшнями и сожигаетъ ихъ (Reimchr. v. 10201 и слѣд.).

На слѣдующій день магистръ Вилекинъ узнаетъ, что Семигаллы напали на Икскюль и сожгли гакельверкъ. Онъ преслѣдуетъ ихъ съ войскомъ изъ Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей, которое набрано въ Ригегольмѣ. Нѣсколько дней спустя, когда они расположились по близости отъ непріятеля, послѣдній нападаетъ на нихъ съ значительно превосходящими ихъ силами. Часть поселянъ обращается въ бѣгство и, не смотря на храброе сопротивленіе, христіанское войско разбито; магистръ Виллекинъ самъ падаетъ въ битвѣ (Reimchr. v. 10371 и слѣд.).

(1289) Жмудь и Семигаллы вторгаются въ Лифляндію. Къ войску, собранному магистромъ Куне фонъ Гацигенштейнъ, присоединяется и командоръ Гольдингенскій съ 1200 отборныхъ Куровъ. Видя значительное превосходство непріятеля, магистръ не рѣшается вступить съ нимъ въ бой, и вмѣсто того дѣлаетъ диверсію въ самую Семигаллію. Отрядъ, прибывшій изъ Курляндіи, идетъ къ Доблену, а другой къ Сидобрену, но они успѣваютъ только ограбить гакельверки, не взявъ самихъ замковъ (Reimchr. v. 11089 и слѣд.).

Вдова Іоганна фонъ Долена, согласно прежнему уговору, уступаетъ рижскому капитулу свободный участокъ земли, принадлежавшій Ливу Каулеме (Bunge, U. B. № 529).

(1290) Неоднократные опустошительные набѣги орденскихъ рыцарей и Куровъ на Семигалловъ заставляютъ послѣднихъ оста-

вить замки свои Добленъ, Раккетенъ и Сидобренъ, которые сожигаются (Reimchr. v. 11392 и слѣд.).

Гольдингенскій командоръ съ Курами предпринимаетъ удачный походъ на Жмудь, вѣроятно въ связи съ относящеюся къ тому-же времени войною орденскихъ рыцарей въ Пруссіи. Куры храбро защищаются и войско возвращается съ добычею, которая, по прибытіи въ Амботенъ, въ Курляндіи, дѣлится (Reimchr. v. 11670 и слѣд.).

Въ этомъ извѣстіи Ливы или Куры въ послѣдній разъ упомянуты въ Риѳмованной хроникѣ; позднѣйшія же лѣтописи почти вовсе не говорятъ объ особыхъ національностяхъ «поселянъ» или «крестьянъ», коли вообще упоминаютъ объ участіи ихъ въ мѣстныхъ событіяхъ. Только объ Эстахъ говорится неоднократно по случаю безпрестанно повторявшихся возстаній ихъ противъ чужеземнаго владычества. Такимъ образомъ тотъ, кто желаетъ прослѣдить дальнѣйшее существованіе Ливовъ, съ конца XIII столѣтія, долженъ ограничиться лишь немногими случайными указаніями, которыя встрѣчаются въ грамотахъ и у путешественниковъ.

1291) Къ разсмотрѣнію дѣла объ уступкѣ домкапитулу одной трети епископскихъ земель въ Курляндіи мемельскимъ коммандоромъ и фогтомъ, приглашено также нѣсколько Куровъ, которымъ знакомы мѣстныя условія (Bunge, U. B. № 540).

(1310) Такимъ-же образомъ, при соглашеніи епископа Бурхарда Курляндскаго съ рижскимъ домкапитуломъ, относительно межевыхъ споровъ, приглашаютъ старѣйшихъ и надежнѣйшихъ Куровъ изъ Допдангена, для указанія межи. При этомъ постановлено, чтобы Куры по ту и другую сторону не переходили, ко взаимному ущербу, рѣки Ируве (Ирбе) (Bunge, U. B. № 629).

(1312) Въ показаніяхъ, данныхъ свидѣтелями предъ папскимъ уполномоченнымъ Францискомъ де Моліано по дѣлу о жалобахъ архіепископа на орденъ, говорится, между прочимъ, что Куры въ орденскомъ войскѣ раззорили стѣны больницы Св. Духа (Bunge, U. B. № 638).

(1322) Рижскій домкапитулъ купилъ у зегевольдскихъ Ливовъ земли и борти (Bunge, U. B. № 683).

(1348) Участокъ земли, принадлежавшій Ливу Эппеле, рижскимъ епископомъ подаренъ домкапитулу (Bunge, U. B. № 888; срав. № 238).

(1349) Между городомъ Ригой и кирхгольмскими Ливами возникаетъ споръ о бортяхъ въ рижской городской чертѣ: Ливы увѣряютъ, что это старинныя борти, которыми они владѣли съ давнихъ поръ, а Рижане говорятъ, что къ нимъ добавлены новыя борти. Полюбовная запись магистра Госвина фонъ Герике составлена въ Михайловъ день 1349 года (Bunge, U. B. № 894).

(1355) Снова говорится объ участкѣ вышеупомянутаго Лива Эппеле (Bunge, U. B. № 958).

(1359) По какому-то межевому дѣлу пять Ливовъ, живущихъ на островѣ Доленѣ (Дальгольмѣ на Двинѣ), какъ-то: Кунне, Керстіанъ, Рикке, Кале и неназванный по имени слѣпецъ, допрашиваются въ качествѣ свидѣтелей двумя рижскими бургомистрами; Кунне даетъ свои показанія по-ливски и по-нѣмецки (Bunge, U. B. № 966, a).

(1388, 1477) Сюда-же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести упоминаніе «ливскаго права». Такъ напр. въ 1388 году рижскій командоръ Энгельбрехтъ Гаверъ продаетъ Мекевольду Никласу Пайкену пустошь, предоставляя ему и его наслѣдникамъ владѣть ею по ливскому праву, а въ 1477 году орденскій магистръ Гейденрейхъ Винке возобновляетъ Гейденрейху Гинцену ленное право на подворье въ зегевольдскомъ округѣ, предоставляя ему и всѣмъ законнымъ его наслѣдникамъ владѣть этою землею по прежнему, безъ уплаты всякихъ десятинъ и другихъ повинностей, на вѣки вѣчные, по ливскимъ правамъ (см. статью І. К. Шварца въ Гупелевыхъ Neue nord. Miscell. V, 124).

(1406) Въ счетахъ рижскихъ казначеевъ, въ концѣ счетнаго 1405—1406 года, находится слѣдующая замѣтка: vor Livesche brede und hoverene delen.

(1409?) Мемельскій командоръ жалуется орденскому маги-

стру, что Куръ, посланный имъ съ письмомъ, задержанъ виндавскимъ командоромъ и что за тѣмъ ни одинъ Куръ не рѣшается болѣе идти съ письмами за море. По этому онъ въ свою очередь до тѣхъ поръ хочетъ задержать Куровъ, которыхъ виндавскій коммандоръ пошлетъ въ Мемель, пока не получитъ отъ магистра наставленія, что̀ ему дѣлать (Bunge, Ū. B. № 1795).

(1413) Путешественникъ Гильберъ де Ланноа говоритъ о своемъ путешествіи чрезъ Пруссію, Курляндію и Лифляндію въ Россію: «Sy me en alay a Keuniczeberghe... et de la a le Memmelle, qui es molt grosse, et y a ung chastel qui est le derrain chastel de Prusse vers les frontieres de Samette: et costie on la mer a main senestre en cheminant de Keuniczeberghe et a la main dextre une autre grosse riviere (гафъ?), et nomme l'on ce chemin le Strang (Strand?). Et y a de Keuniczeberghe jusques a Memmelle dixhuit lieues. . . . . Quant on a passe oultre le dit Strang, on entre ou pais de Samette: mais on treuve bien douse lieues de desertes solitudes, sans trouver quelque trace de humaine habitacion . . . et est nomme ce dit desert le Strang de Letaoeu nonobstant ce que c'est du pais de Sammette. Et passay parmi le pais de Correlant, qui appartient aux seigneurs de Liuflant, lesquels sont subgects aut seigneurs de Prusse, et vins a une ville nommee le Live (Либава), assise sur une riviere nomme le Live, la quelle depart le pais de Correlant et de Sammette. Et y a douze lieues de le dite Memmelle jusques a le dite Live. . . . . De le Live et Correlant, m'en alay a Righe en Liuflant, par plusieurs villes, chasteaux et commanderies, aussi appartenans auz seigneurs de Liuflant. Et premier par Gurbin, qui est chastel; puis par Guldinghe qui est ville fermee; par Cando chastel, et autres villes et chasteaux ou pais de Correland et de Samette appartenans aux seigneurs de Liuflant, et par plusieurs villaiges des Zamegaelz, des Corres et des Lives, lesquels ont chascum ung langaige a par eulx» (G. de Lannoy et ses voyages par J. Lelewel, стр. 24 и 26).

(1480) Около 1480 года, Юлій Помпоній Сабинъ, въ Com-

mentarii ad Virgilium (Basil. 1544, стр. 185) упоминаетъ о Курахъ, говоря о положеніи Скиѳіи: «Scythia vero incipit a Borysthene, qui oritur ex palude inaccessibili, ex qua alii duo fluvii nascuntur in Rhodano simul labentes per Laemonios et Curonios».

(1577) Лѣтописецъ Бальтазаръ Рюссовъ въ началѣ своей лѣтописи говоритъ: «De ander höuet Prouintz des Lyfflandes, nömliken Letlandt, begript ock de Prouintz der Liven in sick .... De drüdde höuet Prouintz, Churlandt, begript in sick ock Semigallen. De Völker dieser Prouintz gebruken der Churischen unde Lyvischen, unde am etliken örtern och der Littowschen sprake (Script. rer. livon. II. стр. 9).

(1589) Саломонъ Геннингъ въ своемъ «Bericht, wie es in Religionssachen in Kurland und Semgallen ist gehalten worden», говоритъ: «какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, у бѣдныхъ крестьянъ, на повсемѣстно здѣсь употребительныхъ языкахъ, нѣмѣцкомъ, литовскомъ, шведскомъ и *эстскомъ* (ибо у каждаго языка есть свои извѣстныя особенности и нарѣчія)». Подъ говорящими по-эстски тутъ нельзя разумѣть никого другаго, кромѣ Ливовъ или Куровъ, языкъ которыхъ и П. Эйнгорнъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя, обозначаетъ такимъ-же образомъ (Script. rer. livon. II, стр. 316).

(1600) Положительнѣе предыдущаго извѣстіе, которое сообщаетъ М. Брандисъ. «Задвинское княжество», говоритъ онъ, «обнимаетъ Ливовъ и Латышскій край, и имѣетъ особый языкъ, который для Эстовъ совершенно непонятенъ, хотя Ливы на морскомъ берегу, говоря на своемъ собственномъ ливскомъ языкѣ, кое-какъ могутъ быть поняты Эстомъ» (Monum. Liv. ant. III, стр. 10). Другое извѣстіе, касающееся курскихъ Ливовъ и прежняго, бо́льшаго распространенія ихъ, принято уже въ соображеніе въ 1-ой главѣ; въ немъ говорится: «въ Курляндскомъ княжествѣ у поселянъ особый языкъ, который нѣсколько похожъ на латышскій, а вдоль прибрежья до прусской границы встрѣчается и ливскій языкъ; это позволяетъ думать, что Ливы жили, какъ

сказано выше, не только по сю, но и по ту сторону Двины, вдоль моря» (см. тамъ-же, стр. 13).

(1631) А. Буреусъ въ своей «Orbis arctoi imprimisque Sueciae nova et accurata discriptio, Wittebergae 1631», упоминаетъ между прочимъ и о Ливахъ: «habent enim praeter germanicam linguam, qua nobiles mercatoresque utuntur, quatuor non solum dialecto differentes sed omnimodo diversas et distinctas linguas. In insulis enim locisque maritimis Suecicam, in Septentrionali parte versus sinum Finnicum Esthonicam v. Finnicam, in Mediterraneis Livonum linguam, quae jam maxima parte exolevit ac in quibusdam saltem pagis remanet; in Meridionali parte Letticam qua et Curetes utuntur.

(1639) Восемь лѣтъ спустя въ Дерптѣ издана была Як. Скоттомъ «Historia de Livonia quam in Regia Academia Gustaviana, quae Dorpati est ad Embeccam oratione solenni d. 9 Mart. anno 1639 publice pro concione posteritati consecrabat». Въ ней, согласно съ вышесказаннымъ, говорится: «In parte boreali, ad sinum Vandalicum, Finnonica loquuntur lingua . . . . In pagis quibusdam mediterraneis antiquam Livonicam retinent linguam, jam tamen maxima ex parte exoletam. In tractu australi loquuntur lingua Lettica, quae cum Curetibus habent communem (л. 4».

(1649) Пав. Эйнгорнъ, упомянувъ въ своей «Historia lettica» (Dorp. 1649) о латышскомъ населеніи Курляндіи, продолжаетъ за тѣмъ слѣдующимъ образомъ: «Кромѣ того, въ баускерскомъ округѣ и на ангерскомъ поморьѣ въ Курляндіи, находятся жители, которые говорятъ по-эстски и знаютъ оба языка, латышскій и эстскій, богослуженіе же свое совершаютъ на одномъ латышскомъ языкѣ. Но живущіе на ангерскомъ берегу не хотятъ быть Эстами, а зовутъ себя Ливами, и языкъ, на которомъ говорятъ, также называютъ ливскимъ, по Ливамъ, первымъ обитателямъ этого края, отъ которыхъ и Лифляндія получила свое названіе» (Script. rer. livon. II, стр. 577). Нѣсколько дальше (стр. 580), разсуждая о языкѣ, онъ говоритъ: «Во всѣ времена и были только эти два языка, эстскій и латышскій; что

же касается до того языка, который нѣкоторые готовы считать за третій, т. е. которымъ говорятъ на ангерскомъ поморьѣ, то онъ нечто иное, какъ эстскій языкъ, потому что хотя онъ, пожалуй, и не во всемъ съ нимъ сходенъ, но все-таки онъ тотъ-же самый языкъ, чего не могутъ отрицать тѣ, которые хорошо знакомы съ нимъ. . . . Но такъ какъ дознано, что въ странѣ были только два языка, латышскій и эстскій, то спрашивается, которую изъ этихъ двухъ націй должно считать Ливами? На счетъ этого существуютъ опять-таки различныя мнѣнія, потому что нѣкоторые считаютъ Ливами Эстовъ, а живущіе на ангерскомъ поморьѣ хвалятся, что они настоящіе древніе Ливы и языкъ, на которомъ они говорятъ, называютъ ливскимъ, но не хотятъ быть Эстами, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что они говорятъ по-эстски. . . . . И въ этомъ отношеніи я предоставляю каждому имѣть свое мнѣніе, но соглашаюсь съ тѣми, которые говорятъ, что Эсты настоящіе древніе Ливы, давшіе краю его названіе, потому что, какъ пишетъ Фил. Клуверъ (Introd. in Geogr. libr. III, стр. 62), они искони населяютъ всю Лифляндію и Пруссію и уже Тацитомъ причислены къ Нѣмецкой странѣ. Это доказываютъ и жители ангерскаго поморья, которые еще доселѣ называются Ливами, а между тѣмъ нечто иное какъ Эсты: объ этомъ свидѣтельствуетъ эстскій языкъ, на которомъ они говорятъ».

(1670 — 1675) Кромѣ тѣхъ свѣдѣній объ исторіи Ливовъ, которые Гіернъ сообщаетъ со словъ прежнихъ, уже приведенныхъ нами, свидѣтелей, онъ говоритъ за свое время (стр. 17): «Ливы на салисскомъ берегу и на полосѣ къ Лемзалю, вокругъ Перніеля, Наббена и Вайнзеля, все болѣе и болѣе (почти ежедневно) начинаютъ говорить по латышски, потому что . . . богослуженіе свое должны отправлять на латышскомъ языкѣ. Латыши боятся ихъ волшебства»

(1682) Фр. Меніусъ въ своемъ «Syntagma de origine Livonum (Dorpat, 1682) говоритъ, что у всѣхъ народовъ въ Ливоніи два языка, эстонскій или ливскій (esthonica s. lybica) и латышскій (lettica); слѣдовательно онъ имѣлъ свѣдѣнія и о тѣхъ Ливахъ, кото-

рые, по его мнѣнію, вслѣдствіе вторженія Дарія Гистасна, вмѣстѣ съ другими варварами оттѣснены были къ Балтійскому морю (Script. rer. livon. II, стр. 524).

(1767, 1769) По истеченіи почти ста лѣтъ, благодаря Шлёцеру, снова встрѣчаются довольно подробныя свѣдѣнія о Ливахъ; такъ о Ливахъ, живущихъ въ Курляндіи, упоминается въ двухъ письмахъ, писанныхъ пасторами Таурекомъ въ Ангернѣ и Циммерманомъ въ Ирбенѣ (1767 г.) въ отвѣтъ на сдѣланный герцогомъ запросъ; о Ливахъ же въ Лифляндіи говорится въ письмахъ пастора Буркгарда въ Салисѣ (1767 г.) и оберпастора фонъ Эссена въ Ригѣ (1769 г.). Кромѣ историческаго значенія своего, письма эти, вслѣдствіе помѣщенныхъ въ нихъ обращиковъ языка, заслуживаютъ также вниманія въ лингвистическомъ отношеніи. По этимъ извѣстіямъ, курскіе Ливы уже въ то время по-видимому жили почти въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, которыя они теперь занимаютъ. Въ Ангернѣ тогда уже не было болѣе Ливовъ: они жили только на разстояніи приблизительно 4-хъ миль къ юговостоку отъ Домеснеса. Слѣдовательно, встрѣчая извѣстія «о Ливахъ на ангернскомъ прибрежьѣ», мы, должно понимать это выраженіе лишь въ болѣе обширномъ его значеніи, по которому оно означаетъ весь берегъ отъ Домеснеса до устья курской Аа. Во второмъ письмѣ мѣстности, заселенныя Ливами, означены нѣсколько точнѣе, а именно отъ впаденія рѣки Рос въ Рижскій заливъ до «высококняжеской Виндавской границы». Третье письмо содержитъ только небольшой списокъ словъ и фразъ, да нѣсколько довольно сбивчивыхъ замѣтокъ о языкѣ; въ четвертомъ письмѣ, сверхъ лингвистическаго матеріала, находится еще нѣсколько замѣчаній о народѣ. Настоящихъ Ливовъ — сообщаетъ авторъ этого письма — уже въ то время, говорятъ, не было (если разумѣть подъ этимъ названіемъ особый народъ, отличающійся по внѣшности отъ Латышей), языкъ же (ливскій) тогда былъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, не только между всѣми поселянами Ней-Салиса, но отчасти и въ Альтъ-Салисѣ, а именно по ручью Салису, на полмили отъ морскаго берега внутрь края.

Въ концѣ письма высказано мнѣніе, что курскіе Ливы, можетъ быть, бѣглые салисскіе поселяне, и что большое сходство лившкаго языка съ эстскимъ вѣроятно происходитъ оттого, что салисскіе Ливы приняли въ свой языкъ столько эстскаго, что онъ вслѣдствіе этого потерялъ почти всю свою особенность (Haigold, Beilagen zum neuveränderten Russland, II, стр. 352 и слѣд.).

(1778) Бѣргеръ въ своемъ «Versuch über die Alterthümer Livlands und seiner Völker» (Riga, 1778) также неоднократно упоминаетъ о Ливахъ. Онъ говоритъ еще о Ливахъ, жившихъ въ салисбургскомъ округѣ, и Ливахъ, встрѣченныхъ имъ при поѣздкѣ въ Ригу около регенбергской корчмы, положеніе которой онъ впрочемъ не опредѣляетъ точнѣе. Далѣе онъ сообщаетъ, что за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ совершались взаимные браки между Ливами на курскомъ прибрежьѣ и «радскими» Ливами (Кревингами), и что въ Салисѣ народъ еще по сію пору показываетъ мѣсто, гдѣ будто-бы въ первый разъ высадились Нѣмцы (стр. 57 и 58) — преданіе, безъ сомнѣнія занесенное въ Салисъ Ливами съ Двины, гдѣ жили ихъ предки. Бѣргеръ высказываетъ также правильное, какъ мнѣ кажется, мнѣніе о томъ, что первоначально въ Курляндіи жили не Латыши, а эстскій народъ.

(1785) Во всеобщей исторіи Шлёцера и Гебгарда (т. 50-ый), какъ и у Бёргера, Кревинги причислены къ Ливамъ, потому-де, что они вмѣстѣ съ курскими Ливами говорятъ на томъ-же языкѣ, на которомъ говорятъ салисскіе Ливы (стр. 314). Хотя это еще и не доказано, а нѣкоторыми даже оспаривается, но все-таки въ этомъ, кажется, есть доля правды. Что же касается до другаго страннаго мнѣнія, будто бы на островѣ Рунэ, называвшемся нѣкогда ливскою землею, ливскій языкъ изчезъ съ 1710 года, то въ доказательство его не приведено никакихъ данныхъ; напротивъ того, какъ мнѣ кажется, оно опровергается привилегіей епископа Іоганна Курляндскаго отъ 28 іюня 1341 года, въ которой сказано, что шведскіе жители въ Рунэ должны владѣть своимъ имуществомъ по шведскому праву (Bunge, U.B. № 805, *a*).

(1800) Георги въ своей «Schilderung der Völker des russischen Reichs» не помѣстилъ особаго описанія Ливовъ, а въ «Beschreibung des russischen Reichs» (1800, т. III, кн. 6, стр. 1513), упомянулъ о нихъ, прибавивъ забавную замѣтку, что нѣкоторые народы, въ томъ числѣ Ливы и Эсты, ѣдятъ мясо лисицъ.

(1805) Во 2-мъ томѣ изданныхъ І. Ф. фонъ Рекке «Wöchentliche Unterhaltungen für Liebhaber deutscher Lectüre in Russland» (Mitau, 1805, стр. 19 — 29) помѣщена относящаяся къ Ливамъ статья, которую я не имѣлъ случая видѣть, но о которой говоритъ авторъ слѣдующей за симъ брошюры.

(1807) Въ этомъ году В. фонъ Дитмаромъ написана: «Disquisitio de origine nominis Livoniae». Въ Лифляндіи мѣстность, въ древности заселенная Ливами, простиралась, по его словамъ, отъ Ашерадена не далѣе рѣки Салиса, а не до рѣки Пернавы, какъ полагаетъ Фрибе; въ Курляндіи же, которая прежде вся была населена Ливами, послѣдніе (какъ онъ говоритъ на основаніи вышеупомянутой статьи) въ его время жили по обоимъ концамъ прибрежной полосы еще нѣсколько дальше нынѣшняго, а именно на востокѣ до лубессернскаго округа, и были прихожанами эрваленской филіальной церкви Роенъ, а на западѣ до суренскаго округа, всего вообще въ 150 дворахъ. Что у него Ливы въ Лифляндіи занимаютъ большее пространство, чѣмъ по новѣйшимъ извѣстіямъ, это само собою разумѣется. Ему извѣстны Ливы какъ въ Альтъ-Салисѣ, такъ и въ Ней-Салисѣ, на рѣкѣ Светуппе отъ села Кукельсдорфа до моря, почти на милю, и на рѣкѣ Салисъ, на $^1/_2$ мили отъ моря. Судя по его описанію, у нихъ уже латышская одежда, дома просторнѣе и чище, мущины красивы и рослы, а женщины почти всѣ малы и дурны собой.

(1828) Довольно обширная статья доктора Г. фонъ Яннау объ основномъ и первобытномъ языкѣ Эстовъ, занимающая всю 9-ую тетрадь Розенплентерскихъ «Beiträge», не посвящена собственно Ливамъ, а отождествляетъ ихъ съ Эстами; относительно Ливовъ у него встрѣчаются свѣдѣнія прежнихъ писателей. Особенно важно его извѣстіе о томъ, что въ его время число салис-

скихъ Ливовъ было еще значительнѣе, что же касается до курскихъ Ливовъ, то число ихъ, простирающееся у него до 1600 душъ, гораздо меньше, чѣмъ оказывается по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ.

(1839) Инспекторъ семинаріи Юргенсонъ, родомъ Эстъ, посѣтилъ Ливовъ въ Салисѣ лѣтомъ 1839 года и говоритъ по этому случаю (въ Verhandlungen der gelehrten ehstnischen Gesellsch. Bd. I, Heft 1, стр. 22, прим.) слѣдующее: «съ мнѣніемъ пастора Яннау я имѣю причины не соглашаться, а напротивъ того, полагаю, что ливскій языкъ, подобному финскому, близко сходенъ съ эстскимъ. Лѣтомъ 1839 года, когда я былъ въ Нейсалисѣ, для изученія ливскаго языка, 90-ти лѣтній старикъ-Ливъ сообщилъ мнѣ, что въ молодость его во всемъ округѣ, какъ нейсалисскомъ, такъ и альтъ-салисскомъ; говорили только по-ливски, теперь же не болѣе 17 человѣкъ вполнѣ понимаютъ этотъ языкъ». — Ближайшихъ свѣдѣній о результатахъ своихъ лингвистическихъ изслѣдованій Юргенсонъ не издалъ; я нашелъ только нѣсколько незначительныхъ, писанныхъ карандашемъ, замѣтокъ, которыя находились въ числѣ ливскихъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ Эстскимъ ученымъ обществомъ.

(1846) Въ изданной Фр. Крузе «Urgeschichte des ehstnischen Volksstammes» заключаются мѣстами (стр. 39, 40, 94 — 96) и нѣкоторыя извѣстія о Ливахъ, которыхъ авторъ также посѣтилъ въ 1839 году, во время своей археологической поѣздки; но всѣ достовѣрныя свѣдѣнія, которыя онъ объ нихъ сообщаетъ, не новы; новыя же его извѣстія недостовѣрны, какъ напр. извѣстіе о томъ, что въ 1839 году въ Салисѣ было не болѣе 5 престарѣлыхъ Ливовъ.

Несравненно важнѣе изданная Кёппеномъ въ томъ-же году (въ Bullet. hist.-philol. т. III, № 17) статья пастора Гильнера изъ Ангермюнде, къ филіальной церкви котораго въ Пизенѣ принадлежитъ часть Ливовъ, а именно западные (попенскіе). Статья эта посвящена не исторіи, а описанію нынѣшнихъ Ливовъ, и принята въ соображеніе въ слѣдующей главѣ.

(1847) Въ томъ-же 1846 году въ первый разъ были приняты мѣры къ основательному изслѣдованію ливскаго языка: съ этою цѣлью акад. Шёгренъ на счетъ Императорскаго Географическаго Общества предпринялъ путешествіе къ Ливамъ и довольно долго занимался изученіемъ каждаго изъ трехъ ливскихъ нарѣчій; для снятія рисунковъ съ одеждъ и физіономій, его сопровождалъ живописецъ Пенольдъ. На слѣдующій годъ Шёгренъ напечаталъ отчетъ объ этой поѣздкѣ, въ которомъ онъ впрочемъ нѣсколько подробнѣе говоритъ лишь объ этнографическихъ особенностяхъ Ливовъ; по части лингвистики онъ сообщаетъ только нѣсколько краткихъ замѣтокъ, такъ какъ богатый матеріалъ, собранный имъ по этому предмету, онъ хотѣлъ обработать въ особомъ сочиненіи.

Статья его-же «Zur Ethnographie Livlands», напечатанная въ 7-мъ томѣ Bullet. hist.-philol., имѣетъ значеніе для насъ только въ томъ отношеніи, что содержитъ свѣдѣнія для опредѣленія степени распространенія Ливовъ въ Лифляндіи. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что принимаемые нѣкоторыми за Ливовъ, не-Латыши, живущіе въ Ильзенѣ и Кальнемуйшѣ (филіальнаго маріенбургскаго прихода Сельтинггофа) и въ Аагофѣ (шванебургскаго филіальнаго прихода Аагофа), суть не Ливы, а дерптскіе Эсты, какъ уже справедливо замѣтилъ Гупель.

(1852) Для пополненія своего лингвистическаго матеріала, собраннаго въ 1846 году, Шёгренъ лѣтомъ 1852 года совершилъ новую поѣздку къ Ливамъ и отчетъ, представленный о ней Академіи 8 октября, напечаталъ въ бюллетенѣ историко-филологическаго отдѣленія того-же года. Свое почти трехмѣсячное пребываніе у Ливовъ онъ употребилъ въ особенности на собраніе возможно-полнаго списка словъ и на точное разслѣдованіе числа Ливовъ, при помощи ихъ двухъ пасторовъ. Онъ нашелъ, что на восточное нарѣчіе приходилось 1600 душъ (789 мужск. и 811 женск.), а на западное 754 души (365 мужск. и 359 женск.); старики Ливы, которые въ первую его поѣздку жили порознь между Латышами, въ двухъ наиболѣе лежащихъ къ востоку де-

ревняхъ Гипкенѣ и Шоценѣ, успѣли между тѣмъ умереть, такъ что въ настоящее время деревня Мустануммъ (Мельсилле), вся населенная Ливами, составляетъ крайній предѣлъ ихъ распространенія. Кромѣ того, при второй своей поѣздкѣ, онъ убѣдился въ правильности прежняго своего предположенія о томъ, что въ старину въ Курляндіи Ливы жили гораздо дальше къ югу и къ западу.

Изданныя въ новѣйшее время историческія и географическія сочиненія о русскомъ прибалтійскомъ краѣ, хотя всѣ также болѣе или менѣе подробно говорятъ о Ливахъ, но въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ значенія, потому что повторяютъ только извѣстія другихъ и прежнихъ писателей, о которыхъ мы уже упоминали, но не сообщаютъ никакихъ данныхъ, основанныхъ на собственныхъ наблюденіяхъ.

Въ приведенныхъ мною извѣстіяхъ и свидѣтельствахъ о Ливахъ и Курахъ заключается все, что мнѣ удалось собрать въ доступныхъ мнѣ матеріалахъ; едва-ли, какъ мнѣ кажется, въ нихъ пропущено что-либо важное, основанное на самостоятельномъ изслѣдованіи и соображеніи авторовъ. Нельзя не пожалѣть, что въ этихъ свѣдѣніяхъ — причина объяснена уже выше — такъ рѣдко встрѣчаются извѣстія о степени распространенія и численности Ливовъ; какъ бы естественно само по себѣ ни было поглощеніе Ливовъ Латышами, все-таки этотъ быстрый по-видимому переходъ представляетъ какое-то странное и загадочное явленіе, потому что между сильнымъ и многочисленнымъ народомъ, о которомъ намъ говоритъ лѣтописецъ Генрихъ, и восемью, уже болѣе чѣмъ на половину олатышенными, Ливами 1858 года нѣтъ почти никакого средняго соединительнаго звена. Чѣмъ скуднѣе источники, сообщающіе намъ свѣдѣнія объ исчезновеніи Ливовъ, тѣмъ интереснѣе, можетъ быть, сводъ этихъ немногихъ извѣстій, которыя одни только могутъ пролить свѣтъ на это явленіе.

Что касается до лифляндскихъ Ливовъ, то мы въ первой главѣ, со словъ Генриха, показали, гдѣ ихъ застали Нѣмцы при своемъ появленіи въ XII столѣтіи. Подъ 1264 годомъ Рие-

мованная хроника упоминаетъ о Ливахъ въ Митавѣ, а въ грамотахъ говорится о Ливахъ, жившихъ въ 1289 году въ Доленѣ (Дальгольмѣ), въ 1322 году въ Зегевольдѣ, въ 1349 году въ Кирхгольмѣ, въ 1359 году опять въ Доленѣ, такъ что до того времени имъ можетъ быть, и не пришлось уступить много мѣста Латышамъ; въ 1413 году Гильберъ де Ланноа упоминаетъ о Ливахъ, Курахъ и Семигаллахъ по дорогѣ, ведущей изъ Либавы въ Ригу чрезъ Гробинъ, Гольдингенъ и Кандау, правда безъ ближайшаго означенія мѣстностей, гдѣ они жили. За тѣмъ о мѣстахъ обитанія ихъ говорится лишь почти двѣсти лѣтъ спустя, когда они уже значительно уменьшились: у Буреуса въ описаніи Швеціи сказано, что въ остзейскихъ провинціяхъ, кромѣ нѣмецкаго языка у помѣщиковъ и купцовъ, да шведскаго на островахъ, еще употребляются языки эстскій, въ сѣверной части по направленію къ Финскому заливу, и латышскій, на которомъ говорятъ и «Curetes», въ южной части, а между ними ливскій языкъ, который по большей части вышелъ изъ употребленія и сохранился только въ нѣсколькихъ деревняхъ». Съ этимъ свѣдѣніемъ согласно также извѣстіе Брандиса, который въ 1600 г. говоритъ уже о «Ливахъ на морскомъ берегу». Слѣдовательно, если въ 1680 г. въ Зегевольдѣ упоминается о ливской и латышской ваккѣ (части общины), то это не что иное, какъ сохранившееся воспоминаніе о жившихъ тутъ нѣкогда Ливахъ, въ родѣ Либокальпса или ливскаго колокола и ливскаго погоста въ Венденѣ; но для этого нѣтъ надобности предполагать, что въ то время въ Зегевольдѣ еще говорили по-ливски, также какъ и теперь въ Венденѣ не говорятъ по-ливски. Между 1670 и 1675 годами Гіерну извѣстны были только Ливы на салисскомъ берегу до Лемзаля, Перніеля, Наббена, Вайнзеля. По свѣдѣніямъ, собраннымъ сто лѣтъ спустя Шлёцеромъ, еще весь Ней-Салисъ былъ населенъ Ливами, которые, кромѣ того, жили и въ Альтъ-Салисѣ, на рѣкѣ Салисъ, начиная отъ устья на $\frac{1}{2}$ мили внутрь края; нѣсколько позднѣе (1778 г.) Бёргеръ зналъ еще Ливовъ и въ Салисбургѣ. Съ замѣткою, сообщенною Шлёцеромъ въ «Beilagen zum neuverän-

derten Russland», согласуется и извѣстіе Дитмара (1807 г.), который говоритъ о Ливахъ въ Ней-Салисѣ и Альтъ-Салисѣ. За тѣмъ ливскій языкъ исчезаетъ съ страшной быстротой. Въ 1828 году, по словамъ Яннау, всѣхъ Ливовъ было до 460 человѣкъ, въ 1839 году Юргенсону сказали, что только 17 человѣкъ вполнѣ знаютъ ливскій языкъ, въ 1846 году Крузе засталъ лишь 5 престарѣлыхъ Ливовъ (это безъ сомнѣнія ошибка, какъ уже выше сказано было, потому что Шёгренъ еще въ томъ-же году насчиталъ 22 человѣка); показаніе Юргенсона не противорѣчитъ прямо извѣстію Шёгрена, ибо первый говоритъ о тѣхъ Ливахъ, которые еще вполнѣ знали свой языкъ, а послѣдній включилъ въ свой счетъ и тѣхъ, которые уже неудовлетворительно знали по-ливски. Наконецъ въ 1858 году изъ нихъ осталось только 8 человѣкъ.

Еще скуднѣе извѣстія о степени распространенія курскихъ Ливовъ въ различныя времена. Въ I-ой главѣ опредѣлены мѣста ихъ пребыванія по мѣстностямъ, которыя имъ принадлежали по словамъ старинныхъ лѣтописцевъ. Кромѣ того въ древнѣйшее время и въ граматахъ упоминаются селенія и округи Куровъ, какъ напр. въ граматахъ 1229 и 1230 годовъ; за тѣмъ въ 1264 году говорится о Курахъ при Дурбенскомъ озерѣ, въ 1291 о донданген скихъ Курахъ, по обѣ стороны Ирувы (Ирбе), въ 1409 (?) году о Курахъ у коммандоровъ мемельскаго и виндавскаго. Гильберъ де Ланноа на пути своемъ изъ Либавы въ Ригу называетъ не только Ливовъ и Семигалловъ, но и Куровъ; сверхъ того онъ говоритъ, что въ то время р. Либава составляла границу между Курляндіею и Литвою («Sammete»), чѣмъ, правда, еще не сказано ничего положительнаго на счетъ языка тѣхъ, которые жили къ сѣверу отъ этой границы. Хотя онъ и дѣлаетъ различіе между Семигаллами, Курами и Ливами, но все-же имя «Correlant» можетъ быть употреблено въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ вслѣдъ за тѣмъ употреблено названіе «Liuflant». Въ этомъ-же смыслѣ вѣроятно и Буреусъ (1631) и Скоттъ (1639) говорятъ о «Куретахъ», которымъ они приписываютъ латышскій языкъ.

Въ 1600 году, по Брандису, ливскій языкъ простирался вдоль прибрежья до прусской границы; слѣдовательно всѣ внутреннія части страны или уже были совершенно олатышены, или заняты дѣйствительными семигальскими и литовскими переселенцами *). Но и по берегу ливскій языкъ вскорѣ уступилъ мѣсто латышскому тамъ, гдѣ онъ не былъ огражденъ изолированнымъ положеніемъ мѣстности, какъ теперь. Уже 50 лѣтъ спустя у Эйнгорна (1649) говорится только о Ливахъ (по его мнѣнію Эстахъ) «на ангернскомъ берегу», какъ до новѣйшаго времени. Во времена Шлёцера (1767 г.), по словамъ ирбенскаго пастора, къ приходу котораго принадлежала бо́льшая часть Ливовъ, они простирались отъ впаденія р. Рое въ Рижскій заливъ до высококняжеской Виндавской границы. Въ этомъ отношеніи доселѣ послѣдовало мало измѣненій. Замѣчательно, что въ 1807 году у Дитмара говорится о Ливахъ, живущихъ въ Лубессернѣ и Суренѣ, слѣдовательно приписанныхъ не къ двумъ, а къ четыремъ приходамъ, о чемъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ ничего не говорится; можетъ быть, потомки Ливовъ приняты за говорящихъ дѣйствительно по-ливски. Въ первую поѣздку Шёгрена (1846), между Латышами въ Шоценѣ и Гипкенѣ было еще нѣсколько стариковъ-Ливовъ и, судя по извѣстной надписи на камнѣ**), изданной пасторомъ Петерсономъ, Шоценъ въ 1701 году считался край-

*) По словамъ Бергера (loc. laud) между Либавой, Руцау и Шрунденомъ живутъ Литовцы, говорящіе по-латышски.

**) Камень этотъ теперь находится въ фундаментѣ какой-то пристройки ирбенскаго пастората. По двумъ старинным копіямъ, которыми пользовался Шёгренъ (см. его отчетъ 1847 года, стр. 106), надпись гласитъ слѣдующее: DOMS — — — ANO 1701 SAXO 2 SVECVS 6 MOSCVS 7 SVECVS 10 MOSCVS CVM HOC PESTIS ET FAMES INGENS CVRLAND VEXARWT MAIVS (или MNVS) REDVXIT PRINC. FRD. WILHELM. OSI CASIM BENIGNA (или BENGNT) OPA (или ORA) DONDAIAWZM AD ZOZMA 1600 HOMB$_9$ HABIPITA (или HABITATA) VIX 10 MWIRET. При помощи разныхъ догадокъ это можетъ быть значитъ: Dominus (servet nos!) Anno 1701 Saxo, (170)2 Svecus, (170)6 Moscus, (170)7 Svecus, (17)10 Moscus, cum hoc pestis et fames Curlandiam vexarunt. Majus reduxit Principem Fridericum Wilhelmum Casimiro regnante (или Casimiri benigna opera) Ora Dond(angensi) a Jaunzeem ad Zozma 1600 hominibus habitata vix 10 maneret.

нимъ предѣломъ Ливовъ. Но въ 1852 году, пріѣхавъ вторично въ Курляндію, Шёгренъ узналъ, что упомянутые старики уже померли, такъ что въ настоящее время крайній предѣлъ Ливовъ на востокѣ и западѣ составляютъ деревни Mustā nurm (Мельсилле) и Lūš kula. Доказательствомъ того, что въ началѣ прошлаго столѣтія, по крайней мѣрѣ Гипкенъ, нѣсколько къ сѣверу отъ Шоцена, былъ весь населенъ Ливами, служитъ, по мнѣнію Шёгрена, сверхъ означенной надписи и то обстоятельство, что донданденгскій пасторъ Банкау въ стихотвореніи, написанномъ въ 1721 году, осмѣивая Гипкенцевъ, заставляетъ ихъ говорить на безтолковѣйшемъ ливскомъ языкѣ.

III. Бытъ Ливовъ.

Относительно быта древнихъ Ливовъ, ихъ управленія, занятій, обычаевъ, одежды, вооруженія и т. д. у древнихъ лѣтописцевъ встрѣчаются, конечно, только случайныя замѣтки, изъ которыхъ никакъ невозможно составить полную картину жизни этого народа. Трудъ этотъ нѣсколько облегчится, если мы позволимъ себѣ подобныя-же случайныя замѣтки о сосѣднихъ народахъ относить прямо и къ Ливамъ. Такъ напр. Яннау (Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten, въ Розенплентерскихъ «Beiträge», ч. XIX) отождествилъ Ливовъ и Эстовъ, и такимъ образомъ, дѣйствительно, съумѣлъ собрать больше матеріаловъ для изображенія жизни Ливовъ. Рутенбергъ (Gesch. der Ostseeprovinzen, 1859) описываетъ также жизнь и нравы Куровъ, принимая ихъ за смѣсь древнихъ Эстіевъ съ Литовцами, на основаніи извѣстій Дюсбурга, Гарткноха, Луки Давида и Фогта (стр. 37 и слѣд.). Хотя по всей вѣроятности многое, что съ другихъ народовъ перенесено на Ливовъ, дѣйствительно встрѣчалось и у послѣднихъ, но тѣмъ не менѣе я здѣсь, какъ и въ предыдущей главѣ, ограничусь только сообщеніемъ того, что въ доступныхъ намъ источникахъ прямо относится къ самимъ Ливамъ или Курамъ. Кто желаетъ имѣть болѣе подробную картину, хотя и составленную

отчасти на основаніи догадокъ, тотъ можетъ обратиться къ одному изъ вышеупомянутыхъ сочиненій.

Ливы не составляли одного цѣлаго государства, подъ управленіемъ одной общей главы, а были подвластны нѣсколькимъ старшинамъ, которыхъ Генрихъ называетъ «Seniores». Что подъ этимъ должно разумѣть не наслѣдственное достоинство, а, по патріархальному порядку, старшее лицо, видно, кажется, изъ того, что встрѣчается также выраженіе «princeps ac senior», какъ напр. названъ Ливъ Ако изъ Гольма (стр. 38), и что у Генриха, хотя и не о самихъ Ливахъ, вмѣсто «senior» говорится также «major natu» (стр. 29). Этимъ конечно мы не хотимъ сказать, что senior всегда былъ по лѣтамъ старшій въ своемъ округѣ; мы не отвергаемъ также, что при выборѣ старшинъ принимали въ соображеніе не одни только лѣта, но и другія качества, что должность старшины иногда переходила отъ отца къ сыну; лѣтописецъ не говоритъ только прямо объ этомъ. Кромѣ окружныхъ старшинъ существовала, должно быть, еще особая, вѣроятно имущественная, аристократія, которую лѣтописецъ называетъ «primores, meliores» (стр. 8, 18, 43), а у Эзельцевъ и «nobiles» въ томъ-же смыслѣ, какъ «meliores» (стр. 181). Изъ семействъ этой аристократіи обыкновенно брались заложники (стр. 43); что подъ этимъ не разумѣлись сами старшины, это доказываетъ большое количество такихъ семействъ, иногда упоминаемыхъ, правда, только у сосѣднихъ народовъ. Такъ напр. сыновья ливскаго старшины Талибальда умерщвляютъ болѣе ста унганскихъ «primores», чтобы отомстить за смерть отца (стр. 101); при вторженіи Эзельцевъ, въ войскѣ ихъ находятся до тысячи «meliores» (стр. 121). Не основываясь на «хартіи», значеніе старшинъ (Seniores) вѣроятно было различно. Нѣкоторые изъ нихъ названы «Rex», но безъ подчиненія имъ другихъ старшинъ, какъ напр. Каупо (qui quasi rex et senior Livoniæ fuerat, стр. 25), или Ламмехинусъ въ Курляндіи (Doc. XLVI, *a*, *). Число

*) Ніенштедтъ (гл III) говоритъ, что въ его время (въ началѣ XVII столѣтія) въ пяти миляхъ по ту сторону Газенпота существовалъ курскій

старшинъ рѣшительно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно больше числа вышеупомянутыхъ (въ 1-ой главѣ) главныхъ частей края, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ Нѣмцамъ; по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о нѣсколькихъ старшинахъ (стр. 18, 39 и 40). Округъ, подвластный старшинѣ, повидимому составлялъ то, что Генрихъ называетъ «provincia», напр. provincia Lenewardensis (стр. 93), хотя у него прямо это высказано только про Эстовъ (quinque Seniores de quinque provinciis Wironiae, стр. 134). Выраженіе «provincia» онъ отождествляетъ съ мѣстнымъ «kylegunda» (provinciam, id est kylegundam, стр. 169), употребляетъ же только, говоря объ Эстахъ, но не о Ливахъ; у Куровъ впрочемъ оно также встрѣчается (Doc. XLVI, *a*). Подвластность Ливовъ такому множеству старшинъ, конечно, должно было отчасти парализовать ихъ силу и облегчить подчиненіе ихъ иноземному игу. Уже при первомъ появленіи своемъ, Нѣмцы нашли, что двинскіе Ливы платили дань Полоцкому князю; Мейнгарду пришлось просить у него позволенія построить церковь въ деревнѣ Икесколѣ и заняться въ окрестностяхъ распространеніемъ христіанства (стр. 3). При утвержденіи нѣмецкаго господства, Ливы неоднократно принимаютъ сторону иноземцевъ противъ своихъ собственныхъ родичей (срав. напр. стр. 88 и слѣд., 66 и слѣд.). Впрочемъ лѣтописецъ

король, а другой такой король въ кирхгольмскомъ округѣ искони имѣлъ отъ императора и папы 7 гаковъ земли, на которые у него была грамота. «До сего времени», говоритъ онъ, «въ краѣ было еще больше свободныхъ крестьянъ, которые, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ древнихъ родовъ». Подобнымъ-же образомъ Діонисій Фабрицій (Script. rer. liv. II, стр. 442) говоритъ, что было два ливскихъ короля; одинъ изъ нихъ, между Кирхгольмомъ и Икскюлемъ, властвовалъ надъ «Libia» и «Lothavia», гдѣ еще и теперь находятся его потомки, а другой былъ въ Курляндіи, близъ Гробина, гдѣ и теперь еще деревня населена его потомками, которые не платятъ герцогу никакой дани, а обязаны только содержать нѣсколько лошадей для военныхъ походовъ. — Такимъ-же образомъ, по словамъ Кельха, Лаврентій Мюллеръ, герцогскій курляндскій совѣтникъ, въ своихъ «Ehst- und Livländische Geschichten» говоритъ, что въ его время (около 1580 года) въ Курляндіи было нѣсколько родовъ, происходившихъ отъ древнихъ курскихъ королей.

довольно часто говоритъ также объ общихъ предпріятіяхъ и уговорахъ, къ которымъ сходились Ливы изъ разныхъ мѣстностей, въ первый разъ (стр. 14), когда «collecta Livonum universitas» рѣшается убить въ своей землѣ всѣхъ священниковъ, которые еще окажутся тамъ послѣ Святой (срав. также стр. 66, 86). — Въ чемъ вообще состояла обязанность старшинъ, намъ неизвѣстно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда о нихъ говоритъ лѣтописецъ, они являются предводителями въ военныхъ предпріятіяхъ, или только вообще самыми вліятельными лицами, дѣти которыхъ служили также заложниками. Какое мѣсто они занимали въ мирное время, исполняли ли они также судебную обязанность и получали ли они подати съ покоренныхъ, объ этомъ ничего не говорится.

Что они имѣли также гражданскую власть, или по крайней мѣрѣ вліяніе, продолжавшееся и послѣ военныхъ предпріятій, можно заключить изъ того, что и во время нѣмецкаго владычества (когда едва-ли, по крайней мѣрѣ по принципу, могли совершаться военные походы по ихъ собственной волѣ) все-таки еще встрѣчаются старшины, которые являются заступниками своего народа и въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не о битвахъ. Такъ напр. «Seniores Livoniae et Thoreidae» собираются у смертнаго одра Мейнгарда (стр. 10), или старшины изъ Саттеселе, Метсеполе и др. приходятъ въ Ригу съ изъявленіемъ раскаянія въ томъ, что они отпали, и съ просьбою, чтобы епископъ въ наказаніе требовалъ отъ нихъ только прежнюю десятину (стр. 90). Епископъ, сообща съ ливскими и латышскими старшинами, сходится съ русскими князьями Полоцкимъ и Герсикскимъ и заключаетъ съ ними условіе объ уступкѣ ими правъ на Лифляндію и торговый договоръ (стр. 85).

Такъ какъ разсказанныя лѣтописцемъ событія по большей части воинственнаго характера, то не удивительно, что о мирной дѣятельности старшинъ сравнительно говорится очень мало. — Послѣ покоренія своего Ливы, конечно, сражаются подъ начальствомъ своихъ нѣмецкихъ владыкъ, въ предпріятіяхъ которыхъ

они чрезвычайно часто составляютъ вспомогательное войско (срав. главу II-ю). При этомъ они сохраняютъ своихъ туземныхъ предводителей, потому что иногда дѣйствуютъ какъ отдѣльный корпусъ (срав. стр. 117, 126, 133). Кромѣ военной службы, которая требовалась также съ угрозою денежной пени (стр. 71; трехъ марокъ, стр. 50) *), крещенія и неразлучной съ нимъ, ибо установленной-де самимъ Богомъ (стр. 170), подати, Нѣмцы сначала по-видимому не имѣли къ Ливамъ другихъ притязаній и не вмѣшивались во внутреннія ихъ дѣла, потому что первый Advocatus для суда и расправы, былъ установленъ лишь по просьбѣ самихъ Ливовъ (стр. 44). Дань заключалась сначала въ извѣстномъ количествѣ хлѣба съ каждой сохи (стр. 13); потомъ она вообще состояла во взносѣ десятины, которая впрочемъ отчасти, а именно въ епископскомъ участкѣ, по просьбѣ Ливовъ, замѣнена была извѣстною податью, что̀ они считали для себя большимъ облегченіемъ. Епископъ назначилъ съ каждаго коня (equo, или гакена, unco?) ежегодно взносъ мѣры хлѣба въ 18 дюймовъ (mensuram quandam modii, qui esset decem et octo digitorum, лофъ?), но съ угрозою, что, въ случаѣ возвращенія къ язычеству, они должны будутъ опять платить десятину (стр. 79). Когда, послѣ возстанія, метсепольскіе Ливы снова подчинились Нѣмцамъ, то они испросили себѣ въ видѣ милости, чтобы въ паказаніе за ихъ отпаденіе имъ опять дозволено было платить десятину (стр. 90). При покоренiи Куровъ въ 1230 году имъ назначена была дань въ половину корабельнаго фунта (navale talentum) ржи съ каждаго гакена (плуга) и по стольку-же съ каждой бороны; тотъ, кто работалъ только на *одномъ* конѣ, долженъ былъ платить половину этого количества (Doc. XLVII). По половинѣ корабельнаго фунта (talentum) ржи обѣщали Даніилу и леневарденскіе Ливы, когда они снова покорились послѣ возмущенія въ 1206 году; впослѣд-

*) Нѣсколько позднѣе, въ 1253 году (ср. Bunge, U. B. № 250) установлено въ грамотѣ, что Куры, не слѣдующіе призыву къ военному походу, должны подлежать взысканію или *пени* (ср. также буллу папы Александра IV, отъ 21 февраля 1260 года (Bunge, U. B. № 350).

ствіи эта дань была увеличена (стр. 43). Кромѣ государственныхъ податей говорится еще о податяхъ на содержаніе священниковъ и церквей. Епископъ Генрихъ Курляндскій опредѣлилъ, чтобы прихожане всякаго погоста съ гакена ежегодно платили священнику по 1 кюлмиту ржи, 1 кюлмиту ячменя и 1 кюлмиту овса (срав. грамоту 1252 года у Бунге, U. B. № 240). Въ числѣ доходовъ рижскаго домкапитула, получаемыхъ съ его курскихъ владѣній, упоминаются въ 1387 году (ср. Bunge, U. B. №1248) еще «Victengeld», по-латышски «yscaxten» (т. е. iskalpts, коса), подать съ сѣна, по числу косъ, и съ хлѣба, по числу сохъ и боронъ. Въ тяжелые годы встрѣчаются также чрезвычайные налоги. Такъ напр. въ 1411 году (ср. Bunge, U. B. № 1875) говорится о чрезвычайной подати, которую долженъ былъ наложить орденскій магистръ, чтобы выручить гохмейстера изъ великой денежной бѣды. Отправлялась ли военная служба также по извѣстному правилу, мы не знаемъ; раза два, можетъ быть только случайно, сказано, что отрядъ мѣстнаго войска равнялся силою нѣмецкому отряду.

Къ вышеприведеннымъ ограниченіямъ политической свободы Ливовъ вскорѣ присоединились еще два другихъ: во-первыхъ Ливы были подчинены судопроизводству господствовавшаго народа, и во-вторыхъ они должны были отбывать ему барщину. Судъ производили Advocati; впрочемъ выраженіе «judicans judicia et causas eorum» (стр. 93), которое лѣтописецъ употребляетъ о ихъ дѣятельности, едва-ли исключаетъ собственное участіе Ливовъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя это и не высказано положительно, но врядъ-ли у Ливовъ былъ другой порядокъ, чѣмъ у Эстовъ *); Advocatus не былъ «гакенрихтеромъ», а вѣроятно только обязанъ былъ вести судебную процедуру и исполнять приговоры; судебными же слѣдователями въ дѣлахъ Ливовъ безъ сомнѣнія были

*) Срав. грамоту 1241 года (Bunge, U B № 159), по которой Эзельцы одинъ разъ въ годъ хотѣли принимать у себя фогта, *который станетъ судить по совѣту мѣстныхъ старшинъ.*

сами Ливы. Первымъ адвокатомъ, по просьбѣ самихъ Ливовъ, назначенъ былъ въ 1206 г. священникъ Алобрандъ (ср. гл. II, стр. 44), который исполнялъ свою обязанность къ общему ихъ удовольствію и пользовался большимъ вліяніемъ на нихъ даже внѣ своего судебнаго участка (срав. стр. 90), равно какъ и Германъ въ 1208 году (стр. 59). Положеніе народа въ этомъ отношеніи ухудшилось, когда должность перешла въ руки мирянъ, которые употребляли во зло свою власть, допуская пристрастіе и подкупъ, какъ напр. Готфридъ въ 1207 году у торейдскихъ Ливовъ и въ особенности русскій князь Владиміръ у Идумейцевъ и антинскихъ Ливовъ; о немъ лѣтописецъ говоритъ: «multa metebat, quae non seminaverat» (стр. 93). — Нѣсколько позднѣе, но уже около половины XIII столѣтія, упоминается о барщинѣ. Такъ въ договорѣ магистра Отто фонъ Луттерберга съ Курами, 1267 года, сказано, что каждый Куръ обязанъ работать на орденскую братью по четыре дня, по два лѣтомъ и по два зимою (срав. главу II-ую, подъ 1267 годомъ). — Настоящею главою всего края была, правда, Дѣва Марія (стр. 22), и потому земля названа «terra matris» (стр. 106), въ противуположность «terra filii» (Палестинѣ); подъ знаменемъ ея и сражалось войско христіанъ (стр. 51, 56). Но на дѣлѣ краемъ распоряжались епископъ и орденъ (раздѣлившіе между собою покоренныя земли, въ первый разъ уже въ 1206 г., стр. 48), впослѣдствіи же еще и городъ Рига. Сравнительно съ другими, положеніе епископскихъ Ливовъ было нѣсколько лучше: они платили, по крайней мѣрѣ сначала, меньше податей (стр. 90) и съ ними обращались снисходительнѣе. По рѣшенію папскаго легата Вильгельма Моденскаго, 1226 года, Ливы, жившіе на церковныхъ земляхъ, были также освобождены отъ барщины и военной службы.

Подчиняясь иноземному господству, Ливы сохранили однакоже свою личную свободу и право собственности на оставшіяся за ними земли. Право собственности либо прямо признается за ними (стр. 34), либо при покореніи прямо выговаривается ими; такъ напр. въ грамотѣ, которою Куры въ 1230 году изъявляютъ по-

корность, сказано: «perpetuam eis indulsimus libertatem» (Doc. XLVI, *a*) и «salvis sibi possessionibus et proprietatibus agrorum ceterarumque rerum (Doc. XLVII). Въ вышеупомянутой грамотѣ папскаго легата 1226 года, говорится о поляхъ, которые Ливы продали Селамъ. О лишеніи Ливовъ личной свободы *) не можетъ быть и рѣчи, потому что Ливы даже еще составляютъ нѣкоторымъ образомъ земское сословіе съ нѣкоторыми признанными политическими правами. Въ 1208 году ливскіе и латышскіе старшины вмѣстѣ съ адвокатомъ Германомъ заключаютъ миръ съ Эстами (стр. 59); въ 1212 году старшины участвуютъ въ заключеніи торговаго договора съ русскимъ княземъ (стр. 85); въ 1220 году епископъ готовъ уступить датскому королю Лифляндію и Эстляндію, съ тѣмъ однакоже непремѣннымъ условіемъ, если на это согласятся также Ливы и Латыши (стр. 148); но послѣдніе рѣшительно и съ успѣхомъ противятся этому (стр. 152 и подъ 1221 годомъ въ изд. Script. rer. livon.). Обращеннымъ въ христіанство папа Иннокентій III предоставляетъ

*) Для подтвержденія сказаннаго ср слѣдующія грамоты (Bunge, Urkundenbuch), которыми положительно обеспечены свобода и право собственности Ливовъ. Въ 1225 году (№ 71) папа Гонорій III пишетъ новообращеннымъ въ Лифляндіи, что они останутся свободными и никому не будутъ подвластны; въ 1227 году (№ 97) Григорій IX даруетъ имъ личную свободу; въ 1232 году (№ 112) императоръ Фридрихъ II предоставляетъ имъ тоже самое вмѣстѣ со всѣми правами, которыми они пользовались до обращенія въ христіанство, освобождаетъ ихъ отъ службы и подсудности всѣмъ королямъ, князьямъ, графамъ и т. д., въ 1234 году (№ 135 и 136) епископъ Бальдуинъ награждаетъ Рижанъ землями въ Курляндіи, съ тѣмъ чтобы свобода новокрещенныхъ не была нарушена; въ 1211 году (№ 21) на построеніе собора въ Ригѣ предположено у Ливовъ, живущихъ за городомъ, купить участокъ земли; въ 1223 году (№ 56) епископъ Альбертъ даетъ своему конвенту, для постройки монастыря, участокъ земли, прибавивъ къ нему лѣсъ между Двиною и Балтійскимъ моремъ, но «salvis agris, qui ibidem a Livonibus juste ac proprie possidentur»; въ грамотѣ епископа Генриха, 1253 года (№ 248 и 249), утвержденной Иннокентіемъ IV-мъ въ 1254 году (№ 276), относительно новаго раздѣла края съ орденомъ, сказано, что ни одинъ изъ Куровъ не долженъ быть лишенъ своего наслѣдства; въ грамотѣ 1282 года (№ 477) говорится, что Куръ, владѣющій бортями, вправѣ свободно преслѣдовать своихъ пчелъ; въ 1322 году (№ 683) выдана росписка въ томъ, что рижская церковь уплатила 80 марокъ, которыя она должна была зегевольдскимъ Ливамъ за купленныя у нихъ борти. Къ

даже нѣсколько личныхъ привилегій въ сравненіи съ другими христіанами (Doc. XIX, *h*).

Какимъ образомъ Ливы постепенно лишены были права собственности на унаслѣдованную отъ предковъ землю, права свободнаго перехода изъ одного мѣста въ другое, и даже личной свободы, какимъ образомъ они, свободно владѣвши землей, наконецъ остались безъ всякой поземельной собственности и за тѣмъ сдѣлались крѣпостнымъ достояніемъ частныхъ лицъ, — разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Отчасти же, какъ уже неоднократно было сказано, въ это время Ливовъ не отличаютъ отъ другихъ покоренныхъ туземцевъ на столько, чтобы у нихъ можно было сполна прослѣдить ходъ этихъ переворотовъ. По этому мы ограничимся указаніемъ на подробную, обставленную письменными свидѣтельствами, статью г. Бунге въ его «Geschichtliche Entwickelung der Standesverhältnisse in Liv-, Ehst- und Curland bis zum Jahre 1561». — Только немногіе Ливы сохранили свое привиллегированно-свобод-

---

столь-же давнему времени, какъ всѣ эти привилегіи, относятся впрочемъ и покушенія на нихъ, на которыя мы встрѣчаемъ намеки въ другихъ грамотахъ. Свобода оказывается ограниченною уже въ 1236 году (№ 144), когда Григорій IX поручилъ легату своему озаботиться тѣмъ, чтобы неофиты пользовались *соотвѣтственною* свободою. Въ 1238 году (№ 158), когда легатъ донесъ Григорію IX о томъ, что орденъ и другіе притѣсняютъ новообращенныхъ, то папа приказалъ ему принять мѣры, чтобы ихъ не обращали въ рабство и не лишали права собственности на имущества, и чтобы неофиты, принадлежащіе къ рабству или подчиненные власти другихъ, получили облегченіе со стороны своихъ духовныхъ и мірскихъ господъ и свободу ходить къ исповѣди и къ богослуженію; въ 1288 году (№ 524) рижскій епископъ Іоаннъ даритъ капитулу своему замокъ Доленъ, предоставляя себѣ всѣ права на «своихъ людей», не принадлежащихъ къ упомянутому участку земли. Въ 1294 году (№ 550) онъ даритъ капитулу даже тѣхъ людей, которые у него еще были въ Доленѣ, вмѣстѣ съ ихъ землями; въ 1305 году (№ 616) являются и люди принадлежностію имѣній, а въ грамотѣ 1211 года (№ 18) говорится о слугахъ епископа и ордена въ Гольмѣ: «si *homines ipsorum* (рыцарей) agros sub sorte habuerint episcopi, et de ipsis agris sicut *homines ipsius episcopi* servient, et econtra — конечно до появленія вышеупомянутаго изданнаго императоромъ Фридрихомъ II закона, сдѣлавшаго новообращенныхъ собственно свободными гражданами имперіи.

ное состояніе, пріобрѣтенное по особому случаю; къ числу ихъ относятся въ особенности такъ называемые, впослѣдствіи правда олатышившіеся, «курскіе короли» въ семи деревняхъ гольдингенскаго уѣзда, семейства Мушнекъ и Бугуль, близь Туккума, и др. *). Частая смѣна правительства не измѣняла политическаго быта Ливовъ, пока наконецъ императоръ Александръ I немногимъ уцѣлѣвшимъ Ливамъ снова даровалъ личную свободу, но безъ поземельной собственности и съ ограниченнымъ правомъ перехода.

Характеръ древнихъ Ливовъ описывается довольно мрачными красками, какъ жестокій и вѣроломный. Лѣтописецъ Генрихъ говоритъ: «Livones et Letthi, qui sunt *crudeliores* aliis gentibus» (стр. 96), а въ другомъ мѣстѣ, правда, также: «Letthones velociores et *crudeliores* aliis gentibus» (стр. 50). Онъ разсказываетъ про нихъ нѣкоторыя черты большаго варварства. Такъ напр. они съ страшными мученіями приносятъ въ жертву странниковъ изъ Икесколы (стр. 33); опустошаютъ землю своихъ собственныхъ родичей (стр. 45); возмутившіеся языческіе Ливы, къ которымъ приходятъ два Лива для переговоровъ о мирѣ съ Нѣмцами, веревками разрываютъ ихъ живыхъ на куски (стр. 36); Куры своимъ собственнымъ раненнымъ отрѣзываютъ головы (стр. 67). Не говоримъ уже о неоднократномъ отпаденіи отъ христіанства, о побѣгахъ во время войны, о грабежахъ и разбояхъ въ сосѣднихъ земляхъ. Но изъ этихъ упрековъ нѣкоторые получатъ другой видъ, если мы станемъ на точку зрѣнія Ливовъ и если мы примемъ въ соображеніе, что Нѣмцы сами позволяли себѣ подобное варварство и, обращаясь съ Ливами также не очень ласково и снисходительно, не могли разсчитывать на большую вѣрность, привязанность и преданность съ ихъ стороны. Пока Ливы еще не ознакомились со зломъ, которое имъ при-

*) Къ нимъ принадлежатъ, можетъ быть, и потомки ливскихъ королей, о которыхъ говоритъ Діонисій Фабрицій (см. выше) и которые, говорятъ, существовали въ его время (въ 1-ой половинѣ XVII столѣтія).

чиняли Нѣмцы, они были съ ними довольно ласковы, какъ съ купцами (стр. 3), такъ и со священникомъ Мейнгардомъ (стр. 9); Каупо представляетъ рѣдкій примѣръ благонадежности и вѣрности во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще же Ливы вѣроятно не отличались бо̀льшимъ варварствомъ, чѣмъ все тогдашнее время, и были не хуже своихъ сосѣдей, хотя, можетъ быть, и менѣе смирны, чѣмъ Латыши, но зато и менѣе свирѣпы и упрямы, чѣмъ Эсты.

Точныхъ свѣдѣній о языческихъ *вѣрованіяхъ* Ливовъ, до обращенія ихъ въ христіанство, занесенное къ нимъ чужеземцами, у насъ нѣтъ; древніе лѣтописцы мимоходомъ упоминаютъ только о нѣкоторыхъ чертахъ. Правда, что объ этомъ предметѣ, равно какъ и о другихъ обстоятельствахъ изъ жизни и быта Ливовъ, довольно подробно говорятъ позднѣйшіе писатели, какъ то: И. Менецій, А. Эвцедій, Д. Фабриціи и Гіэрнъ; но у нихъ мы можемъ заимствовать очень мало свѣдѣній, которыя бы прямо относились къ Ливамъ: большею частію (такъ какъ они не дѣлаютъ различія между народами) мы не знаемъ, относится ли сказанное дѣйствительно къ Ливамъ, или только къ Латышамъ и Семиггалламъ, либо къ Литовцамъ и Пруссамъ. Положительно о Ливахъ говоритъ булла 1199 года (Bunge, U. B. № 12), въ которой папа Иннокентій призываетъ Саксовъ и Вестьфальцевъ на помощь противъ языческихъ Ливовъ, «qui honorem Deo debitum animalibus brutis, arboribus frondosis, aquis limpidis, virentibus herbis et spiritibus immundis impendunt», но у того, кто не вѣритъ въ непогрѣшимость папы, все-таки рождается сомнѣніе, имѣлъ ли Иннокентій, при огромномъ разстояніи, правильныя свѣдѣнія и объ этой частности ливской догматики. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Ливы поклонялись не единому Богу, а богамъ, изъ которыхъ впрочемъ ни одинъ не названъ по имени. Поклонялись они имъ, кажется, какъ народы литовскаго племени, подъ деревьями *), что̀ не чуждо и финскимъ народамъ. Изъ вѣт-

*) Съ этимъ согласуется также грамота 1253 года (Bunge, U. B. № 248 и 249), которою епископъ Генрихъ предоставляетъ Курамъ вмѣстѣ съ другими правами собственности и право на «несвященные лѣса».

вей священныхъ деревьевъ, Ливы, можетъ быть, вырѣзали и свои идолы; по крайней мѣрѣ Ливъ разсказываетъ о видѣніи, въ которомъ ему одинъ изъ боговъ явился въ видѣ выросшей изъ дерева грудной фигуры, для того, чтобы предсказать ему будущее (стр. 44). Голову, которую Нѣмцы — можетъ быть для посмѣянія Ливовъ — вырѣзали на сучкѣ дерева, Ливы срубили и бросили въ Двину, вслѣдъ изгнаннымъ, потому что приняли ее за «божество Саксовъ» (стр. 14). У родственныхъ имъ Эстовъ идолы также находились въ прекрасномъ лѣсу въ Вирландѣ, и когда священники ихъ срубили, то язычники удивились, что изъ этихъ идоловъ не потекла кровь (стр. 149). Богамъ приносили въ жертву собакъ и козловъ (стр. 88), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и людей. Такъ напр. священника Теодориха, который отправился миссіонеромъ къ торейдскимъ Ливамъ, они хотѣли принести въ жертву въ видахъ лучшихъ урожаевъ (стр. 7), а икескольскіе Ливы дѣйствительно принесли въ жертву богамъ нѣсколькихъ плѣнныхъ пилигримовъ (стр. 33). Миръ, заключенный съ Нѣмцами въ 1201 году, Куры утвердили «sanguinis effusione», т. е. вѣроятно жертвоприношеніями (стр. 21). Союзъ, заключенный по случаю заговора противъ Нѣмцевъ, Ливы закрѣпляютъ тѣмъ, что наступаютъ на мечи (стр. 86). Чтобы узнать волю боговъ предъ важными предпріятіями, прибѣгали къ разнымъ предзнаменованіямъ. Такъ напр. предъ нападеніемъ на непріятеля, Куры прибѣгали къ «sortes» (стр. 67), при чемъ лѣтописецъ впрочемъ не говоритъ, въ чемъ состояли эти жребья. Можетъ быть, это былъ тотъ-же самый оракулъ, о которомъ говорится въ Рюмов. хроникѣ (v. 2485), т. е. что Куры охотно слѣдовали за рыцарями въ битву, потому что «*лучина* упала у нихъ хорошо», хотя и тутъ не сказано подробнѣе, въ чемъ именно состояло дѣло. Другимъ орудіемъ при оракулахъ служило копье, которое держали передъ конемъ для того, чтобы узнать, какою ногою онъ переступитъ черезъ него. Такъ напр. поступили тогда, когда Ливы хотѣли принести въ жертву священника Теодориха. Конь переступилъ тою

ногою, которая означаетъ жизнь *), и когда языческій жрецъ, полагая, что христіанскій богъ сидитъ на спинѣ его и направляетъ ногу его, велѣлъ обтереть спину, чтобы свалить христіанскаго бога, конь же все-таки выступилъ опять тою-же ногою, то Теодорихъ былъ спасенъ (стр. 7). Копье служило еще и при другомъ торжественномъ случаѣ, а именно при заключеніи перемирія или мира, при которомъ взаимно обмѣнивались копьями; въ такомъ случаѣ возвращеніе копьевъ противника означало прекращеніе перемирія (стр. 12). Подобную-же церемонію приписываютъ и Литовцамъ, которые, по случаю вторженія Латышей въ ихъ край, до перехода чрезъ Двину бросили въ нее копье, въ видѣ объявленія войны (стр. 92). — По позднѣйшимъ извѣстіямъ, напр. П. Эйнгорна, Ливы были очень преданы разнымъ суевѣрнымъ обычаямъ и волшебству, такъ что Латыши боялись ихъ и избѣгали встрѣчи съ ними. Тоже самое мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ финскіе народы у своихъ сосѣдей слыли большими кудесниками. Древніе лѣтописцы не говорятъ объ этомъ; Генрихъ упоминаетъ только о суевѣрномъ страхѣ Куровъ, которые, собираясь напасть на Ригу и слыша въ ней звонъ набатнаго колокола, полагали, что будутъ поглощены христіанскимъ Богомъ (стр. 67). — Покойниковъ своихъ Куры сожигали при громкихъ вопляхъ (стр. 68); поступали ли такимъ-же образомъ и сами Ливы, не извѣстно, потому что доказательствомъ еще не можетъ служить одинъ случай подобнаго рода, въ которомъ для перенесенія останковъ Каупо (умершаго отъ нанесенной ему въ битвѣ раны) въ могилу въ Куббеселе, отдѣленное отъ костей мясо было сожжено. Это такой случай, при которомъ вообще прибѣгали къ сожженію, хотя оно строго было запрещено у христіанъ. — Крещеніе лифляндскихъ Ливовъ, начатое Мейнгардомъ на Двинѣ и Теодорихомъ въ Торейдѣ, окончено было при третьемъ епископѣ Альбертѣ; уже подъ 1207 годомъ мы находимъ извѣстіе, что

*) Вѣроятно лѣвую ногу, которая, какъ съ неблагопріятной жертвоприносителямъ стороны, означала, что жертва не нравится богамъ; E. Pabst, Meinhart, Livlands Apostel, II, стр. 35.

Альбертъ послалъ священниковъ во всѣ четыре главныя части края и велѣлъ строить церкви и учредить погосты (стр. 47). Чтобы убѣдиться какъ поверхностно и ремесленно, по крайней мѣрѣ мѣстами, производилось крещеніе туземцевъ, стòитъ прочесть хотя извѣстіе о томъ (стр. 182), чтò происходило по взятіи Вальдіи на островѣ Эзелѣ, и потому не удивительно, что христіанство принималось у нихъ такъ туго и приносило такъ мало плодовъ. Правда, что уже въ 1230 году курскіе Ливы большею частію изъявили готовность принять крещеніе, но они вскорѣ опять отпали, такъ что 12 лѣтъ спустя магистру Дитриху фонъ Грюнингенъ снова пришлось силою обратить ихъ въ христіанство.

Объ *одеждѣ* Ливовъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ грамотѣ, которая, по мнѣнію Бунге (U. B. № 603), относится къ 1300 году и въ которой, въ числѣ другихъ вещей, похищенныхъ въ курской деревнѣ, упомянуты: «wepae (вѣроятно женскія шали; онѣ и теперь еще называются по-латышски weepe, поэстски waip), tunicae virorum, tunicae femineae, capucia, caligae», если предположить, что ограбленный принадлежалъ къ ливскому народу, потому что въ то время тамъ уже неоднократно селились Латыши изъ Семигалліи и Литовцы. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ нѣсколько замѣтокъ у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Такъ, по словамъ Гіэрна, у женщинъ былъ совершенно финскій нарядъ, а Діон. Фабрицій говоритъ, что Ливы носили мѣдныя короны. Больше извѣстій дошло до насъ о *вооруженіи* Ливовъ. Они носили мечи (стр. 167), копья и луки (стр. 107), дротики (стр. 136, Reimchr. v. 9018) и щиты (стр. 167). Куры и на грабительскихъ судахъ своихъ сражались копьями (стр. 65), а при нападеніи на Ригу, везли съ собою большіе, сколоченные изъ двухъ досокъ, щиты, которые устанавливались при помощи подпорки, такъ что за ними можно было укрываться отъ стрѣлъ горожанъ (стр. 67). Они сражались пѣшкомъ и верхомъ (Reimchr. v. 4783); въ смѣшанныхъ войскахъ Ливы неоднократно принадлежали къ конницѣ, а Латыши къ пѣхотѣ (стр. 70). Выраженіе «homines inermes», употребленное лѣтописцемъ о Ливахъ на стр. 26,

вѣроятно (судя по стр. 4) относится только къ недостатку крѣпостей. Первые укрѣпленные замки двинскимъ Ливамъ построилъ лишь Мейнгардъ; у другихъ Ливовъ, равно какъ у Куровъ, встрѣчаются нѣсколько укрѣпленій (см. выше, главу I), которыя, должно быть, были довольно объемисты, потому что при вторженіи непріятелей окрестные жители не только уходили въ нихъ сами, оставляя свои деревни на произволъ судьбы (стр. 76, 100), но и укрывали въ нихъ свой скотъ (стр. 73). Безпрерывныя войны Ливовъ заключались, большею частію, въ грабительскихъ набѣгахъ на сосѣдей, а по покореніи ихъ Нѣмцами, въ частыхъ возстаніяхъ противъ чужеземнаго ига, или въ походахъ, которые они предпринимали съ своими нѣмецкими властителями и другими подвластными народами, для покоренія или просто ограбленія независимыхъ племенъ (срав. главу II). Сначала походы ихъ главнымъ образомъ были направлены противъ Латышей, которыхъ они ни во что не ставили и которые тѣмъ охотнѣе подчинялись господству Нѣмцевъ, что ожидали отъ нихъ защиты противъ спѣсивыхъ сосѣдей (стр. 56), впослѣдствіи противъ Эстовъ, Семигалловъ, Литовцевъ и Русскихъ. Походы производились всѣми съ страшнымъ варварствомъ. Жгли села, опустошали поля и борти, уводили скотъ и вещи, убивали всѣхъ мущинъ, женщинъ же и дѣвушекъ и дѣтей большею частію щадили и уводили въ плѣнъ; иногда только, когда дѣло доходило, должно быть, до сильнаго ожесточенія, убивали и ихъ (стр. 96). Уводимыя стада бывали довольно значительны; такъ однажды изъ Эстляндіи увели 4000 головъ рогатаго скота, и сверхъ того лошадей и овецъ (стр. 71). Лифляндскимъ Ливамъ также извѣстны были корабли и лодки (стр. 27, 32), но употребляли ли они ихъ для своихъ морскихъ походовъ, объ этомъ лѣтопись не говоритъ. Но уже до прибытія Нѣмцевъ, Куры славились своими разбоями на морѣ; сообща съ Эзельцами они въ особенности нападали на Швецію и Данію (стр. 24), или на морѣ высматривали другія суда (стр. 65). Что дѣлалось съ военноплѣнными — Куры покупали у Эзельцевъ даже плѣнныхъ женщинъ (стр. 178) — или въ ка-

комъ положеніи они жили у нихъ, объ этомъ не говорится; только о плѣнныхъ мущинахъ нѣсколько разъ упоминается, что ихъ нерѣдко сперва мучили, а потомъ убивали или приносили въ жертву богамъ (стр. 33 и Reimchr. v. 5790 и слѣд.).

По части *мирныхъ занятій* Ливовъ упоминаются земледѣліе, рыболовство, охота, скотоводство и пчеловодство. Въ первое время знакомства съ Нѣмцами (съ 1158 года), къ этому присоединилась еще торговля съ ними. Завоевавъ край, Нѣмцы придумали болѣе легкій способъ добывать себѣ произведенія края, заставляя платить себѣ десятину за крещеніе, которымъ они надѣляли туземцевъ. Десятина сначала заключалась въ одномъ только хлѣбѣ; впослѣдствіи же въ нее входили и другіе предметы. Въ вышеприведенной (см. главу II) грамотѣ магистра Госвина фонъ Герике, 1349 года, говорится о податн, которую Ливы должны платить съ меда, а въ другой грамотѣ 1482 года (собраніе рыцарства въ Вемелѣ) человѣкъ обязанъ платить десятину «по количеству своего посѣва и по доходу съ хмѣля, меду, куръ, гусей, сала, мяса, сѣан, дровъ, досокъ и т. п.» *). Правда, не сказано, что человѣкъ, который долженъ былъ давать все это, былъ *Ливъ*, но такъ какъ въ то время при упоминаніи туземцевъ не дѣлалось различія въ отношеніи ихъ національности, то подобныя общія опредѣленія мы вправѣ относить и къ Ливамъ (коли не сказано прямо, что они исключаются). Ніенштедтъ, который жилъ еще позднѣе (въ началѣ XVII столѣтія), но, *можетъ быть*, пользовался и неизвѣстными намъ древнѣйшими извѣстіями, сообщаетъ также списокъ произведеній ливской промышленности, которыя они предложили въ обмѣнъ пріѣхавшимъ Нѣмцамъ, а именно въ первый годъ «овецъ, рыбъ, ленъ, медъ, воскъ (Діон. Фабриціи говоритъ, что они не знали годности воска и оставляли его безъ употребленія), яйца, птицъ, мѣха дикихъ звѣрей (зайцевъ), молоко, куръ», а на второй годъ «кожи, ленъ, коно-

*) Nach Antal siener saedt, vndt den fordt wat he vor inkumpst hat an hoppen, honig, höner, gense, speck, fleisch, Houw, holtz, breder, undt wat he na siner gelegenheit hatt.

плю, воскъ, сало и мѣха». Торговля Нѣмцевъ съ Россіею шла и чрезъ Лифляндію уже до построенія Риги (стр. 51); въ ней вѣроятно участвовали и Ливы, хотя бы только тѣмъ, что помогали перевозить товары *). Монетъ собственнаго чекана у Ливовъ, кажется, не было, хотя въ тѣхъ краяхъ и находился годный на то благородный металлъ. Уже въ лѣтописи Адама Бременскаго, писавшаго почти за 100 лѣтъ до прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію, Курляндія названа богатою золотомъ страною (гл. 16), а лѣтописецъ Генрихъ говоритъ, что изъ похода въ эстскія приморскія провинціи сыновья латышскаго старшины Талибальда одни привезли съ собою три лисфунта серебра, вмѣстѣ съ другою добычею (стр. 96). Денежныя суммы въ прежнее время опредѣляются по *озерингамъ* (по два на марку серебра), т. е. серебрянымъ женскимъ застежкамъ (стр. 89) **), или по маркамъ (стр. 35, 50). У Эстовъ упоминается еще другаго рода монета, *nagatae*; такъ напр. осажденные въ Варболѣ купили миръ за 700 марокъ «nagatarum» (стр. 83), а осажденные въ Одемпе откупились отъ Русскихъ за 400 марокъ нагатъ (стр. 65). Въ чемъ заключались эти нагаты, нигдѣ не сказано; можно полагать, что это были мѣха пушныхъ животныхъ (которыя и Русскимъ служили монетою), потому что самое названіе можетъ происходить отъ слова *nahk* (шкура) и, по мнѣнію Грубера (стр. 66, пр. c), латышское *nauda*, которое и теперь еще значитъ «деньги», ничто иное, какъ сокращенное nahk ***). Правда, что у самихъ Ливовъ не упоминаются нагаты, но если послѣднія дѣйствительно заклю-

*) Шіенштедтъ полагаетъ даже, что въ древности существовала прямая торговля между Ливами и Россіею, потому что въ древнѣйшихъ прагахъ нѣмецкой конторы въ Новгородѣ назначена за проступки купцовъ пеня въ «пять *ливскихъ* фунтовъ» воску, еще до перваго пріѣзда Нѣмцевъ.

**) Въ эстскомъ народномъ преданіи говорится также, что эти застежки служили для уплаты (срав. Kalewi poeg VI, 367)

***) Г. Куникъ (о Русско-Визант. монетахъ Ярослава I Владимировича, стр. 108) полагаетъ, что у Генриха «nagatae», можетъ быть, означаютъ только просто деньги, какъ по-русски куны. — Латышское слово nauda встрѣчается и у Эстовъ (Kalewi poeg, II, 782).

чались въ мѣхахъ или кусочкахъ мѣха, то при большомъ распространеніи этого обычая весьма вѣроятно, что и у Ливовъ они были предметомъ мѣновой торговли, тѣмъ болѣе, что ливское *näged* еще больше подходитъ къ употребленной лѣтописцемъ формѣ, чѣмъ эстское слово nahad *). Такимъ-же образомъ, съ другой стороны, ливскіе озеринги встрѣчаются и у другихъ, напр. у Латышей (стр. 100) и даже у самихъ Нѣмцевъ (срав. грамоты 1290 и 1341 годовъ у Бунге, U. B. № 536 и 803).

Хлѣбопашество производилось, кажется, въ большихъ размѣрахъ, потому что о немъ говорится неоднократно, и Лифляндія уже искони славилась своимъ плодородіемъ. Такъ Арнольдъ Любекскій (lib. VII, cap. 8) говоритъ: «est enim eadem terra fertilis agris, abundans pascuis, irrigua fluviis, satis etiam piscosa et arboribus nemorosa». Сговорившіеся противъ Нѣмцевъ Ливы торопятся укрѣпленія свои привести въ оборонительное положеніе, чтобы имѣть возможность удалиться туда съ своимъ хлѣбомъ, собраннымъ съ полей (стр. 87); Нѣмцы опустошаютъ посѣвы

*) Ніенштедтъ говоритъ (гл. V), правда безъ указанія источника, что хотя Ливы и не знали монетъ, которыя прибывшіе къ нимъ Нѣмцы предлагали имъ за товаръ, и вмѣсто нихъ охотнѣе требовали въ обмѣнъ товары, но что впослѣдствіи Ливъ однажды, когда Нѣмцы потребовали у него за свой товаръ больше предложеннаго имъ, — вынулъ изъ пазухи «два *бѣличьихъ* уха, въ которыя вдѣланы были маленькіе серебряные гвоздики», и прибавилъ ихъ къ своему товару. Нѣмцы согласились на торгъ, «желая побудить язычниковъ, чтобы они приносили съ собою свою монету; поэтому и полагаютъ, что у древнихъ 3-хъ-шиллинговыя и 2-хъ-шиллинговыя монеты, по обмѣнѣ, получили названія *аусъ* и *нагатъ*, отъ чего 3-хъ шиллинговыя монеты еще и теперь называются *Oese* (ушко)». Это, сколько мнѣ извѣстно, единственный случай упоминанія нагатъ у самихъ Ливовъ, съ обозначеніемъ, въ чемъ онѣ состояли, вслѣдствіе чего другое названіе *аусъ* (по-латышски ухо) еще лучше объясняетъ дѣло. У русскихъ писателей неоднократно говорится о «ногатахъ», изъ которыхъ иногда 20 идутъ на гривну. Другое опредѣленіе ихъ мы находимъ въ грамотѣ 1272 года (Bunge, U. B. № 430), если только въ ней подразумѣвается такой-же предметъ, чего правда нельзя сказать съ полною достовѣрностью. Дѣло въ томъ, что въ грамотѣ этой епископомъ и орденскимъ магистромъ опредѣлены обязанности обращенныхъ Семигалловъ и при этомъ установлено, что при недостаткѣ хлѣба, вмѣсто лофа хлѣба могутъ быть внесены «2 рижскихъ артигена либо 2 куничьи мѣха или 8 бѣличьихъ мѣховъ».

Ливовъ (стр. 13) и запасаются въ Икесколѣ провіантомъ изъ хлѣба Ливовъ (стр. 33); въ Идумеѣ Русскіе уничтожаютъ сжатый, но еще стоящій на полѣ, хлѣбъ (стр. 125). Какого рода хлѣбъ воздѣлывался Ливами, большею частію не сказано опредѣлительно; относительно установленной въ 1230 году подати Куровъ сказано, что она должна состоять изъ ржи (Doc. XLVII); въ другихъ грамотахъ говорится еще о ячменѣ и овсѣ. Для храненія хлѣба Ливамъ служили сдѣланныя въ землѣ ямы; такъ напр. осажденные въ Гольмѣ Нѣмцы, начиная уже чувствовать недостатокъ въ продовольствіи, нашли въ такихъ ямахъ очень много хлѣба (стр. 18). Изъ числа животныхъ, составлявшихъ у Ливовъ предметъ скотоводства, упомянуты лошади, овцы и рогатый скотъ (стр. 74, 76). Адамъ Бременскій (гл. 16) особенно хвалитъ курскихъ лошадей. Вообще, кажется, скота было много, потому что при грабительскихъ набѣгахъ стада составляли обыкновенный предметъ добычи, а лошади употреблялись и на военныя надобности; изъ одной Эстляндіи, какъ уже выше было сказано, однажды увели 4000 головъ рогатаго скота, сверхъ лошадей и овецъ (стр. 71). Пчеловодство повидимому было также очень значительно; при этомъ говорится о «бортяхъ», такъ что пчелы содержались, должно быть, въ полудикомъ состояніи. Такія борти составляли для Ливовъ важный предметъ собственности и подавали поводъ къ спорамъ (срав. выше, въ главѣ II, грамоту Госвина фонъ Герике, 1349 года); языческіе Ливы разоряютъ поля и борти Кауповы (стр. 43); грамотою дюнамюндскаго аббата, 1282 года, Курамъ предоставляется право собственности на борти ихъ и право преслѣдовать своихъ пчелъ. По грамотѣ, которую Бунге (U. B. №1726) относитъ къ 1407 году, медъ вывозился цѣлыми бочками въ Новгородъ, а другая грамота 1387 года (U. B. № 1248) служитъ любопытнымъ мѣриломъ для оцѣнки количества и стоимости добывавшагося въ ливскихъ земляхъ меда, который вообще, до теперешняго огромнаго производства и потребленія сахара, имѣлъ гораздо большее значеніе. Рижскій домкапитулъ получалъ изъ своихъ донданъ-

генскихъ деревень сверхъ 10 ластъ хлѣба еще 5 ластъ меда, которые однакоже были несравненно цѣннѣе хлѣба, потому что ластъ меду стоилъ 20 рижскихъ марокъ, а ластъ хлѣба только 3 марки. Изъ меду Ливы приготовляли сыту, какъ другіе сѣверные народы, по Генриху «medo» (стр. 14).

Объ устройствѣ ливскихъ домовъ до насъ не дошло свѣдѣній; можно впрочемъ предположить, что они мало отличались отъ теперешнихъ жилищъ Ливовъ и Эстовъ, потому что у народа, стоящаго на такой степени культуры, всѣ нововведенія подобнаго рода распространяются лишь съ большимъ трудомъ. Вѣдь даже Lowis of Menar, жившій въ эстской части Лифляндіи, проѣзжая по давно уже олатышеннымъ нынѣ землямъ Куровъ, былъ пораженъ сходствомъ ихъ домовъ и нарядовъ съ эстскими (см K. L. Blum, Ein Bild aus den Ostseeprovinzen, 1846, стр. 115). При жильѣ находились бани, какъ и теперь (стр. 14). Дома, также какъ и нынѣ, не стояли отдѣльно, но, въ противоположность латышскимъ, соединялись въ цѣлыя деревни, которыя нерѣдко упоминаются то подъ извѣстнымъ именемъ, то безъ названія (напр. стр. 38); срав. выше, гл. I. Нѣкоторыя изъ ливскихъ селеній, какъ напр. Ленневарденъ и Ашераденъ на Двинѣ, Саттеселе и резиденція Каупо, названы укрѣпленными мѣстами, но все укрѣпленіе вѣроятно состояло изъ дерева и земляныхъ валовъ, потому что первыя каменныя укрѣпленія, по крайней мѣрѣ на Двинѣ, построилъ Ливамъ Мейнгардъ. У курскихъ Ливовъ неоднократно упоминаются еще гакельверки (засѣки), въ которые жители при непріятельскихъ нападеніяхъ удалялись съ своимъ имуществомъ. Когда Нѣмцы поселились въ краѣ, то Ливы жили вмѣстѣ съ ними въ городахъ, напр. въ Ригѣ, гдѣ они занимали особую часть города (Doc. LXII). О домашней ихъ утвари находятся интересныя свѣдѣнія въ грамотѣ, которая впрочемъ относится къ довольно позднему времени (по Бунге, U. B., № 603, къ 1300 году) и содержитъ жалобы Курляндскаго епископа на Орденъ. Между прочимъ, орденская братья напала на принадлежавшую ему деревню, Барбоне, и увезла оттуда мужскую и женскую одежду (tunicae), женскія по-

вязки (wepae), лапти изъ оленьей кожи, шапки, одѣяла, платки, холщевые камаши (caligae), нитки, стулья, столы, скамьи, сѣдла, рубки, косы, котлы (caldaria), горшки (ollae), пешни или остроги (turе), мясо, рыбу, масло, хлѣбъ и хмѣль.

При описаніи положенія и быта оставшихся донынѣ Ливовъ мы конечно ограничимся одними курскими Ливами, потому что салисскіе Ливы въ этомъ отношеніи уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ Латышей. Уже оберпасторъ Эссенъ, о которомъ говорено было выше, замѣтилъ почти сто лѣтъ тому назадъ (см. Haigold, Beilagen zum neuverânderten Russland, стр. 375): «крестьяне въ имѣніи Нейсалисѣ ничѣмъ не отличаются между собою, ни деревнями, ни дворами, ни одеждою; притомъ между ними нѣтъ ничего такого, что происходило бы отъ древнихъ Ливовъ или составляло бы ихъ особенность». Тоже самое подтверждаетъ и Шёгренъ въ отчетѣ о поѣздкѣ своей къ Ливамъ въ 1846 году. «Если», говоритъ онъ, «это могло быть уже при Эссенѣ, то тѣмъ болѣе оно должно относиться къ настоящему времени. Даже въ наружномъ видѣ и въ физіономіяхъ большей части теперешнихъ Ливовъ простой глазъ не можетъ замѣтить ничего, или очень мало особаго, чѣмъ бы они отличались отъ остальнаго, латышскаго населенія. Немногія физіономіи носятъ на себѣ финскій отпечатокъ. Волоса вообще темнаго, большею частію темнорыжаго цвѣта, очень рѣдко русые. Въ одеждѣ, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ они такъ сходны со всѣми обитателями цѣлаго края, что вѣроятно я стану описывать лишь чисто латышскіе порядки, коль присовокуплю мимоходомъ нѣкоторыя общія замѣтки относительно упомянутыхъ внѣшнихъ порядковъ».

Въ 1817 году, когда въ Курляндіи уничтожено было крѣпостное состояніе, курскіе Ливы вмѣстѣ съ прочимъ населеніемъ снова получили личную свободу, утерянную ими за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ; право ихъ на гражданственность опредѣлена закономъ. Но имъ не возвращена поземельная собственность, которой они были лишены столь-же долго, такъ что хотя и не самая жизнь, то все-таки благосостояніе ихъ большею частію зависитъ

отъ прихоти и произвола помѣщиковъ. Они обработываютъ свою землю въ качествѣ простыхъ, не наслѣдственныхъ арендаторовъ. Для поясненія теперешняго общественнаго положенія, мы сообщаемъ бланкъ аренднаго контракта въ дондангенскомъ уѣздѣ, къ которому принадлежитъ бо̀льшая часть Ливовъ. Такъ какъ эти бланки напечатаны, то мы вправѣ предположить, что всѣ дондангенскіе Ливы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ и что только невыставленныя цифры составляютъ разницу въ каждой отдѣльной арендѣ. Бланкъ гласитъ слѣдующее:

1) «На основаніи бывшаго словеснаго соглашенія, дондангенское мызное начальство, въ качествѣ поземельнаго собственника, отдаетъ въ аренду принадлежащую къ Дондангену прибрежную усадьбу N. N. съ относящимися къ ней полями, садами, лугами и принадлежащимъ ей правомъ на рыбную ловлю, приписанному къ дондангенской общинѣ N. N., а именно съ Юрьева дня 18 . . года по жизнь теперешняго дондангенскаго маіоратскаго владѣльца, при чемъ арендатору вмѣстѣ со дворомъ передается особый инвентарь (домашній скотъ, домашняя утварь, хлѣбныя сѣмена, съ означеніемъ денежной стоимости каждаго предмета).

2) При этомъ арендаторъ обязывается: *a*) съ усадьбы N. N. платить ежегодно аренду въ 00 рублей, а именно по полугодно къ Мартынову и Юрьеву дню, по истеченіи срока; — *b*) ежегодно, подъ наблюденіемъ мызнаго двора, какъ слѣдуетъ, косить прежніе сѣнокосы, готовое сѣно свозить въ сарай и развозить туда, куда назначитъ мыза; кромѣ того мызные сѣнокосы очищать отъ кустовъ; — *c*) ежегодно рубить и привозить $^1/_2$ сажени топлива для пограничной стражи домеснесскаго пикета, и 2 саж. для склада бакеновъ въ Домеснесѣ; — *d*) освобождаясь отъ поставки сѣна для инспектора бакеновъ, арендаторъ обязанъ возить ему такожде количество съ мызны́хъ сѣнокосовъ; — *e*) по прежнему поставлять работницу въ ирбенскій пастораті; — *f*) необходимыя письма, какъ скоро до арендатора дойдетъ очередь, доставлять на мызу и въ Виндаву; — *g*) къ охотамъ присылать загонщика; — *h*) постройки въ своей усадьбѣ, какъ водится, производить на свой

счетъ и, согласно принятой доселѣ общинной обязанности, содѣйствовать возобновленію построекъ другихъ усадьбъ, въ случаѣ если онѣ будутъ истреблены пожаромъ; равнымъ образомъ въ деревняхъ, сообща съ остальными деревнями, принимать мѣры, которыя могуть оказаться нужными, чтобы деревня не была занесена пескомъ; — *i*) если на берегъ будутъ выброшены суда, то сообща съ другими хозяевами оказывать принятое доселѣ содѣйствіе, но только взрослыми людьми; въ случаѣ надобности поставлять лодки для сохраненія и телѣги для отвозки сохраненнаго въ сараи, равно какъ и караулъ при сараяхъ; если на берегъ будутъ выброшены суда въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ мызныхъ сараевъ, то найденное на берегу имущество слѣдуетъ отвозить въ ближайшую ригу; всѣ лица, участвующія въ сохраненіи выброшеннаго на берегъ имущества, получаютъ $^1/_3$ чистой выручки со всей приходящейся на мызную долю части этого имущества, такъ что хозяевамъ выплачивается причитающаяся ихъ двору доля, и они уже сами должны разсчитываться съ своимъ народомъ; — *k*) соблюдать все, что̀ относится къ правильному пользованію лѣсами, и при тушеніи лѣсныхъ пожаровъ оказывать наискорѣйшую помощь всѣми находящимися во дворѣ лицами мужескаго пола, что̀ вообще обязано дѣлать все населеніе; — *l*) чужихъ людей ни за что не держать у себя безъ дозволенія мызы; — *m*) полями своими пользоваться по нынѣ существующему плодоперемѣнному порядку, а отведенные луга очищать отъ находящагося на нихъ кустарника; — *n*) ни подъ какимъ видомъ не продавать сѣна или соломы, въ противномъ случаѣ платится штрафъ, за каждый корабельный фунтъ проданной соломы по 3 руб., а за каждый корабельный фунтъ проданнаго сѣна по 5 рублей; если арендаторъ повторитъ продажу, то помѣщикъ вправѣ нарушить контрактъ.

3) «За точное исполненіе всѣхъ контрактныхъ условій арендаторъ отвѣтствуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, въ чемъ бы оно ни состояло и какъ бы оно ни называлось; онъ не имѣетъ права дѣлать такіе долги, отъ которыхъ помѣщикъ могъ бы по-

терпѣть убытокъ въ отношеніи какъ условленныхъ тутъ обязательствъ, такъ и иныхъ могущихъ быть требованій къ арендатору; вслѣдствіе чего заключенные имъ въ противность сего долги ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ помѣщику и должны считаться несуществующими.

4) «Отданный въ аренду дворъ во всякое время можетъ быть обревизованъ мызнымъ начальствомъ или тѣмъ лицомъ, которому это поручено будетъ мызнымъ управленіемъ, и если по приговору суда признано будетъ, что хозяйство ухудшилось, то помѣщикъ вправѣ лишить арендатора дальнѣйшаго владѣнія дворомъ и требовать отъ него должнаго вознагражденія, сообразно условіямъ контракта.

5) «По истеченіи условнаго арендаго срока арендаторъ обязанъ возвратить свой дворъ съ вышеприведеннымъ инвентаремъ — послѣдній согласно приложенной оцѣнкѣ, либо натурой, либо деньгами, смотря по требованію мызнаго начальства, — далѣе съ должнымъ количествомъ дровъ для риги, соотвѣтствующими инвентарю яровыми посѣвами и хорошо обработаннымъ озимымъ полемъ, однимъ словомъ совершенно согласно указаніямъ § 146 временныхъ узаконеній, не имѣя права требовать вознагражденія за починки, какого бы рода они ни были. Переданный арендатору инвентарь, цѣною въ 00 рублей 00 коп., онъ обязывается выкупить посредствомъ ежегоднаго взноса 00 руб. 00 коп. ($8^1/_2\,^0/_0$), которые должны быть уплачиваемы въ концѣ каждаго арендаго года. Послѣ 12-ти лѣтняго взноса инвентарь выкупленъ и составляетъ собственность арендатора; но если арендаторъ умретъ до истеченія аренднаго срока или если по какимъ нибудь другимъ причинамъ у него отнята будетъ аренда, то онъ долженъ оставить изъ инвентаря столько, сколько за вычетомъ уплаченныхъ уже денегъ еще должно оставаться по описи.

6) «Наконецъ, въ избѣжаніе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній и ошибокъ, постановляется, что такой-то дворъ обязанъ, по прежнему, участвовать въ исполненіи общественныхъ,

относящихся до общины, обязанностей, которыя всѣ должны быть поддерживаемы согласно закону, какъ то: квартирныхъ повинностей, церковныхъ, пасторатскихъ и училищныхъ построекъ, подвоза топлива для училища, устройства и исправленія дорогъ, поставки подводъ, призрѣнія бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и т. д. Кромѣ того, арендаторъ за каждаго служащаго во дворѣ его человѣка долженъ платить казенныя подати, а именно за работника отъ 14 — 20-ти лѣтняго возраста по 2 руб., за себя же и за каждаго старшаго 20-ти лѣтъ по 3 рубля, при чемъ постановляется, что арендаторъ не вправѣ брать къ себѣ въ услуженіе людей въ большемъ количествѣ противу того, сколько ему прежде было дозволено; если же окажется излишекъ въ прислугѣ, то дозволеніе держать бо́льшее число людей будетъ ему дано мызнымъ начальствомъ. Вслѣдствіе этого, за 4 недѣли до Юрьева дня, арендаторъ долженъ заявить общинному суду, какихъ людей онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе; тоже самое распространяется и на тѣхъ, которые живутъ у него на квартирѣ. Выкупленныхъ рекрутовъ, которые сами за себя должны платить подати, и валленековъ, принадлежащихъ къ той-же категоріи, арендаторъ ни подъ какимъ предлогомъ не вправѣ принимать къ себѣ безъ удостовѣренія мызнаго начальства, что они уплатили казенныя подати этихъ людей. Тѣ, которые освобождены отъ платы казенныхъ податей, должны получать надлежащее по этому предмету удостовѣреніе мызнаго начальства.

7) «Рыбною ловлею можетъ заниматься только дворъ, такъ что лодки для ловли рыбъ можетъ имѣть лишь хозяинъ, который отдастъ ихъ въ пользованіе живущихъ во дворѣ. Кромѣ хозяина никто не вправѣ имѣть лодки для ловли рыбы, и потому выкупившіеся рекруты освобождаются отъ взноса денегъ, которыя они платили мызѣ за рыбную ловлю, и относительно рыболовства должны вѣдаться съ хозяиномъ. Каждому хозяину дозволяется держать по 4 лодки для себя, для своихъ работниковъ и жильцовъ; въ случаѣ нарушенія этого условія, арендаторъ платитъ штрафъ въ количествѣ двойной стоимости лодки. Ловля неводомъ дозволяется

только въ такомъ случаѣ, когда петли сѣти такой величины, что чрезъ нихъ можетъ проходить мелкая камбала.

8) «Ни въ случаѣ градобитія, ни при какомъ-бы то ни было несчастномъ случаѣ, арендаторъ не вправѣ требовать вознагражденія или освобожденія отъ уплаты денегъ.

9) «Ни подъ какимъ видомъ арендатору не дозволяется дворъ свой весь или частями отдавать въ аренду въ другія руки.

10) «Коли N. N. принимаетъ на себя эти обязательства, дондангенское мызное начальство съ своей стороны обязывается на основаніи этого контракта: *a*) въ теченіе аренднаго срока не нарушать правъ его, арендатора, въ отношеніи владѣнія дворомъ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда онъ не станетъ исполнять одно изъ вышеприведенныхъ условій; въ такомъ случаѣ этотъ контрактъ немедленно считается уничтоженнымъ и мызное начальство вправѣ вступить во владѣніе отданнаго въ аренду двора, наложить запрещеніе на все, что окажется сверхъ инвентаря, и кратчайшимъ законнымъ путемъ вознаградить себя за всѣ требованія, убытки и издержки изъ остальнаго имущества арендатора. Коль скоро контрактъ нарушенъ арендаторомъ, послѣдній не вправѣ удерживать за собою дворъ, подъ предлогомъ взаимныхъ требованій и т. д., а долженъ немедленно очистить его по рѣшенію общиннаго приговора, въ противномъ же случаѣ общинный судъ высылаетъ его, не обращая вниманія на могущія быть съ его стороны возраженія. Совершивъ преступленіе, арендаторъ подобнымъ же образомъ лишается аренды; *b*) отводить арендатору ежегодно изъ дондангенскихъ лѣсовъ необходимое количество лѣса для построекъ, посуды и топлива, и матеріалъ для изгородей, а коль скоро окажется надобность, отпускать также лѣсъ для рыбачьихъ лодокъ, при чемъ постановляется, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ будетъ рубить лѣсъ безъ указанія мызнаго начальства, то это будетъ считаться кражею лѣса, за которую должно платить $^1/_4$ казенной оцѣнки; за покражи лѣса, совершенныя ночью или въ воскресенье, платится $^1/_2$ казенной таксы; *c*) такъ какъ за лѣкаря и за лѣкарство до сихъ

поръ платитъ помѣщикъ, то это и впредь останется на прежнемъ положеніи, такъ что арендаторъ, подобно всякому другому члену общины, ничего не обязанъ платить за это, внося только въ мызную аптеку шестерикъ (около $^1/_2$ четверика) можжевелевыхъ ягодъ. — Контрактъ этотъ въ двухъ одинаковыхъ экземплярахъ подписывается, одинъ помѣщикомъ, другой арендаторомъ, и вносится въ контрактную книгу общиннаго суда».

Сколько я могъ замѣтить, арендная плата и прочія условія у Ливовъ находятся почти въ такомъ-же отношеніи къ стоимости арендуемаго участка, какъ у родичей ихъ въ Эстляндіи; не смотря на то, этотъ контрактъ ставитъ Ливовъ не въ завидное положеніе. За всякое нарушеніе контрактнаго условія они могутъ быть лишены аренды, да еще отвѣчаютъ своимъ собственнымъ имуществомъ, тогда какъ о соотвѣтствущей пени за неточное исполненіе условія со стороны помѣщика не говорится ни слова. Даже безъ всякой вины, Ливъ можетъ лишиться взятой на откупъ усадьбы лишь вслѣдствіе смерти маіоратскаго владѣльца, не успѣвъ, можеть быть, воспользоваться своимъ участкомъ; притомъ, онъ изъ собственныхъ средствъ долженъ засѣять поле озимымъ посѣвомъ и купить у новаго владѣльца, если онъ потребуетъ, свой инвентарь. Помѣщикъ во всякое время вправѣ обревизовать отданный въ аренду участокъ и удостовѣриться въ томъ, исполняетъ ли арендаторъ всѣ свои контрактныя обязанности, Ливъ же не вправѣ ревизовать своего господина, дѣйствительно ли изъ платы за сохраненіе чужаго имущества онъ выдалъ ему слѣдующую за то трсть, а не $^1/_6$ или $^1/_{12}$. Между тѣмъ, при спасеніи выбрасываемаго на берегъ товара, Ливъ подвергается опасности и труду, во всякое время долженъ быть готовъ къ этой работѣ и къ отвозу спасеннаго имущества, оставляя въ сторонѣ всѣ остальныя свои дѣла, и обязанъ отдавать свою ригу для храненія имущества. Но самое тягостное условіе составляетъ неопредѣленная извѣстными днями барщина. Безплодныя дюны не даютъ Ливу столько хлѣба, сколько ему нужно на собственное пропитаніе (не говоря уже о томъ, чтобы онъ могъ продать часть хлѣба); сѣно

и солому онъ не вправѣ продавать, слѣдовательно, на покупку необходимаго ему еще количества хлѣба, на покрытіе другихъ расходовъ и на уплату арендныхъ денегъ остается только доходъ съ моря, такъ что рыболовство служитъ главнымъ источникомъ продовольствія и въ нѣкоторомъ отношеніи благосостоянія Ливовъ. Но для рыбной ловли не всякая погода пригодна и потому помѣщику не трудно самымъ законнымъ путемъ раззорить арендатора или лишить его возможности точно исполнять обязательства: стоитъ ему только въ благопріятное для рыболовства время требовать отъ арендатора исполненія барщины. Хорошее вообще положеніе Ливовъ и благосостояніе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ одной стороны свидѣтельствуютъ о ихъ усердіи и трудолюбіи, а съ другой доказываютъ, что помѣщики еще не пользуются своею опасною силою *).

Такъ какъ Ливы теперь живутъ на крайней прибрежной морской полосѣ, большею частію покрытой зыбучимъ пескомъ, то земледѣліе у нихъ не только невыгоднѣе, но и труднѣе, чѣмъ во внутреннихъ частяхъ края. Поля ихъ, которыя они любятъ устраивать въ углубленіяхъ между песчаными холмами, потому что тамъ почва нѣсколько долѣе сохраняетъ влажность, очень невелики, удобряются морскою травою и большею частію засѣваются яровымъ хлѣбомъ (ячменемъ, овсомъ и яровою рожью); все, что имъ нужно сверхъ добытаго собственными трудами, они получаютъ съ острова Эзеля. Чтобы защитить поля свои отъ наносовъ песку, они въ продолженіе лѣта должны нѣсколько разъ возобновлять изгороди. Дѣло въ томъ, что какъ скоро вѣтеръ намететъ песокъ въ уровень съ изгородью, то ее ставятъ на это возвышеніе и, когда песокъ еще разъ достигнетъ такой-же

*) Все сказанное нами тутъ объ экономическомъ и соціальномъ бытѣ Ливовъ, по отношенію къ арендным условіямъ, въ настоящее время можетъ имѣть только историческое значеніе, потому что написано было еще въ 1860 году; съ тѣхъ поръ прекращеніе всѣхъ барщинныхъ повинностей совершенно измѣнило прежнія отношенія.

вышины, то изгородь приходится возобновлять еще разъ. Такимъ образомъ вокругъ полей образуются высокіе песчаные валы, позади которыхъ лежатъ дома, такъ что, когда вы ѣдете вдоль берега (путь этотъ обыкновенно выбираютъ частію для того, чтобы не ѣхать неудобопроходимымъ лѣсомъ, доходящимъ почти до самаго моря, частію потому, что тамъ песчаный грунтъ отъ сырости тверже), то вы узнаете близость деревни только по множеству лодокъ и висящихъ на шестахъ сѣтей. Старинныя дюны покрыты отчасти ивовыми кустами (Salix acutifolia W. и rosmarinifolia L.), отчасти можжевельникомъ и хвойными деревьями, которыя отличаются тѣмъ, что стволъ часто донизу густо усаженъ вѣтвями, а нижнія вѣтви стелятся по землѣ. Вообще же растительность очень бѣдна. Солончаковыхъ растеній, которыя обыкновенно встрѣчаются на песчаныхъ прибрежьяхъ, я тамъ не замѣтилъ. На сколько простирается взоръ, повсюду видѣнъ голый песокъ, однообразная бѣлизна котораго прерывается только полосками выброшенной морской травы и голышей или раковинъ. Нѣсколько богаче и разнообразнѣе растительность на окраинахъ полей и на немногихъ лугахъ, лежащихъ также въ углубленіяхъ, но безъ особенныхъ, замѣчательныхъ видовъ, за исключеніемъ развѣ Hyprochoeris radicata L. Болѣе плодородные участки, лежащіе вблизи селеній, Ливы обыкновенно любятъ употреблять на хлѣбопашество, а луга и пастбища ихъ большею частію лежатъ довольно далеко, въ лѣсу или позади лѣса, что̀ весьма затрудняетъ надзоръ за скотомъ. Дюны, окрѣпшія вслѣдствіе разросшихся на нихъ растеній, употребляются для устройства погребовъ, въ которыхъ Ливы сохраняютъ свои запасы.

При скудости земледѣлія и луговъ, настоящимъ полемъ и сохою Ливовъ служатъ море и сѣти. Рыбы, въ особенности камбала и салакушка, — вареная или жареная, сушеная и копченая —не только составляютъ главный предметъ продовольствія, но и служатъ важнымъ предметомъ торговли, посредствомъ котораго Ливы пріобрѣтаютъ деньги на покупку непроизводимыхъ ими самими предметовъ домашняго обихода. Пчеловодство, которое нѣкогда

было такъ важно, теперь стало очень незначительно, хотя трава, все еще въ изобиліи покрывающая почву близлежащихъ лѣсовъ, могла бы и нынѣ годиться на это столько же, сколько и прежде. Рыба частію покупается на мѣстѣ или вымѣнивается на хлѣбъ жителями внутреннихъ частей края, даже Литовцами или Эзельцами, частію вывозится на судахъ самими Ливами; копченая камбала ихъ далеко извѣстна по всей Курляндіи. Ливы жалуются, что доходъ отъ рыбной ловли, главное средство ихъ продовольствія, годъ отъ году уменьшается, а живущіе тамъ Нѣмцы говорятъ, что Ливы сами виноваты въ этомъ, потому что, вопреки запрещенію, ловятъ рыбу слишкомъ частыми сѣтями (срав. выше арендный контрактъ) и такимъ образомъ истребляютъ молодыхъ рыбъ. Пока впрочемъ Ливы еще кормятся, хотя и съ большимъ трудомъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣнтяевъ и пьяницъ нельзя сказать, чтобы они терпѣли нужду. Они чрезвычайно привязаны къ своему бѣдному краю и лишь въ новѣйшее время изъ западной части два-три семейства переселились въ виндавскій уѣздъ. Женъ своихъ, правда, они берутъ иногда у Латышей, но было бы неслыханнымъ дѣломъ, чтобы ливская дѣвушка вышла за жителя внутренняго края. Отчасти, можетъ быть, это происходитъ и оттого, что женщины говорятъ по-латышски хуже, чѣмъ мущины, которые болѣе обращаются между чужими людьми.

Жилища Ливовъ, окруженныя хозяйственными постройками, нерѣдко и садикомъ, составляютъ частію довольно большія, частію маленькія деревни; отдѣльные дворы между ними, на подобіе латышскихъ, стали появляться лишь въ новѣйшее время и притомъ въ небольшомъ количествѣ. Они устроены съ трубами, покрыты горбылями, и свѣтлѣе и чище эстскихъ домовъ. Значительную долю главной комнаты занимаетъ большая, кубоватая печь, вокругъ которой идетъ скамья; отапливаемая снаружи, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ хлѣбною печью. Домашняя утварь очень проста и состоитъ изъ столовъ, стульевъ, шкафовъ и кроватей, которыя обыкновенно выкрашены красною краскою, либо вовсе неокра-

шены. Большею частію встрѣчается также ткацкій станокъ, устроенный столь-же просто, какъ у Эстовъ и Латышей. Между пристройками особенно замѣчательны лежащіе на берегу шалашики для храненія сѣтей; кромѣ того, заслуживаютъ вниманія клѣть (амбаръ), которая лѣтомъ служитъ также жильемъ и спальней, въ особенности для взрослыхъ дѣвушекъ, а при свадьбахъ постоянно отводится для новобрачныхъ.

Одежда мущинъ отличается отъ наряда латышскихъ обитателей внутренняго края, въ особенности приспособленнымъ къ ихъ образу жизни короткимъ кафтаномъ или матросской курткой съ блестящими пуговицами; нѣкоторые повязываются еще краснымъ кушакомъ. При этомъ они носятъ короткіе либо длинные штаны (въ западной части короткіе штаны завязываются ниже колѣна, такъ что по сторонамъ висятъ ленты), чулки и лапти или сапоги, шапку и рѣже шляпу. Въ западной части, въ мужской одеждѣ преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, въ восточной части болѣе темный, бурый или синій цвѣтъ. Женщины носятъ тѣсно-примыкающія къ тѣлу куртки съ длинной таліей, темныя, съ красными полосками, шерстяныя юбки, пестрые, шейные платки, а сверхъ этихъ платковъ (но такъ, что на груди послѣдніе все-таки видны) бѣлыя шали, длинные концы которыхъ, перевязанные на поясѣ на крестъ, висятъ спереди; ноги обуты въ чулки и башмаки, а на головѣ бѣлый платокъ или бѣлый чепчикъ съ прилегающими наушниками, въ западной же части съ широкою, красною начельною лентою. Дѣвушки повязываютъ голову сложеннымъ платкомъ, который часто отличается яркими цвѣтами.

Ливы тѣлосложенія крѣпкаго, большею частію средняго роста; бѣлокурые особенно встрѣчаются между дѣтьми; между взрослыми ихъ болѣе въ восточной, чѣмъ въ западной части. Женщины, раздѣляющіе труды мужей на морѣ, также крѣпкаго и сильнаго сложенія, трудолюбивы и чистоплотны. Вѣроятно вслѣдствіе трудовой своей жизни онѣ, хотя и поздно выходятъ за мужъ, скоро старѣютъ; по крайней мѣрѣ у нихъ вскорѣ появляются морщины и желтый цвѣтъ лица. Между молодыми дѣвушками

попадаются довольно хорошенькія лица и миловидныя фигуры. Въ пляскѣ, вальсѣ въ $^2/_4$ такта, оба пола отличаются ловкостію и граціею. Музыка, подъ которую они пляшутъ, состоитъ изъ скрипки и двухструннаго віолончеля, на которыхъ впрочемъ играютъ довольно плохо. Ливы пользуются, вообще говоря, прекраснымъ здоровьемъ, и почти вовсе не знаютъ прилипчивыхъ болѣзней; смертность у нихъ очень незначительна, нѣсколько больше 1%, считая въ томъ числѣ и жертвы, которыя ежегодно требуетъ море.

Какъ въ одеждѣ и языкѣ, такъ и по характеру, Ливы больше похожи на Эстовъ, чѣмъ на Латышей. Они корыстолюбивы, вспыльчивы, непримирительны, упрямы, склонны къ воровству, въ особенности къ расхищенію выброшенныхъ на берегъ кораблей *), а также и къ пьянству, впрочемъ въ западной части меньше, чѣмъ въ восточной, но при этомъ они отважны, рѣшительны, трудолюбивы, энергичны и цѣломудренны (при населеніи въ 665 душъ въ Пизенѣ, въ 10 лѣтъ встрѣтилось только двое незаконнорожденныхъ дѣтей). О религіозномъ ихъ настроеніи и церковномъ благочестіи священникъ ихъ отзывался очень хорошо. При всемъ томъ, между ними еще много унаслѣдованнаго изстари суевѣрія, потому что они соблюдаютъ много странныхъ обычаевъ, сами не зная хорошенько почему. Въ глазахъ сосѣдей они искони считались волшебниками, какъ и въ другихъ мѣстахъ народы финскаго племени. Еще Дитмаръ (1807) говоритъ, что Ливы никогда не стерегутъ своихъ лодокъ вслѣдствіе суевѣрнаго страха Латышей, которые убѣждены въ томъ, что ихъ задержитъ невидимая сила, если бы они рѣшились украсть что-нибудь; кромѣ того, Латыши никогда не учатся ливскому языку, отчасти вслѣдствіе труднаго его произношенія, отчасти же и потому, что боятся разныхъ словъ, имѣющихъ одинаковое произношеніе, но различное значеніе. Въ 1846 г. содержатель ирбенскаго постоя-

*) Не смотря на то, что уже въ 1254 году епископъ Генрихъ Курляндскій уничтожилъ языческое береговое право (см. Bunge, U B. № 271), въ крови ихъ все-таки сохранились остатки этого стариннаго морскаго разбойничества.

лаго двора, Нѣмецъ, даже сказалъ акад. Шёгрену, что «онъ пи«таетъ особенное уваженіе къ Ливамъ, потому что они очень свѣ«дущи въ разныхъ волшебствахъ и могутъ нанести вредъ скоту «и людямъ, а потому поставилъ себѣ за правило не ѣсть въ лив«скомъ домѣ ничего, что̀ бы ему ни подавали«.

Въ числѣ разныхъ, писанныхъ по-латышски, статей старика Принца, которыя показывали Шёгрену во время пребыванія его въ Ангермюнде, находилась также одна, содержавшая слѣдующія извѣстія о суевѣрныхъ понятіяхъ и обычаяхъ Ливовъ. «Особенно мнѣ жаль, что вечеромъ въ понедѣльникъ послѣ масляницы наши дѣвушки въ мужскихъ нарядахъ ходятъ изъ-дому въ домъ. Одну изъ нихъ зовутъ долговязою дѣвушкою; на нее навѣшана бѣлая простыня, а къ концу палки у нея привязана искусственная голова и двѣ руки. Вслѣдствіе этого она становится такою высокою, что хватаетъ до потолка. Другая дѣвушка одѣта точно также, но у нея на концѣ палки привязанъ искусственный птичій клювъ, который называется Kīgi pапа (чайкинъ клювъ). Третья дѣвушка (впрочемъ ее можетъ замѣнять и мальчикъ) должна хорошо умѣть прыгать и такъ одѣта, что на видъ болѣе толста, чѣмъ высока; ее зовутъ Peigal pūoga (мальчикъ съ пальчикъ). Въ четвертыхъ большой мальчикъ наряженъ козломъ съ огромными рогами, которому сзади привязано большой scrotum; онъ обязанъ выдѣлывать всевозможныя штуки. Подойдя къ двери, они начинаютъ пѣть: матушка дорогая, впусти дѣтокъ, у малыхъ дѣтушекъ зябнутъ ножки! — Войдя въ комнату, дѣти поютъ: хотимъ курицы, хотимъ курицы на масляничный вечеръ, тогда мы весело можемъ поджидать Святую недѣлю! и т. п. Долговязая дѣвушка беретъ веретено и изъ шерсти или льна прядетъ длинную нитку; въ это время другіе поютъ и желаютъ, чтобы на слѣдующій годъ выросъ длинный ленъ; такимъ-же образомъ они воспѣваютъ коней, коровъ и овецъ. Выходя изъ комнаты, они поютъ: слава твоимъ очечкамъ! слава твоимъ козликамъ! — Если же ихъ не накормятъ и не напоятъ, то они при выходѣ поютъ: горе твоимъ овечкамъ! горе твоимъ козликамъ! и ночью прикатываютъ

такой огромный камень къ домовой двери, что на слѣдующее утро съ трудомъ можно выдти изъ дому. — 17-е января они называютъ Тиńńи. Въ этотъ день они варятъ свиныя головы, которыя ѣдятъ утромъ того-же дня, и не ходятъ на рыбную ловлю; кромѣ того, они въ этотъ день не прядутъ, съ тѣмъ, чтобы свиньи не хворали и чтобы сѣти не рвались. — 20-го февраля, послѣ Матвѣева дня, вечеромъ они не вносятъ въ комнату свѣчей, чтобы мухи не слишкомъ размножались; ничего не привозятъ домой, чтобы не завести гнили и червей; при вѣтрѣ, который дуетъ въ тотъ день, не засѣваютъ своихъ полей, чтобы черви не попортили посѣва. — Въ Страстную пятницу, съ восходомъ солнца, они начинаютъ носить въ кухню нѣсколько кучъ стружекъ, чтобы въ сѣти попадало много камбалы, а нѣкоторые гуляютъ по полямъ и лѣсамъ, сами не зная, чего они тамъ ищутъ. — Въ Свѣтлое воскресенье утромъ, прежде всего, дѣвушки и мальчики еще до восхода солнца бѣгутъ въ лѣсъ, отрѣзываютъ себѣ прутья и еловые сучки и, придя домой, бѣгутъ въ конюшню и бьютъ прутьями скотъ. Потомъ они отправляются въ дома и тѣхъ, кого застаютъ еще въ кровати, также хлещутъ прутьями; никто на нихъ не сердится за это, хотя бы они били до крови. Принесенными домой еловыми сучьями они украшаютъ ржаныя поля. Мальчики же срубаютъ сосновыя вѣтки, которыя несутъ къ морскому берегу и сажаютъ тамъ въ песокъ. Это у нихъ называется птичьимъ кустомъ, которымъ они украшаютъ также лодки свои. — Встрѣчаются такіе, которые празднуютъ три праздника Вознесенія, а нѣкоторые на канунѣ Иванова дня скачутъ и кричатъ вокругъ огня. — Въ Михайловъ день вечеромъ весь скотъ загоняютъ домой, говоря, что когда въ ту ночь бываетъ хорошая погода, то Богъ и волкамъ удѣляетъ долю, слѣдовательно все, что въ ту ночь остается въ лѣсу, дѣлается добычею волковъ. — Въ Мартыновъ день вечеромъ мальчики надѣваютъ маски и ходятъ по домамъ, пугать дѣтей. — Въ Варваринъ день или 4 Декабря нѣкоторыя хозяйки носятъ въ овчарню шерстяную матерію, потому что, какъ онѣ говорятъ, это овечій день. — Къ Рож-

дествy и въ день Новаго года иной хозяинъ на всѣхъ конюшенныхъ дверяхъ ставитъ мѣломъ крестъ, для того чтобы туда не забрался бѣсъ. — Во многихъ домахъ у насъ принято, по пятницамъ вечеромъ ни прясть, ни закидывать сѣтей, хотя народъ самъ не знаетъ, почему это не слѣдуетъ дѣлать. — За тѣмъ у насъ еще существуетъ повѣрье, что кто въ первый разъ отправляется въ поле сѣять или на море, тому ничего не слѣдуетъ давать изъ дому; въ такой день и за деньги не получишь огня. — Иной всячески старается окурить свою сѣть, прежде чѣмъ закинетъ ее въ море, дабы бѣсъ не лишилъ его благодати. — Нѣкоторые къ Рождеству и въ первый день Новаго года кладутъ на жерновъ хлѣбъ въ возмездіе за то, что смолото въ теченіе года. Другіе дѣлаютъ тоже самое въ конюшняхъ и овчарняхъ, чтобы внести плату за прошедшій годъ. — Наконецъ у многихъ существуетъ слѣдующее обыкновеніе: собираясь ѣхать куда-нибудь по морю, они въ самую минуту отплытія льютъ въ море водку въ видѣ жертвы морской матери, чтобы она укротила море. — На канунѣ Рождества дѣвушки и молодые парни, ходя по улицамъ, стучатъ въ заборы и нисколько не сомнѣваются въ томъ, что дѣвушки будутъ выданы за мужъ въ ту сторону, съ которой собаки лаютъ и воютъ».

Другой учитель Шёгрена, Польманъ, у котораго и я жилъ во время бытности моей у восточныхъ Ливовъ въ Куоштрыгѣ, сообщилъ еще слѣдующее: «Лиственный лѣсъ нужно рубить въ послѣднюю, а хвойный въ первую четверть луны; вновь выстроенные дома потому-то и гніютъ такъ скоро, что въ старину правило это соблюдалось гораздо лучше. — 5-го февраля нельзя брать въ руки ничего остраго и колючаго и работать имъ, а если въ этотъ день мыть бѣлье, то у людей и овецъ заболѣваютъ глаза. — Если стричь овецъ въ такой день, когда пекутъ хлѣбъ, то будетъ худая шерсть, а если въ среду, то овцы не будутъ любить своихъ овчатъ. — Зимою хорошо стричь въ полнолуніе. — Если ударить животное кнутомъ, который сдѣланъ въ пятницу, то сойдетъ шерсть. — Если колоть скотъ въ пятницу, то куски

мяса при варкѣ уменьшаются. — Въ первую ночь послѣ Рождества на столѣ должна горѣть свѣча; тогда у быковъ, если ихъ заколютъ, будетъ больше жира. — Если весною въ первый разъ услышишь кукушку, то съ молодой ели нужно сорвать верхній конецъ; если за тѣмъ дерево высохнетъ, то и человѣкъ долженъ умереть. — Четверговый вечеръ всячески празднуется подъ названіемъ brēdig ǭdǫg (пятничный вечеръ). — 17-го января не вяжутъ сѣтей, потому что ихъ разорвутъ свиньи. — Находясь на морѣ, не называютъ многихъ вещей настоящимъ ихъ именемъ; такъ напр. вмѣсто ver (кровь) говорятъ lerā (ольха), вмѣсто riń (собака) kǭr kāndaji (колесоносецъ), вмѣсто kuoig (корабль) pūlka ṕerz (колышки), вмѣсто suiž (волкъ) kara tiez (человѣкъ съ когтями) и т. д.*) — 28-го апрѣля утромъ пастухъ складываетъ въ одно мѣсто столько кусочковъ дерева, сколько головъ скота ему лѣтомъ придется пасти; это онъ дѣлаетъ для того, чтобы скотъ у него не разбѣгался. Къ вѣткѣ лозы онъ привязываетъ красную и синюю нитку; за тѣмъ другой его спрашиваетъ: что ты тутъ дѣлаешь? а онъ отвѣчаетъ: вяжу волка. Повторивъ это девять разъ сряду, онъ кладетъ прутъ въ число другихъ палочекъ». —

Другой Ливъ изъ Вайда разсказывалъ еще слѣдующее. «4-го декабря (въ Варваринъ день) не должно работать, чтобы не повредить овцамъ; притомъ вредно ковырять въ зубахъ. — 6-го декабря рѣжутъ и варятъ куръ; нельзя также коней оставлять безъ употребленія. — Въ Рожеств. сочельникъ на дверяхъ и на домашней утвари дѣлаютъ мѣломъ или вырѣзаютъ кресты и пятиугольники, потому что въ эту ночь вѣдьмы и колдуны совершаютъ свое великое странствованіе по конюшнямъ и строеніямъ. Послѣ вечерней молитвы гадаютъ (т. е. льютъ въ воду растопленное олово,

*) По словамъ другаго Лива говорится еще вмѣсто медвѣдя laigū karū (широкая лапа), вм. волка— mo̤tsāli (лѣсной житель), вм. лисицы — lūdǫ tabār (метельный хвостъ), вм. кошки—vīrba tabār (палочный хвостъ), вм. коня—kupla tabār (густой хвостъ), вм. коровы — sarlimi (рогатая), вм. козы — sprǫ̤vkšlji (фыркающая), вм. крысъ и мышей — sāinalist (стѣнообитатели), вм. свиньи — pitkā gīm (длинноликая), вм. тюленя—raza pā̤ (жирная голова), вм. мяса—rǫ̤gos (хворостъ)

чтобы по образовавшимся формамъ предсказывать будущее); другіе бросаютъ башмаки чрезъ лѣвое плечо и чей башмакъ упадетъ кончикомъ къ двери, тотъ въ теченіе года оставитъ домъ, а чей башмакъ упадетъ въ томъ-же направленіи, подошвою кверху, тотъ долженъ умереть; иные по нѣскольку разъ выходятъ на дворъ, чтобы поглядѣть на небо и узнать, въ какую сторону у нихъ лѣтомъ будетъ лучшая рыбная ловля; гдѣ небо мрачно, тамъ море будетъ наполнено травой, гдѣ оно свѣтло, тамъ рыба будетъ лучше ловиться. — 17-го января свинной день; что въ этотъ день сработаешь, то свиньи разорвутъ, а если станешь голову чесать, то у свиней заведутся вши; впрочемъ мужчинамъ дозволено работать въ лѣсу, а женщинамъ вязать и платать, но онѣ не смѣютъ ни прясть, ни ткать, ни заниматься сѣтями. — 20-е января празднуется такимъ-же образомъ, для преуспѣянія коровъ. — Срѣтеніе Господне нѣкоторые также считаютъ праздникомъ, не понимая ясно, почему. — 5-го февраля нельзя заниматься рукодѣльемъ, потому что это можетъ испортить глаза. — Во время поста, по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ, нельзя ни молоть, ни прясть, ни рубить дрова возлѣ домовъ, ни сдирать кожу, чтобы скотъ не хромалъ; но въ лѣсу рубить дрова не вредно. Въ среду послѣ обѣда возятъ нѣсколько возовъ навоза на поля, въ особенности на капустники, иначе овощи не удадутся. — Въ среду на первой недѣли великаго поста всѣ должны приводить въ порядокъ сѣти; кромѣ того просѣваютъ и припрятываютъ золу, чтобы разсыпать ее лѣтомъ, когда на капустѣ появятся гусеницы. — 24-е февраля день гадовъ, когда пробуждаются всѣ гады, спавшіе зимою. Въ этотъ день можно заниматься льняною, но не шерстяною работою, чтобы не подвергаться укушенію гадовъ; если изъ лѣсу привезти дровъ, то тамъ, гдѣ они будутъ сложены, лѣтомъ постоянно будутъ водиться змѣи, если же въ этотъ день дать съѣсть хорошую жареную свинную голову, то въ это лѣто не увидишь змѣй. Если на слѣдующій день вечеромъ внести въ комнату свѣчу, то лѣтомъ будетъ страшное множество гадовъ. — Въ Свѣтлое воскресенье утромъ, на зарѣ, молодые парни от-

правляются въ лѣсъ за можжевелевыми вѣтками и молодыми соснами. Можжевелевыми вѣтками они украшаютъ свои ржаныя поля, а сосны ставятъ въ дюнахъ. За тѣмъ и дѣвушки приходятъ на дюны и привѣтствуютъ птицъ съ добрымъ утромъ. Они приносятъ съ собою пироги и часть ихъ отдаютъ молодымъ парнямъ, которые въ свою очередь дарятъ имъ часть взятыхъ съ собою прутьевъ. Позабавившись тутъ, они отправляются домой, заходятъ въ конюшни, дѣвушки чтобы разбудить коровъ, а парни для того, чтобы разбудить коней, и за тѣмъ идутъ въ комнаты, чтобы разбудить и тѣхъ людей, которые еще спятъ. — Если кто въ первый разъ хочетъ отправиться съ сѣтями на море, да въ это время не явится случайный гость, то не должно идти, равно какъ и при встрѣчѣ съ женщиною. Если въ первый разъ выпускаешь со двора скотъ, то нужно слѣдить за нимъ и ничего не отдавать изъ дому. Отрѣзываютъ также вѣтку рябины и помахиваютъ ею три раза противъ солнца вокругъ скота, кладутъ за ворота топоры и куриныя яйца и за тѣмъ выпускаютъ скотъ; по возвращеніи скота съ паствы, пастухамъ слѣдуетъ поливать его, чтобы у коровъ всегда было вдоволь молока. — На пастбищѣ, на морскомъ прибрежьѣ у кораблей или на морѣ ни одно животное не должно называть настоящимъ его именемъ (см. выше), а если на морѣ увидишь что-нибудь необыкновенное, то не должно говорить объ этомъ другому: иначе можно попасть въ большую бѣду или утонуть, а животныя, которыя назовешь по имени, могутъ разорвать сѣти. — Женщины не смѣютъ ходить къ сѣтямъ, и если днемъ первый гость женщина, то это наводитъ на дурныя мысли. — Ранѣе 3-го мая не должно выходить на дворъ съ босыми ногами для отправленія дѣла, и не сдирать лыка, а то коровы обвиваютъ хвостами дерево. — Кому досугъ, тотъ въ Иваповъ день собираетъ травы, печетъ бѣлый хлѣбъ, приноситъ ландыши и другіе цвѣты и вечеромъ украшаетъ ими всѣ мѣста, крыши, корабли и постройки. Коней въ этотъ день нельзя пускать на пастбище. Послѣ ужина зажигаютъ одну или двѣ старыя лодки. Старики и молодежь собираются вокругъ Иванова огня и дѣвушки поютъ:

Иванъ идетъ, Иванъ идетъ, какъ примемъ мы его? мы печемъ пироги, грѣемъ молоко, лиго! лиго! такъ-то мы принимаемъ Ивана, лиго! лиго! Иванъ пошелъ косить сѣно съ тремя шубами на спинѣ, лиго! лиго! а не накосилъ даже и съ пѣтушью ношу, ни одного кусочка для барана, лиго! лиго! Кто спитъ въ Иванову ночь, никогда не получитъ мужа, лиго! лиго! молодые парни и молодыя дѣвушки не спятъ въ Иванову ночь, лиго! лиго! Кто спитъ въ Иванову ночь, у того не уродится рожь, лиго! лиго! — Когда огонь сгоритъ, они идутъ домой и пляшутъ до утра. — Въ Лаврентьевъ день не разводятъ огня и не молотятъ въ ригѣ. — Какъ въ Мартыновъ день мущины, такъ въ Екатерининъ день женщины вечеромъ ходятъ, распѣвая, изъ дому въ домъ переряженными, съ распущенными волосами, въ мужскихъ рубашкахъ сверхъ своей одежды, въ мужскихъ шляпахъ на головѣ и съ красными кушаками на поясѣ.—Послѣ Михайлова дня первые пять понедѣльничныхъ вечеровъ празднуются въ честь всѣхъ духовъ; тогда варятъ кашу и нѣкоторые говорятъ, что ее слѣдуетъ относить въ баню, тогда туда приходятъ духи и ѣдятъ кашу. Шестой понедѣльникъ празднуется какъ день всѣхъ святыхъ и усопшихъ». Дитмаръ (въ вышеприведенномъ соч., стр. 48) говоритъ, что Ливы ни за что не продаютъ заживо пойманнаго тюленя. Дальнѣйшія свѣдѣнія по этому предмету, сообщенныя самими Ливами, можно найти въ образцахъ ливскаго языка, помѣщенныхъ мною въ 1-ой части 2-го тома Полнаго собранія сочиненій Шёгрена (Joh. Andr. Sjögren's Ges. Schr. Bd. II, Th. I, Sprachproben, III, C и IV, E). Тамъ-же разсказано кое-что о томъ, что̀ соблюдается Ливами при рожденіи и смерти человѣка или при свадьбахъ. Въ видѣ дополненія къ тѣмъ извѣстіямъ, сообщаю еще слѣдующее:

Коль скоро рѣшено, что молодой парень женится на дѣвушкѣ, то вечеромъ женихъ отправляется къ невѣстѣ и ночь проводитъ съ нею. На слѣдующее утро они идутъ къ священнику въ сопровожденіи одного изъ родителей жениха или невѣсты. Въ прежнее время они ходили въ общинный судъ и получали тамъ

свидѣтельство, на основаніи котораго священникъ дѣлалъ оглашеніе; теперь же священникъ обручаетъ ихъ въ присутствіи родителей, а на слѣдующее воскресенье оглашаетъ ихъ въ церкви. На третье воскресенье происходитъ вѣнчаніе и совершается свадьба. На канунѣ ея, невѣста обыкновенно ходитъ въ пасторатъ и убираетъ свои волосы, чтобы надѣть брачный вѣнецъ, а потомъ заходитъ къ пастору заказать вѣнчаніе. На уплату за это каждая беретъ съ собою столько денегъ, сколько соотвѣтствуетъ ея состоянію и имуществу. Въ воскресенье утромъ, пока невѣсты еще нѣтъ, женихъ съ своимъ дружкой (по-ливски jeddǫ vedāji) или сватомъ и матерью жениха приходитъ въ домъ невѣсты. Въ сваты онъ проситъ себѣ своего кума, по имени котораго его крестили, или (если кумъ уже умеръ, либо въ отсутствіи) одного изъ его братьевъ, либо ближайшихъ родственниковъ, а у кого уже нѣтъ болѣе матери, тотъ беретъ сестру, либо другое подходящее лицо. Они входятъ и кланяются; ихъ также привѣтствуютъ и спрашиваютъ, кого они такъ рано ищутъ въ сосѣднемъ домѣ. Они отвѣчаютъ, что ищутъ корову, да заблудились на дорогѣ и взяли себѣ проводницу, но она убѣжала отъ нихъ и они полагаютъ, не зашла ли она сюда. Имъ отвѣчаютъ: «любезные сосѣди, мы ничего не замѣтили». Тогда сватъ проситъ свѣчу, чтобы отправиться на поиски. Получивъ свѣчу, онъ находитъ невѣсту, сидящую уже одѣтою гдѣ-нибудь въ уголкѣ, ведетъ ее въ комнату и сажаетъ за накрытый столъ, на которомъ стоятъ двѣ зажженныя свѣчи. За тѣмъ онъ зоветъ жениха и мать и спрашиваетъ: не это ли проводница. «Да, да», говоритъ женихъ, «это она, я хочу дать ей денегъ». При этомъ онъ вынимаетъ кошелекъ и даетъ ей деньги, но она бросаетъ ихъ въ сторону; тоже самое повторяется въ другой разъ; въ третій же разъ сватъ беретъ деньги и кладетъ ихъ ей за пазуху, гдѣ онѣ и остаются. Тогда являются родители невѣсты, всѣ поютъ по книгѣ церковную пѣснь, а сватъ прочитываетъ молитву. По окончаніи чтенія, онъ беретъ всѣхъ за руку, т. е. подкладываетъ снизу свою собственную руку, а потомъ на нее уже кладутъ руку сперва же-

нихъ, потомъ невѣста и наконецъ родители; сверху сватъ накладываетъ другую свою руку, и говоритъ Отче нашъ. Они опять поютъ стихъ изъ церковнаго молитвенника и обрученіе кончено. Находящимся въ домѣ дѣтямъ женихъ долженъ подарить немного денегъ, а нѣсколько копѣетъ кладетъ за печку. Послѣ завтрака они ѣдутъ въ пасторатъ (въ старину верхами, нынче больше въ телѣгахъ), гдѣ женщина, охотнѣе всего крестная мать, надѣваетъ на невѣсту брачный вѣнецъ, и потомъ отправляются къ вѣнчанію въ церковь, впереди оба дружка, а за ними женихъ съ невѣстой; мущины оба садятся на мужскія, женщины на женскія стулья. Такъ какъ вѣнчаніе происходитъ послѣ литургіи, то всякій желающій можетъ либо остаться свидѣтелемъ, либо уйти; женихъ же съ невѣстой должны поскорѣе прочесть свое Отче нашъ, чтобы пробраться къ алтарю прежде, нежели между ними пройдетъ народъ, не то въ супружествѣ будетъ много ссоры и разладу. Послѣ вѣнчанія они опять отправляются въ пасторатъ, чтобы переодѣться и съѣсть взятую съ собою закуску. Дома накрытъ столъ, на которомъ стоятъ двѣ зажженныя свѣчи. Четыре главныя лица, т. е. новобрачные съ своими дружками входятъ, поютъ стихъ, произносятъ молитву и садятся обѣдать. Послѣ обѣда новобрачные отправляются въ клѣть (см. выше). Къ назначенному потомъ брачному пиру женихъ приглашаетъ отъ шести до восьми родственниковъ и столько-же родственницъ въ проводники изъ родительскаго дома, расторопнаго маршала, т. е. главнаго устроителя и распорядителя празднества, особаго парня для распредѣленія напитковъ, двухъ стряпухъ, музыкантовъ и прочихъ родственниковъ въ качествѣ гостей. Невѣста же проситъ къ себѣ двухъ степенныхъ людей «вечернимъ братомъ» и «вечерней сестрой», т. е. по нашему посаженымъ отцомъ и посаженою матерью, двухъ дѣвушекъ — спутницами или подружками, столько-же провожатыхъ, сколько у жениха, и остальныхъ родственниковъ гостями къ прощальному обѣду. Въ день этого пиршества, пока проводники жениха съ музыкантами собираются въ другомъ домѣ, невѣста съ обѣими подружками своими идетъ въ клѣть, гдѣ онѣ

одѣваютъ совершенно одинаковыя платья. Когда уже все готово и обѣдъ приготовленъ, сватъ повязываетъ себѣ шпагу, беретъ бутылку съ водкой и присоединяется къ спутникамъ жениха. Съ страшнымъ шумомъ они подходятъ къ дому невѣсты, при чемъ музыканты играютъ, мущины кричатъ, а дѣвушки поютъ. У воротъ сторожа не впускаютъ ихъ, спрашивая паспорта. Предъявляется сперва бумага, которую однакоже не находятъ удовлетворительной, потомъ бутылка съ водкой, которая признается дѣйствительною и даетъ имъ право войти въ домъ. Туть сватъ начинаетъ искать ту, которую полагается увести; но она спрятана матерью, которая и сама спряталась, такъ что необходимо сперва отыскать мать. Впереди всѣхъ, съ музыкантами, идетъ маршалъ, держа въ лѣвой рукѣ подсвѣчникъ и пять свѣчей, а въ правой жезлъ; за нимъ слѣдуютъ сватъ, со шпагою въ рукѣ, и остальные проводники; всѣ они поютъ и ходятъ по комнатамъ, изъ угла въ уголъ, пока найдутъ мать. Ее съ пѣснями и съ музыкой ведутъ къ клѣти, гдѣ спрятана невѣста. Держа въ рукѣ связку съ ключами, мать пробуетъ одинъ изъ нихъ, но онъ не отмыкаетъ. Тогда она требуетъ денегъ, обѣщая дать другой ключъ. Сначала ей даютъ нѣсколько копѣекъ и получаютъ ключъ, который все-таки не отмыкаетъ, а потомъ даютъ полтину или рубль и получаютъ нястоящій ключъ, которымъ и отмыкаютъ дверь. Но тамъ находятъ трехъ невѣстъ совершенно одинаково одѣтыхъ, съ закрытыми лицами. Берутъ на удачу одну изъ нихъ, и коли это одна изъ подружекъ, то она спокойно идетъ до двери, а потомъ убѣгаетъ назадъ. Если наконецъ найдена настоящая невѣста, то вся процессія опять отправляется въ комнату, впереди маршалъ съ пятью свѣчами и музыкантами, а за нимъ сватъ, держа лѣвою рукою невѣсту, а въ правой шпагу. Маршалъ жезломъ своимъ дѣлаетъ на порогѣ три креста, а сватъ шпагой ударяетъ въ дверные косяки на верху и внизу съ каждой стороны; потомъ дѣлаются еще три обхода по комнатѣ, и по троекратномъ ударѣ шпагой въ потолочныя балки, всѣ садятся за поданныя кушанья. Дорога отъ клѣти до дома обсажена молодыми

соснами. Столъ въ главной комнатѣ, въ которую входятъ изъ маленькой передней, накрытъ въ видѣ крюка или наугольника; за короткимъ его рукавомъ (невѣстинымъ столомъ) сидятъ, спиною къ украшенной комнатной стѣнѣ, по срединѣ женихъ (передъ нимъ стоитъ пятиручный подсвѣчникъ маршала), на право отъ него невѣста и ея посаженая мать, на лѣво сватъ и одинъ изъ близкихъ родственниковъ; за длиннымъ рукавомъ сидятъ съ правой стороны жениха женскія, а съ лѣвой — мужскія лица его свиты, женатые вверхъ, а парни и дѣвушки внизъ; на лѣво отъ невѣстина стола находится мѣсто, гдѣ сватъ шпагой ударяетъ въ потолокъ; въ сторонѣ отъ главнаго стола стоитъ еще маленькій столикъ для музыкантовъ; сами хозяева праздника, родители невѣсты или, за неимѣніемъ ихъ, лица, заступающія ихъ мѣсто, ѣдятъ также за особымъ столомъ, отдѣльно отъ прочей компаніи; когда гости усѣлись, они обходятъ ихъ съ шляпою въ рукѣ, прося себѣ награду, при чемъ женскія лица изъ свиты жениха имѣютъ при себѣ мѣшочекъ съ хлѣбами. За тѣмъ поютъ стихъ, читаютъ молитву и тогда уже начинаютъ кушать. По окончаніи обѣда опять поютъ стихъ и читаютъ молитву; потомъ всѣ уходятъ отъ стола въ прежнемъ порядкѣ и три раза обходятъ комнату. Когда невѣста нѣсколько успѣла оправиться, то начинаются танцы, при которыхъ новобрачные должны быть въ бѣлыхъ перчаткахъ; старики до ужина пьютъ водку и играютъ въ карты. Пока подаютъ ужинъ, маршалъ созываетъ всю свиту жениха въ клѣть, гдѣ невѣста раздаетъ свои подарки. Одни получаютъ рубашку, чулки и перчатки, другіе платки и перчатки. По окончаніи этой церемоніи невѣсту ведутъ къ ужину въ такой-же процессіи, какъ прежде, а послѣ ужина опятъ танцуютъ, пока нѣсколько времени спустя начинаютъ приготовляться къ отъѣзду въ домъ жениха. Когда все приготовлено и дорожное платье одѣто, то еще разъ садятся за столъ за послѣднюю закуску. Послѣ этого поютъ дорожную пѣсню изъ пѣсенника, а мать, накинувъ на себя простой шерстяной платокъ, утираетъ себѣ слезы. На этотъ разъ всѣ встаютъ со скамьи безъ музыки, сватъ выводитъ ихъ изъ комнаты, садится на телѣгу и уѣзжаетъ,

свита при выходѣ вырываетъ воткнутыя сосны и увозитъ ихъ съ собою; женихъ отправляется домой впереди другихъ. Пріѣхавъ къ воротамъ женихова жилища, поѣздъ опять застаетъ сторожей, которымъ долженъ предъявить свои права. Когда онъ подъѣзжаетъ къ дому, то музыканты въ немъ играютъ, дѣвушки поютъ, а мать жениха раскладываетъ пестрый коверъ съ тѣмъ, чтобы невѣста съ коня или съ телѣги вступила на него; но невѣста не слѣзаетъ до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ женихъ. Потомъ они обнимаются и цѣлуются; сватъ ведетъ невѣсту въ домъ, а женихъ слѣдуетъ за ней съ одной изъ провожатыхъ. Закусивъ, они церемоніальнымъ маршемъ идутъ къ клѣти. Но здѣсь начинается новая борьба. Посаженый отецъ невѣсты при помощи невѣстиной свиты, хочетъ отбить честь у свата со шпагой; на сторонѣ свата находятся его сотоварищи, свита женниха. Наконецъ посаженый отецъ съ своей братьей все-таки одерживаетъ верхъ; сватъ уступаетъ ему почетъ и шпагу и проситъ не губить его и товарищей, хотя за нимъ болѣе и не остается почетнаго мѣста. Ему обѣщаютъ исполнить эту просьбу и, выпивъ съ нимъ чашу примиренія, уводятъ невѣсту опять назадъ. Столъ накрытъ какъ за прощальнымъ пиромъ, но теперь посаженый отецъ и посаженая мать занимаютъ почетныя мѣста возлѣ невѣсты; свита ея сидитъ за столомъ вмѣсто спутниковъ жениха, которые садятся по угламъ, гдѣ захотятъ. Все остальное тутъ происходитъ точно также, какъ и тамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь подарки раздаются свитѣ невѣсты и тѣмъ свадебнымъ гостямъ, которымъ это подобаетъ. Послѣ раздачи подарковъ на новобрачную тещa надѣваетъ шапочку; за тѣмъ слѣдуетъ пирушка, въ продолженіе которой стряпухи сбираютъ себѣ вознагражденіе, а потомъ питіе заздравицъ, къ которому невѣсту вводятъ и сажаютъ за столъ точно также, какъ къ обѣду. На столѣ стоитъ чистая тарелка, покрытая скатертью; на нее гости кладутъ деньги, которыя остаются на скатерти до тѣхъ поръ, пока слѣдующій положитъ свое, дабы можно было видѣть, сколько каждый даетъ. На столъ ставятъ лучшее пиво и лучшую водку, а рядомъ сидитъ маршалъ и нали-

ваетъ стаканы, чтобы каждый охотнѣе дарилъ. Пьютъ за здоровье коней и быковъ, за будущее счастіе, за доброе, дружное сожительство. За рубашку и перчатки кладутъ на тарелку 25 коп., за платки и перчатки 30 коп., за рубашку и чулки 1 руб. 30 коп. Иной родственникъ, если хочетъ, даетъ больше, или сколько каждый можетъ дать. Количество подаренныхъ денегъ простирается отъ 10 до 20 рублей. Послѣ принесенія подарковъ опять поютъ стихъ и читаютъ Отче нашъ, а молодая чета съ собранными деньгами отправляется въ клѣть. Остальнымъ на прощаніе даютъ еще закусить и выпить, и тѣмъ праздникъ кончается. — Кое-гдѣ встрѣчаются еще странные обычаи. Такъ напр. въ воскресенье утромъ, невѣста, отправляясь къ вѣнчанію, бросаетъ часть своей ленты у лодки или на мостъ. Когда она возвращается съ вѣнчанія, то на конѣ, на которомъ она сидитъ или ѣдетъ, виситъ пара перчатокъ, равно какъ и на томъ конѣ, на которомъ женихъ возвращается домой. Если невѣста изъ богатой семьи, то она также даритъ по парѣ перчатокъ конюшнѣ, коровьему хлѣву, овчарнѣ и банѣ, и кладетъ кольцо на ручную мельницу; если она бѣдна, то она вмѣсто этого даетъ по кусочку ленты или нѣсколько некрашеныхъ нитокъ. Недѣлю послѣ свадьбы молодая не смѣетъ выдти за заборъ. Въ слѣдующее воскресенье она должна отправиться въ церковь; по возвращеніи ея оттуда, устраивается дополнительный свадебный праздникъ, къ которому къ ней приходятъ ея родители, да еще небольшая компанія.

Всѣ эти свадебные порядки описаны со словъ дондангенскаго Лива, которому мы также обязаны вышеупомянутыми писанными по-ливски извѣстіями о томъ-же предметѣ. У попенскихъ Ливовъ едва-ли не такіе-же порядки, потому что у Латышей при одинаковыхъ обстоятельствахъ почти тѣже самые обычаи.

Беременная не смѣетъ не только ходить, но и заглядывать туда, гдѣ закалываютъ животное. Она не смѣетъ также бить свинью, переступать чрезъ оглоблю, проходить подъ повѣшенными сѣтями, смотрѣть на больное или раненное животное. Если роды происходятъ не съ тою скоростію и легкостію, какъ слѣдуетъ, то

мужъ долженъ уничтожить какую-нибудь работу, сдѣланную во время беременности жены, напр. разобрать посудину, которую онъ связалъ обручами; если онъ за тѣмъ сунетъ въ печку рѣшето и чрезъ печныя дверцы станетъ бросать камешки на рѣшето, то жена его разрѣшится отъ бремени. Когда дитя удачно родилось, то отецъ приноситъ бутылку съ водкой, предлагаетъ домашнимъ своимъ пить за здоровье новорожденнаго и благодарить Бога, что онъ опять подарилъ новаго человѣка. — Пока дитя не окрещено, при немъ каждую ночь должна горѣть свѣча, чтобы нечистый не подмѣнилъ ребенка.

Коль скоро кумовья приглашены, то, смотря по полу крестника, изъ нихъ выбирается крестный отецъ или крестная мать; нести дитя всегда должна женщина, которая сама еще кормитъ грудью ребенка. Въ день крестинъ мать занимается разными работами, для того чтобы изъ ребенка вышелъ хорошій работникъ. Когда всѣ гости собрались, то накрывается столъ, на который ставятся зажженныя свѣчи и подается завтракъ. Послѣ этой закуски ребенка выносятъ, а кумовья кладутъ подарки на столъ, выражая этимъ желаніе, чтобы на домѣ была благодать Божія. При одѣваніи ребенка, ему даютъ деньги, чтобы онъ со временемъ не былъ бѣденъ, а иногда вырванный изъ книги листокъ, чтобы ребенокъ былъ грамотенъ, и кусочекъ вонючей камеди, какъ защиту противъ злыхъ чаръ. Какъ скоро все это приготовлено, поютъ стихъ изъ пѣсенника, читаютъ отрывокъ изъ библіи, говорятъ Отче нашъ и ѣдутъ къ крестинамъ въ пасторатъ или въ церковь. Вынимая ребенка изъ кровати, женщина, несущая его, должна посидѣть немного на лежанкѣ, прежде чѣмъ выйдетъ съ нимъ изъ комнаты. При крестинахъ то лице, которое держитъ ребенка, должно шевелить ему пальцы на рукахъ и на ногахъ, чтобы онъ со временемъ не былъ лѣнивъ. Крестины происходятъ послѣ обѣдни. По окончаніи крестинъ отправляются въ пасторатъ, ѣдятъ закуску, взятую съ собою, и потомъ возвращаются домой. Здѣсь три раза обходятъ комнату, провозглашая имя крестника. На накрытомъ столѣ стоятъ зажженная свѣча, ржаной хлѣбъ, тарелка съ солью

и бутылка съ виномъ. Всѣ кумовья садятся за столъ, а главный кумъ угощаетъ ихъ, да при этомъ самъ ѣстъ и пьетъ. Но первый кусокъ онъ бро́саетъ за печку сверчкамъ, чтобы у крестника были хорошіе зубы. За тѣмъ подаютъ обѣдъ, при чемъ соблюдаются такіе-же порядки какъ на свадебномъ пиру, съ тѣмъ только отличіемъ, что теперь почетное мѣсто занимаетъ главный кумъ. Незадолго до полуночи ѣдятъ во второй разъ, также какъ при свадьбѣ. Откушавъ, отецъ ставитъ на столъ шляпу свою, въ которую каждый кладетъ отъ 5 до 10 коп. За тѣмъ опять являются стряпухи собирать свои деньги; наконецъ поютъ и читаютъ Отче нашъ, и гости отправляются домой. Въ теченіе шести недѣль до перваго посѣщенія церкви родильница не можетъ выходить со двора, и если уже непремѣнно должна отправиться куданибудь, то должна сдѣлать это не иначе, какъ подойдя къ наружной стѣнѣ церкви и прочитавъ тамъ Отче нашъ. Если капля той согрѣваемой воды, которая приготовлена для купанія ожидаемаго младенца, попадетъ въ огонь, то она уже болѣе не годится на это, потому что этимъ можетъ быть причиненъ большой вредъ ребенку. Такимъ-же образомъ нельзя ни выливать съ навѣса воду, въ которой мыто дѣтское бѣлье, ни сушить пеленки на воздухѣ; если мать станетъ прясть ленъ, то дитя будетъ сильно слюниться. Мальчиковъ нужно отлучать отъ груди на убыли, а дѣвочку на прибыли мѣсяца; если отлучать дѣвочекъ на убыли, то онѣ скоро состарѣютъ. Если отлучить мальчика въ «лвиный день» (извѣстный день во время поста), то онъ будетъ силенъ, а если отлучить дѣвочку въ Срѣтеніе, то она будетъ хороша собою. Не слѣдуетъ отлучать ни въ іюнѣ, потому что въ это время народъ ходитъ съ косами, ни въ мартѣ, потому что тогда бываетъ случка козловъ. Когда насталъ день отлучки, то мать печетъ бѣлый хлѣбъ, въ послѣдній разъ кормитъ ребенка грудью, читаетъ, держа его на рукахъ, Отче нашъ и вѣшаетъ ему на спину мѣшечекъ съ бѣлымъ хлѣбомъ. Отецъ идетъ съ бутылкою водки и проситъ своихъ домашнихъ пить за здоровье ребенка, а мать потчуетъ ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, приговаривая, что теперь дитя само должно за-

рабатывать себѣ хлѣбъ, что готоваго хлѣба нѣтъ (по-ливски: ni um val'mǫs lēba mǫtsās, т. е. теперь готовый хлѣбъ въ лѣсу).

Замѣчая, что больной умираетъ, но что смерть не наступаетъ, растилаютъ на полу солому и кладутъ на нее больнаго, ногами къ двери. Если кто долго борется со смертію и не можетъ ни жить ни умереть, то надъ грудью его должно переломить рукоятку поваренной ложки, или мутовку, или шестикъ отъ пряслицы, или другую утварь, которою онъ при жизни могъ ударить когонибудь. Когда больной скончался, то поютъ пѣснь, а между тѣмъ грѣютъ воду, чтобы обмыть трупъ. Потомъ трупъ моютъ, а если это мужчина, то и брѣютъ, одѣваютъ съ головы до ногъ, даже надѣваютъ на него шапку и перчатки, кладутъ на доску и покрываютъ бѣлымъ платкомъ, который завязываютъ красными нитками. Когда гробъ готовъ, то разрѣзаютъ красныя нитки, кладутъ покойника въ гробъ и, пропѣвъ пѣснь и прочитавъ молитву, закрываютъ гробъ. Съ недѣлю покойникъ остается въ клѣти, пока не приготовятъ поминочнаго угощенья. Къ этимъ поминкамъ приглашается родственникъ, хорошо умѣющій пѣть. Въ субботу вечеромъ, когда гости соберутся, отправляются въ клѣть, поютъ пѣснь, и съ пѣснями несутъ гробъ въ домъ, ставятъ его въ передней, покрываютъ его простыней и ставятъ на него двѣ зажженныя свѣчи. По произнесеніи молитвы, прочтеніи надгробнаго слова и пропѣва духовной пѣсни, покойника оставляютъ въ передней, а гости входятъ въ комнату, гдѣ ихъ угощаютъ водкой и ужиномъ. Послѣ ужина бесѣдуютъ, пьютъ водку, поютъ нѣсколько погребальныхъ пѣсней и снова садятся за столъ, снова поютъ, и когда наконецъ разсвѣтаетъ, встаютъ, говорятъ молитву, читаютъ надгробную рѣчь, поднимаютъ гробъ и увозятъ его. Когда они подъѣзжаютъ къ церкви, раздается погребальный колоколъ, а прибывъ на мѣсто, они несутъ гробъ въ церковную паперть и удаляются. Кистеръ поетъ пѣснь, читаетъ Отче нашъ, и за тѣмъ они поднимаютъ гробъ и съ пѣніемъ несутъ его на кладбище. Послѣ похоронъ они пьютъ еще немного водки и потомъ возвращаются домой.

Конецъ четверговаго вечера празднуется подъ названіемъ brēdig ǭdǫg. Въ это время можно колоть дрова, вязать, платать, шить, но нельзя прясть и готовить сѣти. Мущины не смѣютъ дѣлать кнуты или сбрую, потому что это можетъ повредить лошадямъ, а если лошадь ударить кнутомъ, сдѣланнымъ въ такое время, то послѣ удара тотчасъ останется безволосая полоска. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по пятницамъ ничего не выдаютъ изъ дому, не возятъ навоза на поле, не рѣжутъ скота и не стригутъ овецъ. Но у кого овцы пропадаютъ, тому слѣдуетъ стричь ихъ по пятницамъ, чтобы онѣ размножались. Такимъ-же образомъ по средамъ можно стричь барановъ, но не овецъ, иначе онѣ не станутъ любить своихъ овчатъ. Не слѣдуетъ также стричь овецъ въ такой день, когда пекутъ хлѣбъ, не то въ слѣдующій разъ у нихъ спутается шерсть. — Когда отелится корова и на новомъ молокѣ сварятъ кашу, то нельзя пить въ то время, пока ѣдятъ кашу, не то у коровы молоко испортится. — Когда родится теленокъ, то слѣдятъ за тѣмъ, какой гость первый приходитъ въ домъ. Если является мущина, то на будущій годъ родится бычекъ, а если женщина, то телка. Нѣкоторые дѣлаютъ подобное наблюденіе и при рожденіи ребенка. — Кладя на столъ початый хлѣбъ, не должно повертывать его срѣзанною частію къ двери, а то хлѣбъ уйдетъ изъ дому. — Отправляясь къ причастію, нѣкоторые берутъ съ собою завернутую въ тряпку соль, которая вслѣдствіе этого получаетъ силу благословлять сѣти или скотъ и т. п. Другіе же, возвращаясь отъ причащенія, берутъ съ собою сосновыя вѣтки, которыми посыпанъ полъ церковный, сожигаютъ ихъ дома и употребляютъ пепелъ точно также какъ упомянутую соль, на разное волшебство. Нѣкоторыя женщины, возвращаясь отъ причащенія, не входятъ тотчасъ-же въ домъ, а идутъ сперва въ сарай, мочатся тамъ въ особую приготовленную посуду и этою мочею сприскиваютъ весь скотъ. Въ то воскресенье, когда отправляются причащаться, полъ посыпаютъ сосновыми вѣтками, которыя выметаются лишь въ понедѣльникъ вечеромъ и относятся въ овчарню, чтобы овцы размножались. —

Стараются добыть недогорѣвшіе въ церкви кончики свѣчей, равно какъ тряпку, которою мыли покойника; кто обладаетъ этими вещами, да еще умѣетъ произносить нѣкоторые извѣстныя слова, тотъ, правъ ли онъ или нѣтъ, передъ судомъ всегда одолѣетъ своего противника. — Если во время причастія, предъ алтаремъ, у волшебниковъ нѣтъ на умѣ словъ, которыми они лечатъ, то впослѣдствіи эти слова уже болѣе не дѣйствуютъ. — Желая заколдовать дѣвушку, чтобы она не вышла за мужъ, нужно у нея вытащить, такъ чтобы она этого не замѣтила, булавку, которою она застегиваетъ свою рубашку на груди, и три головныхъ волоса съ корнемъ; обернувъ этими волосами булавку, послѣднюю втыкаютъ въ какой-нибудь уголъ къ сѣверу или подъ первый колъ у дома и при этомъ говорятъ: пока это тутъ лежитъ, дѣвушку не посватаютъ. Если найти на дорогѣ подковку, въ которой торчитъ гвоздь, то съ этимъ гвоздемъ и тремя волосами можно сдѣлать тоже самое, что̀ съ булавкой; равнымъ образомъ стоитъ только три волоса намотать на выброшенную въ навозъ метлу, вынести ее на перекрестокъ и произнести тѣже самыя слова. — Когда змѣя схватитъ лягушку, и вамъ удастся освободить лягушку изъ ея пасти, то необходимо запомнить слова, которыя именно въ то время были на умѣ, потому что ими можно излечивать людей и животныхъ отъ разныхъ болѣзней. — Чтобы не страдать отъ мухъ, нужно весною, изъ первой борозды, въ первый разъ проведенной сохою въ землѣ, снизу вынуть три горсти земли, накáпать въ нихъ девять капель свинаго жиру и эту смѣсь разсыпать по комнатѣ: тогда цѣлое лѣто мухи не станутъ васъ безпокоить. — Если кто понесетъ ущербъ въ скотѣ или сѣтяхъ, либо захвораетъ, то онъ воображаетъ, что онъ заколдованъ. Хотя и есть немало людей, которые могутъ излечить болѣзнь, но нужно остеречься, чтобы волшебникъ, причинившій бѣду, не замѣтилъ, когда идутъ къ врачу, иначе средства его не подѣйствуютъ. Если же нѣтъ другаго средства, то тайкомъ нужно узнать, кто виноватъ, и добыть нѣсколько волосъ съ его тѣла, чтобы ими окурить боль-

наго; если нельзя добыть его волосъ, то стараются получить кусочекъ его кала и имъ курятъ.

Свѣдѣнія эти также сообщены со словъ того-же самого Лива, которому мы обязаны вышеприведенными извѣстіями о свадебныхъ обычаяхъ. При этомъ считаю нужнымъ снова указать на многочисленныя дополненія, помѣщенныя въ упомянутыхъ выше образцахъ ливскаго языка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по части этихъ суевѣрныхъ понятій и обычаевъ у Ливовъ есть много общаго съ Латышами. Иное, пожалуй, прямо заимствовано у Латышей, иное, вѣроятно, шло противоположнымъ путемъ. Многое встрѣчается, можетъ быть, у обоихъ народовъ, но не заимствовано однимъ у другаго Ближайшее изслѣдованіе этого вопроса предоставляемъ спеціалистамъ; наша задача состояла въ собраніи отличительныхъ чертъ жизни и понятій ливскаго народа, не обращая вниманія на то, откуда взялись эти черты и давно ли онѣ составляютъ его принадлежность.

IV. Общія замѣчанія о ливскомъ языкѣ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ собственныхъ именъ *), до насъ дошло лишь нѣсколько обломковъ языка древнихъ Ливовъ. У Генриха (стр. 76) мы находимъ ливскую фразу «maga magamas», которую онъ въ тоже время переводитъ словами «jacebis hic in aeternum». Фразу эту Ливъ въ замкѣ Кауно съ усмѣшкой говоритъ осаждающимъ Эстамъ, которые грозятъ тѣмъ, что

*) Кромѣ упомянутыхъ въ двухъ первыхъ главахъ названій водъ, селеній и мѣстностей, можно еще указать слѣдующія личныя имена, встрѣчающіяся у Генриха: Ako (стр. 38, 171), Alo (стр. 4), Anno (стр. 9), Asso (стр. 89), Azo (стр. 18), Caupo (стр. 18, 25, 119 и т. д.), Dabrel (стр. 39), Gerweder (стр. 5), Kulewene (стр. 4), Kyranus (стр 36), Layanus (стр. 36), Lembewalde (стр. 37), Nunnus (? стр 71, 81), Uldenago (стр. 5), Uldewene (стр. 93), Wade (стр. 5), Waldeko (стр. 5), Wane (стр. 69), Veseke (стр. 88, 121), Viewaldus (стр. 136), Viezo (стр.5), Viliendi (стр.5), Ylo (стр 4), Ymant (стр 13). Сюда можно еще присоединить изъ грамотъ слѣдующія имена Lammechinus (1229), Cauleme (1289), Eppele (1348) и Kunne, Kerstian, Rycke, Kale (1359); въ послѣднихъ впрочемъ уже замѣтны чуждые элементы.

они останутся предъ замкомъ до тѣхъ поръ, пока овладѣютъ имъ или заставятъ находящихся въ немъ Ливовъ сдѣлать то, чего они (т. е. Эсты) хотятъ. Изъ эстской рѣчи Генрихъ приводитъ первое слово «magetas», къ которому Ливъ и примыкаетъ свою рѣчь. Я уже имѣлъ случай (Bullet. de la classe hist.-philol. за 1859 г. или Mélanges russes, III) показать, что сообщенныя Генрихомъ слова согласуются съ нынѣшними ливскими словами не только въ темѣ, но и въ формѣ, и что кромѣ того они представляютъ примѣръ такой конструкціи, которая свойственна только ливскому языку.

Отъ языка курскихъ Ливовъ, но болѣе поздняго времени, а именно въ грамотѣ, относящейся примѣрно къ 1300 году (см. Bunge, Urkunden-Buch, № 603), до насъ дошло ливское слово, значущее «косу» (теперь vikāt); въ числѣ вещей, похищенныхъ орденскими лицами изъ деревни Барбоне въ епископскихъ земляхъ, названы также «falces proprie dictas *victen*».

Въ грамотахъ 1331 и 1341 годовъ (Bunge, U. B. № 745 и 806) упомянуты, правда, еще двѣ рыбы подъ тѣми названіями, подъ которыми онѣ и теперь извѣстны у Ливовъ, т. е. «viginti sexagenas magnas, id est sestich, squillarum id est *bresmen*» (по-ливски bresmǫs, лещъ) и «300 piscium qui *taymen* dicuntur» (по-ливски taimin, tāmik, пеструшка), но вѣроятно эти слова впослѣдствіи заимствованы Ливами, потому что не отзываются такою финскою темою, какъ вышеупомянутое слово victen (по-эстски wikati, по-фински wikahdet), но въ тоже время звучатъ по-нѣмецки и въ грамотахъ вѣроятно разумѣются только нѣмецкими словами.

Съ этого времени въ теченіе двухъ столѣтій говорится о самихъ Ливахъ и Курахъ, но не объ ихъ языкѣ, по крайней мѣрѣ не иначе, какъ по одному названію. Лишь съ конца XVI столѣтія мы встрѣчаемъ отзывы о сродствѣ ихъ языка съ эстскимъ, а П. Эйнгорнъ (1649) прямо называетъ его эстскимъ языкомъ, не смотря на то, что самъ народъ называлъ его иначе. Хотя знатоку обоихъ языковъ, ливскаго и эстскаго, не трудно подмѣтить

различіе между ними, которое такъ велико, что позволяетъ принять ихъ за два особыхъ языка, подобно финскому и эстскому, но отъ Эйхгорна, который вѣроятно плохо владѣлъ и тѣмъ и другимъ языкомъ и судилъ только по внѣшнему созвучію и общему впечатлѣнію, нельзя было ожидать другаго отзыва. Какъ ни ложенъ этотъ отзывъ въ строгомъ смыслѣ, но все-таки онъ былъ для насъ очень важенъ, давъ намъ возможность вывести заключеніе, что и въ то время существовали и были извѣстны курскіе Ливы. Нѣсколько ближе съ ливскимъ языкомъ ознакомилъ насъ лишь Шлёцеръ, болѣе ста лѣтъ спустя. Его розысканіямъ мы обязаны первыми списками ливскихъ словъ и изреченій (1767 года) какъ изъ Курляндіи, такъ и изъ Салисскаго края въ Лифляндіи. Списки эти сообщили пасторы Таурекъ въ Ангернѣ, Циммерманъ въ Ирбенѣ, Буркгардъ въ Салисѣ и Эссенъ въ Ригѣ (1769). Въ нихъ заключается, конечно, много явныхъ неправильностей, потому что они записаны были со словъ народа лицами, которыя сами вовсе не знали языка. Нѣкоторыя ошибки вкрались, можетъ быть, и при печатаніи списковъ (въ Haigold's Beilagen zum neuveränderten Russland, II, стр. 354 и слѣд.). Не смотря на то, они даютъ возможность совершенно ясно понять, что это тотъ самый языкъ, на которомъ еще доселѣ говорятъ въ тѣхъ мѣстахъ. Вскорѣ послѣ того и Гупель въ своихъ «Topographische Nachrichten» сообщилъ небольшое собраніе словъ, а въ 1828 году вышла статья пастора Яннау «объ основномъ и первоначальномъ языкѣ Эстовъ», которая помѣщена въ 19-мъ томѣ Розенплентеровыхъ «Beiträge» и пытается доказать, что въ ливскомъ языкѣ содержатся первобытныя формы эстскаго языка и что Ливы и Эсты были *одинъ* народъ, говорившій на одномъ и томъ-же языкѣ. Онъ воспользовался тѣмъ, что до него извѣстно было о ливскомъ языкѣ, новаго же отъ себя прибавилъ мало и, какъ мнѣ кажется, старается доказать больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ можетъ быть доказано. Болѣе вниманія, чѣмъ лингвистическіе его матеріалы, заслуживаютъ историческія свѣдѣнія, которыя онъ собралъ о Ливахъ, но и ими нужно пользоваться до-

вольно осмотрительно, такъ какъ онъ Эстовъ и Ливовъ принимаетъ за одинъ и тотъ-же народъ и потому, безъ дальнѣйшаго, относитъ къ Ливамъ то, что говорится объ Эстахъ. Забавная книга І. Л. фонъ Парротa (Ueber die Sprache, Abstammung u. s. w. der Liwen, Latten und Eesten, 1828) не заключаетъ въ себѣ никакого годнаго матеріала. Наконецъ Крузе въ своей «Urgeschichte des Esthnischen Volksstammes» (1846) сообщилъ довольно длинный списокъ ливскихъ словъ, а сверхъ того Отче нашъ и X-ю главу, ст. 11—16, изъ Евангелія Св. Іоанна, отчасти по собственнымъ отмѣткамъ, отчасти со словъ кандидата Гольма, Ватсона и старика Принца, которымъ пользовался также и Шёгренъ, но во всемъ этомъ матеріалѣ столько ошибокъ, что имъ почти вовсе нельзя пользоваться.

Этимъ ограничивались всѣ наши свѣдѣнія о ливскомъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока въ 1846 и 1852 годахъ Шёгренъ не провелъ нѣсколько времени среди остатковъ ливскаго народа въ Лифляндіи и Курляндіи съ цѣлію ближайшаго его изученія. Изъ всего богатаго матеріала, собраннаго имъ при этомъ отчасти въ собственныхъ замѣткахъ, отчасти въ переводахъ и подлинныхъ статьяхъ, написанныхъ природными Ливами, онъ издалъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о языкѣ и небольшую пѣсенку въ отчетѣ о первомъ своемъ путешествіи (1847). Смерть застигла его въ то время, когда онъ только-что принялся за составленіе ливскаго словаря. Чтобы пополнить переданный мнѣ матеріалъ и лично ближе ознакомиться съ языкомъ, я въ 1858 году, по порученію Императорской Академіи Наукъ, самъ посѣтилъ курскихъ Ливовъ. Результатъ моей поѣздки, въ связи съ матеріалами, собранными Шёгреномъ въ два его путешествія, дали мнѣ возможность составить ливскую грамматику, съ приложеніемъ словаря образцовъ этого языка. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчаніями о характерѣ ливскаго языка, объ отношеніи его къ ближайшимъ сродственнымъ ему языкамъ и о его нарѣчіяхъ.

Ливскій языкъ, какъ уже и прежде частію сознавали, частію

догадывались, оказывается членомъ весьма распространенной семьи *финскихъ* языковъ и со всѣми другими европейскими языками принадлежитъ къ тому главному разряду языковъ, гдѣ матерія и форма сливаются въ одномъ словѣ, или гдѣ одна часть звуковъ, составляющихъ слово, выражаетъ главное понятіе, а другая часть категорію, къ которой слово принадлежитъ, или отношеніе его къ другимъ словамъ въ предложеніи. Въ этомъ разрядѣ ливскій языкъ опять принадлежитъ къ числу просто флексивныхъ (по В. Гумбольдту приставочныхъ) языковъ, т. е. съ однимъ только спряженіемъ и склоненіемъ, потому что форма слова для всѣхъ отношеній въ сущности почти всегда остается одна и таже, подвергаясь лишь незначительнымъ видоизмѣненіямъ на основаніи законовъ созвучія или благозвучія. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими семьями финскій языкъ принадлежитъ къ такъ-называевой Кастреномъ алтайской группѣ, а потому и свойственные ливскому языку признаки этой группы суть: производство и флексія посредствомъ однихъ суффиксовъ, соединеніе количественныхъ числительныхъ именъ съ единственнымъ числомъ исчисляемаго предмета и недостатокъ грамматическаго различія рода. Языки финской семьи на столько уклоняются одинъ отъ другаго, что общею для *всѣхъ* отличительною чертою можно назвать почти только одно необыкновенное богатство флексіи. Флексія эта отчасти такъ тѣсно срослась съ темою слова, что выраженіе «языки *приставочнаго* образованія» (*agglutinirende* Sprachen), предложенное В. Гумбольдтомъ для всего этого разряда, не совсѣмъ удачно, потому что въ финскихъ языкахъ флексія большею частію имѣетъ такой-же характеръ, какъ въ *флексивныхъ* языкахъ, которые онъ противопоставляетъ приставочнымъ. Нѣсколько сходнѣе между собою языки западной отрасли Финновъ, т. е. балтійскихъ Финновъ (Лапландцевъ, Финляндцевъ, Эстовъ и Ливовъ). Признаками ея (которые у восточныхъ финскихъ народовъ или вовсе не встрѣчаются, или по крайней мѣрѣ являются лишь отрывочно, не въ такомъ соединеніи) могутъ быть названы: неокончательный падежъ или видъ склоненія, болѣе или менѣе полная флексія при-

лагательнаго качественнаго имени, образованіе сравнительной степени посредствомъ производнаго слога и употребленіе количественныхъ числительныхъ именъ отчасти въ видѣ прилагательныхъ, отчасти въ видѣ существительныхъ. — Всѣ эти отличительные признаки отдѣла, разряда, группы, семьи и семейной отрасли, свойственные, конечно, и ливскому языку, даютъ уже довольно ясное понятіе о характерѣ этого языка. Остается только указать отношеніе его къ ближайшимъ родичамъ, языкамъ прочихъ балтійскихъ Финновъ.

Ближе всего, какъ позволяетъ предполагать и географическое положеніе, ливскій языкъ подходитъ къ эстскому; въ этомъ отношеніи мнѣніе тѣхъ, которые отождествляли его съ эстскимъ языкомъ, если и не оправдывается, то нѣкоторымъ образомъ все-таки мотивировано. Есть въ немъ также кое-что общаго съ финскимъ и лапландскимъ языкомъ, но не совпадающаго въ тоже время съ эстскимъ.

По части свойственнаго финскому языку созвучія гласныхъ въ ливскомъ языкѣ почти нѣтъ никакихъ, или гораздо меньше, слѣдовъ, чѣмъ въ эстскомъ, но ливскій языкъ, по крайней мѣрѣ въ Курлянліи, богаче гласными, чѣмъ эстскій языкъ, развѣ что въ послѣднемъ по этой части окажется еще большее богатство, если онъ тщательнѣе будетъ изслѣдованъ во всѣхъ его нарѣчіяхъ. Ливамъ свойственны звуки a̱ и o̱, занимающія средину между a и o, и звукъ o̧ между o̱ и u̱; ливское o̧ по-видимому соотвѣтствуетъ эстскому нечистому ȯ. Вслѣдствіе бо̀льшаго количества простыхъ гласныхъ звуковъ, въ ливскомъ языкѣ конечно и больше двугласныхъ сочетаній. Въ эстскомъ языкѣ нѣтъ слѣдующихъ ливскихъ согласныхъ: ž (русское ж), š (русск. ш) и двойныхъ согласныхъ ts (въ одномъ только дерптско-эстскомъ нарѣчіи), dz, tš, dž, которыя всѣ опять встрѣчаются въ лапландскомъ языкѣ, а отчасти и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Финскаго языка. Буквы s и z при извѣстныхъ обстоятельствахъ переходятъ въ звуки š и ž, которые для Эстовъ непроизносимы. Точно также Ливы, подобно Лапландцамъ, произносятъ въ началѣ словъ не только

буквы b, d, g, которыя Эсты и Финны въ чужестранныхъ словахъ замѣняютъ буквами p, t, k, но и нѣсколько согласныхъ сряду, къ чему органы ихъ вѣроятно привыкли вслѣдствіе употребленія латышскаго языка, напр. krastā, strēpilt, spradža. Буква f встрѣчается у Ливовъ только въ чужихъ словахъ, а буквы h, которую мы находимъ въ трехъ сродственныхъ языкахъ (хотя и не во всѣхъ ее выговариваютъ съ одинаковою силою), въ ливскомъ языкѣ почти вовсе нѣтъ.

Очень употребительны въ ливскомъ языкѣ смягченныя согласныя; въ связи съ смягченіемъ находится превращеніе звуковъ s и z въ š и ž. Это смягченіе встрѣчается и въ сродственныхъ языкахъ, по крайней мѣрѣ въ эстскомъ, гдѣ опять съ нимъ связано измѣненіе предыдущей гласной, но въ письмѣ оно не перешло ни въ одинъ изъ этихъ языковъ.

Бо̀льшее сходство съ финскимъ, чѣмъ съ эстскимъ языкомъ придаетъ ливскому языку удержаніе конечной гласной, которая въ эстскомъ языкѣ исчезла и снова появляется лишь въ склоненіи; но отъ финскаго онъ отличается, во-первыхъ, самымъ выборомъ конечной гласной, которая не всегда согласуется съ финской, а во-вторыхъ тѣмъ, что гласная основной темы большею частію становится долгою.

Протяжное произношеніе гласныхъ вообще придаетъ ливскому языку особый оттѣнокъ, которымъ онъ замѣтно отличается отъ сродственныхъ языковъ. Если въ именительномъ падежѣ гласная основной темы протяжна, то неокончательный и соединенные съ нимъ падежи часто отличаются двойными согласными или двугласными Въ курскихъ нарѣчіяхъ часто бываютъ протяжны даже такія гласныя, на которыхъ нѣтъ ударенія; въ салисскомъ нарѣчіи это происходитъ только вслѣдствіе сокращеній.

Весьма важное звуковое отличіе ливскаго языка заключается въ томъ, что въ немъ почти вовсе нѣтъ такъ называемаго измѣненія основной согласной буквы; слѣдо́вательно въ этомъ отношеніи онъ находится на одной ступени съ языкомъ Вепсовъ или Чуди. Весьма употребительно удвоеніе согласныхъ; слабые слѣды

смягченія, можетъ быть эстонизмы, встрѣчаются только въ салисскомъ нарѣчіи.

Склоненіе въ ливскомъ языкѣ нѣсколько проще, чѣмъ въ эстскомъ и финскомъ языкахъ. Хотя въ немъ и встрѣчаются почти всѣ падежи этихъ языковъ, но часть этихъ падежей уже почти всегда замѣняется предлогами или послѣлогами. Во множественномъ числѣ образованіе падежей еще неудовлетворительнѣе, чѣмъ въ единственномъ. Такой способъ склоненія безъ сомнѣнія произошелъ отъ сильнаго упадка языка, потому что отъ первоначальнаго богатства въ этой части грамматики все-таки еще дошли до нашего времени кое-какіе остатки, позволяющіе судить о теперешней бѣдности языка. По всей вѣроятности, причиною этого упадка склоненія въ ливскомъ языкѣ должно считать чрезвычайное распространеніе между Ливами латышскаго языка, потому что многочисленные мѣстные падежи, свойственные семьѣ финскихъ языковъ, въ латышскомъ языкѣ почти не могутъ быть выражены иначе, какъ при помощи предлоговъ.

Между мѣстоименіями заслуживаетъ вниманія произведенное отъ личнаго мѣстоименія, склоняемое притяжательное мѣстоименіе и относительное притяжательное, употребляемое для всѣхъ лицъ. Обозначеніе же притяжательнаго посредствомъ личныхъ суффиксовъ, какъ въ финскомъ и лапландскомъ языкахъ, въ ливскомъ вовсе нѣтъ. Едва ли даже оно и прежде когда-либо существовало въ немъ, тогда какъ въ эстскомъ языкѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды такого обозначенія въ народныхъ пѣсняхъ, а по словамъ Аренса и въ нѣкоторыхъ формахъ, употребительныхъ въ прозѣ.

Въ построеніи глагола ливскій языкъ уклоняется отъ эстскаго и походитъ на финскій и еще болѣе отдаленные члены той-же семьи. Сослагательнаго въ немъ вовсе нѣтъ, какъ въ эстскомъ языкѣ, и кромѣ того въ немъ недостаетъ страдательнаго залога. Отрицаніе при глаголѣ принимаетъ флексію, какъ въ лапландскомъ и финскомъ языкахъ, а по старинным указаніямъ и въ

эстскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время: но особенность ливскаго языка заключается въ томъ, что онъ (какъ восточные финскіе языки) вмѣстѣ съ тѣмъ во множественномъ числѣ измѣняетъ и самый отрицаемый глаголъ, и что для каждаго изъ двухъ простыхъ временъ (наст. и прошед. несоверш.) существуетъ особое отрицаніе, которое, конечно, служитъ и для составленныхъ изъ нихъ временъ. — Салисское нарѣчіе сходно съ эстскимъ языкомъ въ томъ отношеніи, что въ немъ ни глаголъ, ни отрицаніе не принимаютъ флексіи, но и въ немъ, какъ въ курскихъ нарѣчіяхъ, настоящее и прошедшее несовершенное имѣютъ каждое свое особое отрицаніе. — Въ сложныхъ временахъ ливскаго языка отглагольное имя (причастіе) во множественномъ числѣ принимаетъ флексію, какъ въ финскомъ языкѣ, въ отличіе отъ языковъ эстскаго и лапландскаго.

Кромѣ указанныхъ доселѣ отличительныхъ признаковъ ливскаго языка, отводящихъ ему мѣсто между сродственными языками, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ его чертахъ, которые хотя и составляютъ еще бо́льшее его отличіе, но не свойственны семьѣ финскихъ языковъ и, должно быть, заимствованы изъ языка латышскаго, на которомъ всѣ Ливы, по крайней мѣрѣ взрослые, говорятъ такъ-же хорошо, какъ на родномъ языкѣ. Выше мы уже упомянули о томъ, что простые падежи очень часто замѣняются послѣлогами, хотя эти падежи еще существуютъ въ языкѣ; кромѣ того сюда относятся перефразировка сравнительной степени (если послѣдняя не поставлена предъ существительнымъ въ видѣ сказуемаго), употребленіе причастія настоящаго времени въ качествѣ относительнаго вида (Modus relativus), употребленіе повелительнаго наклоненія глагола lask (пускать) какъ вспомогательнаго глагола для образованія повелительнаго наклоненія, множество глаголовъ, соединенныхъ съ латышскими предлогами (у салисскихъ Ливо́въ еще болѣе, чѣмъ у курскихъ) и происшедшее вѣроятно оттого обыкновеніе соединять съ глаголомъ даже ливскіе предлоги да послѣлоги, и управляемое собственно ими слово въ дательномъ падежѣ подчинять

глаголу *). Наконецъ изъ латышскаго перешло въ ливскій языкъ еще множество разныхъ словъ. Хотя и въ этомъ случаѣ салисское нарѣчіе зашло нѣсколько дальше курскихъ, но все-таки это не даетъ права предполагать, что уже и въ то время, когда еще говорили на салисскомъ нарѣчіи, т. е. лѣтъ 50 тому назадъ, въ немъ не было соотвѣтствующихъ, чисто-ливскихъ словъ. Напротивъ того, весьма вѣроятно, что и немногія лица, которыя еще помнили древній языкъ, въ то время, когда Шёгренъ у нихъ собиралъ свой словарь, уже не могли болѣе припомнить каждое отдѣльное слово, и потому заимствовали его изъ болѣе знакомаго имъ латышскаго языка. Изъ словъ, общихъ Ливамъ и латышско-литовской семьи языковъ, особенно важны и замѣчательны такія слова, которыя въ ливскомъ языкѣ имѣютъ болѣе древнюю форму и болѣе подходятъ къ литовскому, чѣмъ къ латышскому языку, въ которомъ форма очевидно отзывается новѣйшимъ происхожденіемъ. Они-то доказываютъ, что между народами финской и литовской семьи существовало соприкосновеніе и взаимнодѣйствіе гораздо раньше того, которое мы теперь видимъ на курляндскомъ берегу между Ливами и Латышами. Вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ подтвержденіемъ высказаннаго выше (гл. I) мнѣнія, что мѣста жительства древнихъ Куровъ или курляндскихъ Ливовъ прежде простирались дальше къ югу, до Жмуди.

По части словъ, встрѣчающихся какъ въ ливскомъ, такъ и въ сродныхъ съ нимъ языкахъ, ливскій языкъ, какъ по формѣ словъ, такъ и по самымъ словамъ, вообще болѣе сходенъ съ дерптско-эстскимъ, чѣмъ съ ревельско-эстскимъ нарѣчіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ большею частію и финскій языкъ чаще сходенъ съ ливскимъ, чѣмъ съ ревельско-эстскимъ языкомъ. Впрочемъ мы встрѣчаемъ такое отношеніе не вездѣ и ливскій языкъ выказываетъ свою самостоятельность тѣмъ, что нѣкоторыя его слова все-таки ближе подходятъ къ ревельско-эстскому, либо

*) Такую же конструкцію въ Курляндіи усвоили себѣ даже многіе образованные Нѣмцы, говоря «kommst du mir mit», «er wird dir mitgehen», вмѣсто «kommst du mit mir», «er wird mit dir gehen».

къ Финскому языку, но не подходятъ ни къ одному изъ двухъ главныхъ эстскихъ нарѣчій. Иныя слова, хотя и сродны съ эстскими, все-же по формѣ болѣе сходны съ финскимъ языкомъ, а именно съ карельскимъ нарѣчіемъ, особенности котораго въ другихъ словахъ повторяются и въ дерптско-эстскомъ нарѣчіи. — Наконецъ есть довольно много словъ, которыя свойственны одному только ливскому языку и не встрѣчаются ни у Финновъ, ни у Эстовъ. Иныя ливскія слова по формѣ сходны съ этскими, а по значенію болѣе или менѣе отличаются отъ нихъ, а нѣкоторыя слова, которыя въ эстскомъ языкѣ являются въ неполномъ видѣ, въ ливскомъ сохранились еще сполна.

Въ предложенномъ очеркѣ ливскаго языка конечно преимущественно принято въ соображеніе нарѣчіе, на которомъ еще до сихъ поръ говорятъ въ Курляндіи. Особенности салисскаго нарѣчія состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) звуковая система была, кажется, проще; 2) флексія вообще также была бѣднѣе и менѣе сложна; 3) нѣкоторыя флексивныя окончанія отличаются отъ курляндскихъ, помимо заключающагося въ нихъ гласнаго звука; 4) въ словарный запасъ вошло, кажется, еще больше латышскихъ словъ, чѣмъ въ Курляндіи; 5) большая часть словъ, даже не заимствованныхъ, нѣсколько отличается отъ употребляемыхъ въ Курляндіи, частію вслѣдствіе различія въ звуковой системѣ, частію вслѣдствіе еще большаго измѣненія словъ, независимо отъ общихъ звуковыхъ законовъ, частію вслѣдствіе употребленія такихъ словъ, у которыхъ совершенно другія темы.

Вообще говоря, между лифляндскимъ и курляндскимъ нарѣчіями ливскаго языка столько-же, если не больше, различія, сколько между двумя главными нарѣчіями эстскаго языка; салисское нарѣчіе составляетъ какъ бы противоположность двумъ курляндскимъ нарѣчіямъ ливскаго языка, которыя сами гораздо меньше отличаются одно отъ другаго, и изъ которыхъ западное нарѣчіе въ нѣкоторыхъ словахъ походитъ на салисское. Но это различіе въ нарѣчіяхъ не мѣшаетъ курляндскимъ Ливамъ, подобно ревель-

скимъ и дерптскимъ Эстамъ, считать себя близкими родичами салисскихъ Ливовъ, о которыхъ они издавна имѣли свѣдѣнія.

По двумъ большимъ деревнямъ, въ которыхъ между прочимъ говорятъ по-ливски, оба курляндскихъ нарѣчія распредѣляются на колькенское, на востокѣ, и пизенское на западѣ. Границу ихъ, гдѣ различія между ними конечно уже болѣе или менѣе изглажены, составляетъ примѣрно Ирбенскій ручей, который въ тоже время въ этомъ мѣстѣ раздѣляетъ два большихъ имѣнія Дондангенъ и Попенъ, населенныя Ливами, и уже по грамотѣ 1310 года (Bunge, U. B. № 629) отдѣлялъ земли епископа курляндскаго отъ земель рижскаго домкапитула. Разница между обоими нарѣчіями заключается большею частію въ различіи произношенія или въ употребленіи нѣкоторыхъ особыхъ словъ, и лишь очень мало въ различіи грамматическихъ формъ. Колькенское нарѣчіе болѣе распространено, пизенское же, напротивъ того, по крайней мѣрѣ отчасти, сохранило больше характеръ финской семьи. Но при этомъ, конечно, не должно забывать, что нѣкоторыя древнеливскія слова, употребленныя старикомъ Принцемъ изъ пуризма и любви къ родному языку, и въ его пизенскомъ нарѣчіи, какъ онъ самъ сознается, теперь повсюду замѣнены латышскими словами и что предложенныя вмѣсто латышизмовъ новыя слова, составленныя имъ въ духѣ ливскаго языка, народъ, пожалуй, и понимаетъ, но не употребляетъ.

Впрочемъ различіе между нарѣчіями вообще не такъ велико, чтобы въ Курляндіи всѣ Ливы не могли безъ труда понять другъ друга. Но какъ бы незначительно оно ни было, все-таки оно служитъ доказательствомъ, что въ прежнее время Ливы въ Курляндіи были распространены гораздо дальше и не могли быть переселенцами съ острова Эзеля: иначе нельзя понять, какъ между двумя-тремя тысячами переселенцевъ, при постоянномъ сношеніи ихъ съ родиною, могли образоваться два нарѣчія, тогда какъ у болѣе многочисленнаго и занимающаго бо̀льшее пространство, *особаго* народа подобное явленіе совершенно естественно, повторяясь также у Эстовъ, Финновъ и Лопарей.